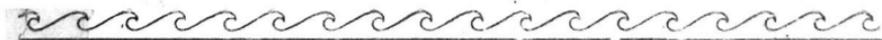

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

В 1958-1961 гг.

I

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 6

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
в 1958—1961 гг.

I

ОБЩИЙ ОТЧЕТ.
ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО
И АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1963

С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина

**РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР В 1958—1961 гг.**

Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, проводившиеся на территории Хорезма и прилегающих областей, в 1958—1961 гг. охватили чрезвычайно широкий круг памятников. За четыре года были раскопаны или детально обследованы десятки разновременных памятников, датируемых временем от III тысячелетия до н. э. до XVIII—XIX вв.

Основной проблемой, над которой работала экспедиция, была проблема общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружавших древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, в частности Хорезмский оазис. Эта работа была неразрывно связана с продолжением исследований по истории формирования и заселения человеком древних русел великих среднеазиатских рек — Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, истории древней пригации.

Работы экспедиции, в которых на разных этапах участвовало до сорока научных и научно-технических сотрудников и свыше 60 рабочих-землекопов, велись с апреля до середины октября ежегодно. Археологические исследования экспедиции проводились, как и в предшествующие годы, в основном в трех районах: в правобережном Хорезме, на территории Турткульского района Кара-Калпакской АССР; на землях древнего орошения в левобережном Хорезме, на территории Хорезмской области Узбекской ССР и Ташаузской области Туркменской ССР; на нижней Сыр-Дарье (северные Кызыл-Кумы), в бассейне древних русел Жаны-Дарьи, Инкар-Дарьи и Куван-Дарьи.

Кроме того, экспедиция вела археолого-топографические работы — весной на землях древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР и осенью на сыр-дарьинских руслах — Жаны-Дарье и Куван-Дарье (Кзыл-Ординская область Казахской ССР).

Этнографические работы по изучению современной культуры и быта узбеков Хорезмской области велись параллельно со сбором историко-этнографических и археолого-этнографических материалов, освещающих целый ряд вопросов в области истории общественных отношений и культуры узбеков данного района. Большой интерес представляют работы в дельте Аму-Дарьи, выявившие прочные исторические связи между каракалпаками и казахами. На территории Ташаузской области проводились работы по изучению культуры и быта туркмен-йомутов. Все этнографические отряды экспедиции продолжали сбор материалов для Среднеазиатского историко-этнографического атласа, подготавливаемого сектором Средней Азии Института этнографии АН СССР.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛЬТЫ
АМУ-ДАРЬИ

1

Значительное место в работах экспедиции заняло изучение памятников первобытной эпохи на территории древней Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи. За отчетный период были проведены работы на вновь открытой кельтеминарской стоянке Кават 7, начаты раскопки неолитической кремневой мастерской Бурлы 3, закончены работы на стоянке тазабатъябской культуры Кават 3, начаты и продолжены раскопки поселения амирабадской культуры Якке-Парсан 2.

Стоянка Кават 7, обнаруженная в 1958 г. А. В. Виноградовым и В. Н. Ягодиным, расположена на берегу одного из западных протоков Южной Акчадарьинской дельты, в нескольких километрах восточнее Кават-калы. В 1958 г. на стоянке был собран подъемный материал, а в 1959—1960 гг. проведены раскопки¹. Культурный слой стоянки оказался в значительной степени развеянным, однако, как показали наблюдения, это произошло сравнительно недавно. Поэтому среди многочисленных находок (а их всего в коллекции насчитывается около 15 тысяч) большое место занимает керамика, сохраняющаяся обычно после развеивания культурного слоя очень недолго. По той же причине оказались неразрушенными культурные наслоения на местах многочисленных хозяйственных ям и очажных углублений.

На всей площади стоянки была произведена зачистка поверхностного слоя, в результате которой, кроме большого количества находок, проникших сюда из культурных наслоений, удалось получить интересный материал о размерах и характере кельтеминарского жилища. Было открыто и расчищено около 80 ям различных размеров, в том числе имеющих прямое отношение к конструкции жилища. План расположения этих небольших столбовых ям позволил определить форму и размеры жилища (рис. 1). Оно было наземным и имело, как и на стоянке Джанбас 4², столбовую конструкцию. Неправильно овальное в плане, ориентированное длинной осью ЗСЗ-ВИОВ, жилище имело вход в короткой северо-западной стене. Размеры жилища 32 × 19,5 м (примерно 580 кв. м). В северо-западной части жилища были найдены следы присыпки нижней части стен. В центральной части зачищены остатки большого очага. Несколько очажных пятен прослеживаются по периферии жилища. Особенно интересны глубокие хозяйственные ямы, сохранившие заполнение в непотревоженном виде. В них найдено много керамики, изделий из кремня и раковин. К сожалению, кости очень плохо сохранились. В одной из ям обнаружено много кусков плотного желтовато-белого спекшегося пепла — по-видимому, результат очистки центрального очага.

Как показало изучение материала, полученного из непотревоженного заполнения хозяйственных ям и очагов, а также сравнение его с материалом, собранным на поверхности, все находки на площади дома единовременны и относятся к поздненеолитическому времени.

Из находок особый интерес представляет керамика (рис. 2). Предварительное изучение ее показало, что она хотя в целом и продолжает

¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда А. В. Виноградов, научно-технический сотрудник С. А. Оленич, студент-практикант исторического ф-та Горьковского университета С. Н. Припоров и четверо рабочих.

Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда А. В. Виноградов, научные сотрудники Р. Л. Садоков и Л. А. Фадеев, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев и трое рабочих.

² С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 68—69.

традиции раннекельтеминарской керамики (Джанбас 4), но уже значительно отличается от последней. Среди керамических изделий отсутствуют привозные вазы, однако чувствуется сильное южное влияние. Это прежде всего сказывается в наличии таких не характерных для степного неолита типов керамики, как полусферические чашки со сливом различной формы, а также с трубчатыми носиками (рис. 2, 3, 4).

Широкое распространение получили некоторые редко встречающиеся в ранних кельтеминарских комплексах формы, в частности сосуды со сферическим туловом.

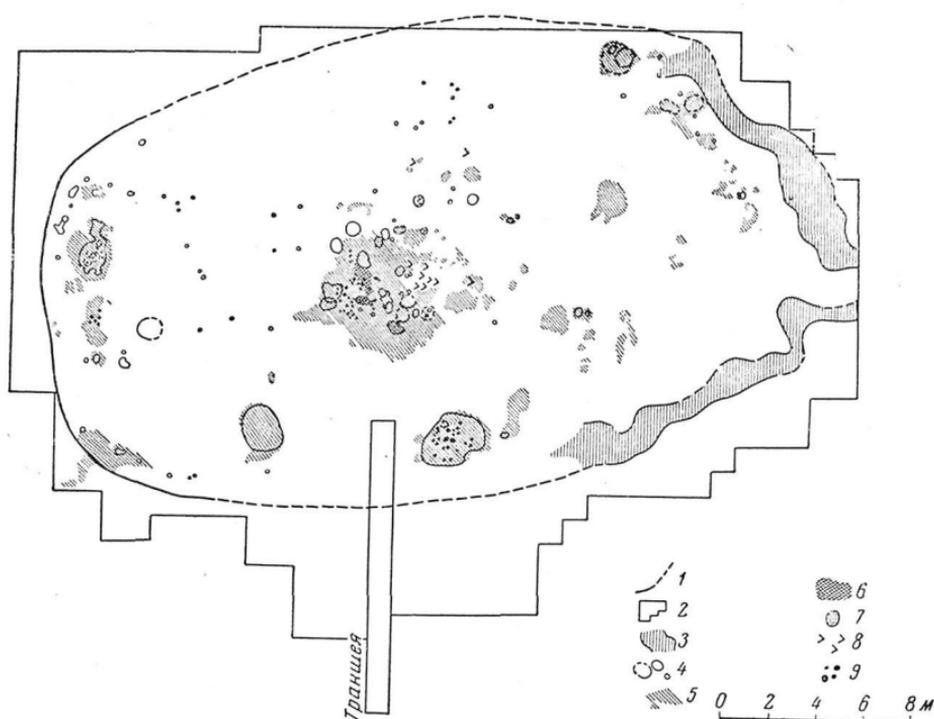

Рис. 1. Стоянка Кават 7. План жилища.

1 — предполагаемая граница дома; 2 — граница зачистки; 3 — остатки обваловки нижней части стен дома; 4 — ямы; 5 — зольные пятна; 6 — прокаленная почва; 7 — красноватый прокаленный песок; 8 — комочки охры; 9 — куски затвердевшего пепла

Появляются и получают широкое распространение некоторые новые типы орнамента, например прочерченный орнамент в форме простого меандра (рис. 2, 1).

Интересна и исключительно обильна коллекция изделий из кремня (рис. 3). Большими сериями представлены ножевидные пластины с ретушью, вкладыши различных типов, проколки, сверла, скребки, наконечники стрел и другие изделия. На поверхности и в культурном слое найдено несколько полированных каменных топоров.

На стоянке собрана большая коллекция раковинных украшений. В их числе цилиндрические пронизки из раковин *Dentalium*, бусы со сверленным отверстием из раковин *Chlamis*.

Стоянку предварительно можно датировать концом III — рубежом II тысячелетий до н. э.

Нет сомнений, что детальное изучение материала позволит не только уточнить датировку, но и выяснить новые дополнительные сведения для изучения хозяйства и культуры кельтеминарских племен.

Нельзя не остановиться на описании другого интересного памятника, по-видимому, этого же времени — мастерской по добыче и обработке кремня, открытой в юго-восточных отрогах Султан-Уиз-дага, археологическое изучение которого начато Хорезмской экспедицией.

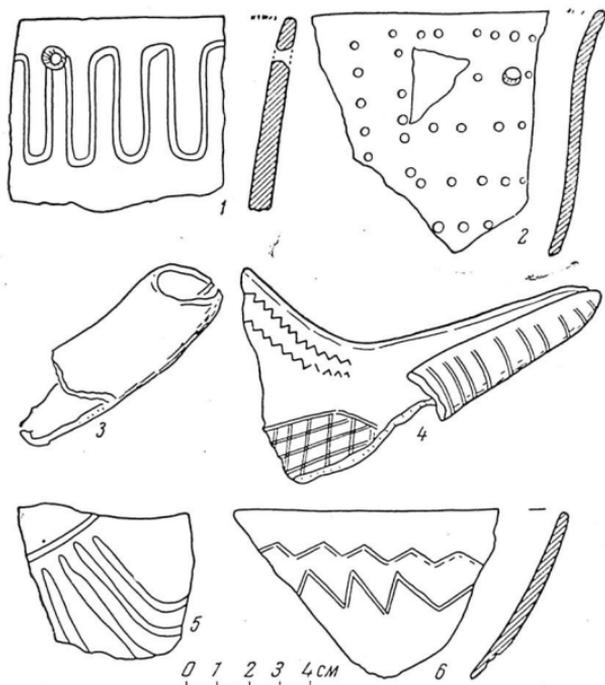

Рис. 2. Стоянка Кават 7. Керамика.

1, 5 — обломки крупных хозяйственных сосудов; 2, 6 — обломки полусферических чаш; 3, 4 — обломки сливов

Весной 1960 г. небольшая группа под руководством М. Г. Воробьевой в горах Султан-Уиз-даг провела разведывательный маршрут, в ходе которого было обследовано множество пунктов разработок тальково-карбонатных пород и остатки средневековых мастерских по изготовлению из талька заготовок каменных котлов. В юго-западной части Султан-Уиз-дага, на вершине и склонах горного хребта обнаружен оссуарный некрополь, существовавший, как показала собранная там керамика, в кангюйский и кушанский периоды истории Хорезма (IV в. до н. э.—IV в. н. э.). Оссуарии, среди которых были и статуарные, ставились в специальные ниши, выбитые в скале. Среди них интересна голова статуарного оссуария (рис. 4), принадлежавшая мужской фигуре, величина которой превышала натуральную. Найден обломок оссуария в виде женской фигуры, сидящей на троне. Большой интерес представляют фрагменты оссуариев с резьями в виде стреловидных бойниц.

Особенно важным результатом разведок следует считать открытие в этом районе мастерской по добыче и первичной обработке кремня. В том же году мастерская была более подробно осмотрена сотрудниками экспедиции А. В. Виноградовым и Р. Л. Садсковым. По имени наиболее близко

расположенной крепости Бурлы-кала она получила название Бурлы 3.

Мастерская расположена на большом возвышенном плато, примыкающем к одному из отрогов Султан-Уиз-дага и представляет собой естественный останец, овальный в плане (площадью примерно 60—70 × 45 м и высотой до 4 м) с двумя каменоломнями прямоугольной формы, расположенными по его краям. Последние имеют небольшие подбой в стенах, обращенных к центру останца, сильно замытые и засыпанные обва-

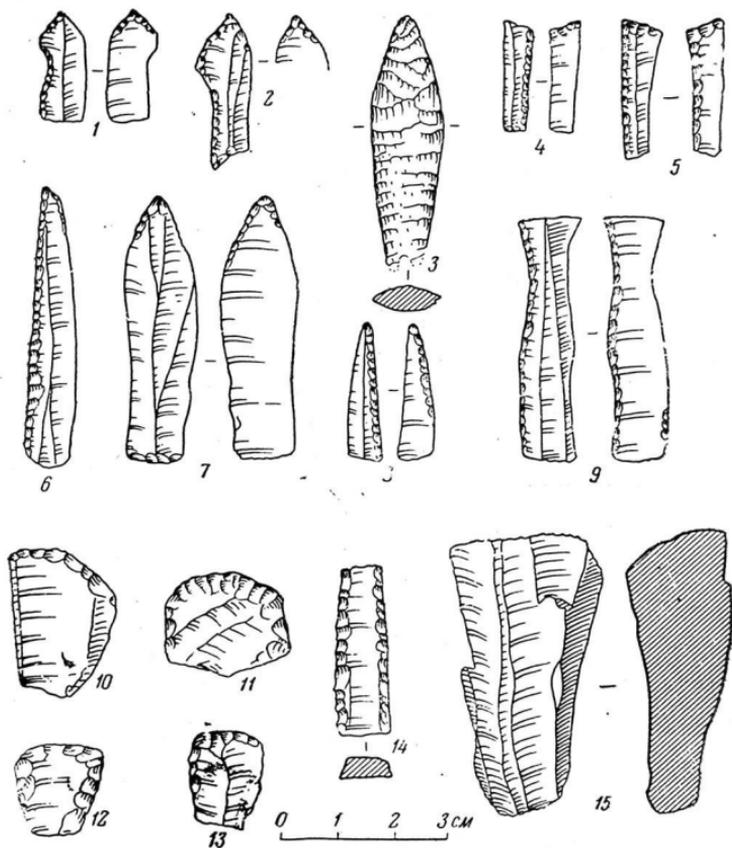

Рис. 3. Стоянка Кават 7. Изделия из кремня.

1—3 — наконечники стрел; 4—5 — вкладыши с притупленной спинкой; 6—8 — проколки; 9 — пластина с выемками; 10—13 — скребки; 14 — пожевидная пластина с крутой регушкой; 15 — нуклеус

лами. Поверхность останца и прилегающих участков плато сплошь покрыта отщепами и обломками кремня.

Сборы материала на площади мастерской в 1960 г. дали несколько отбойников — граненых камней овальной формы с сильно выщербленными ребрами, — группу нуклеусов со следами снятия пожевидных пластин и скребло, сделанное из небольшого овального отщепана нанесением грубоватой регушки по выгнутому краю. Нуклеусы односторонние, т. е. такие же, с какими обычно приходится иметь дело при изучении кремневого инвентаря кельтеминарских стоянок. Суди отходов преобладают отщепы и обломки, однако собрано также около двух десятков пожевидных пластин, преимущественно неправильной огранки.

Весной 1961 г. были проведены разведочные раскопки мастерской³, в результате которых удалось вскрыть небольшие участки культурного слоя по склонам холма и в большой каменоломне. Слой производственных отходов в большой каменоломне имеет толщину около четырех метров и представляет собой серую пылеватую супесь, до предела насыщенную отщепами и обломками кремня. Аналогичный характер имеет культурный слой и по склонам холма. В результате раскопок удалось установить достаточно точно время функционирования мастерской. Нижние горизонты производственных отходов в большой каменоломне дали некоторое количество поздненеолитической керамики, очень близкой керамике кельтеминарских стоянок. Поскольку в этих горизонтах не встречено керамического материала более позднего времени, можно предполагать, что большая каменоломня была выработана в основном еще в эпоху неолита. Выработка и обработка кремня производилась в мастерской и в эпоху бронзы. Позднее, в античное и средневековое время, мастерская использовалась, вероятно, для получения кремня для высекания огня. Находки разновременной керамики (вплоть до неолитической) в верхних горизонтах и на поверхности бугра свидетельствуют о том, что в античное и средневековое время кремень в мастерской

Рис. 4. Окрестности мастерской Бурлы 3. Фрагмент статуарного оссуария (глина)

не добывали, а пользовались отходами предшествующих эпох. Наиболее поздняя обнаруженная здесь керамика датируется X—XII вв.

В процессе разборки культурного слоя зафиксировано несколько производственных площадок для обивки кремня. Здесь, кроме огромного количества отщепов, обнаружены отбойники и отжимники, каменные наковаленки и большое количество кусков «горной кожи». Среди орудий найдены скребки, скребла, скобели. Обильный кремневый материал, полученный в результате раскопок, в настоящее время обрабатывается.

Мастерская Бурлы 3 как исторический памятник нескольких эпох, и в первую очередь эпохи неолита, представляет большой интерес. Памятников подобного рода на территории СССР известно сравнительно немного и большинство их не столь значительны по размерам. Исследование древнейших слоев мастерской позволит более подробно изучить некоторые стороны экономики и хозяйства неолитических кельтеминарских племен, известных ранее лишь по одной категории памятников — стоянкам.

В 1958 г. были закончены раскопки тазабагьябской стоянки Кават 3⁴, расположенной на том же русловом протоке, что и стоянка Кават 7, в непосредственной близости от последней. Была раскопана южная половина жилища (северная его половина была раскопана ранее)⁵ и вход в

³ Состав отряда: начальник отряда А. В. Виноградов, научные сотрудники С. А. Арутюнов, О. А. Вишневская, Л. А. Фадеев, инженер-картограф Н. И. Игонин, аспирант Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР О. Бердыев, шофер экспед. автобазы А. А. Бабичев и четверо рабочих.

⁴ Состав отряда см. в статье М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁵ М. А. Итиной. Раскопки стоянок тазабагьябской культуры Ангка 5 и Кават 3 «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1963, стр. 92—103.

виде коридора, шириною 1—1,1 м. Жилище представляло собой полуземлянку площадью 12 × 11 м с наземными стенами, сделанными из дерева и камыша, и с центральным очагом в середине. На площади дома было обнаружено множество столбовых ям, но о характере перекрытия сказать что-нибудь трудно. В многочисленных хозяйственных ямах найдена типичная тазабагъябская керамика. Интересна глиняная фигурка лошади, найденная в одной из ям, сделанная в очень примитивной манере⁶.

Комплекс стоянок амирабадской культуры в районе замка Якке-Парсан, расположенных на берегах русловых протоков Акча-Дарьи, был открыт в 1957 г. археолого-топографическим отрядом экспедиции⁷.

В 1958—1959 гг. велись раскопки поселения Якке-Парсан 2⁸, насчитывающего около 20 домов, которые прослеживались на поверхности такрыра в виде прямоугольных пятен, лишенных каких бы то ни было находок.

Около этих пятен были обнаружены обильные россыпи керамики. Поселение вытянуто в меридиальном направлении и состоит из двух рядов домов и нескольких отдельно разбросанных жилищ⁹. Как удалось установить, поселение стояло на мысу, образованном двумя сливающимися к югу от поселения каналами. Они представляли собой, видимо, углубленные небольшие русловые протоки, отходившие от основного протока, на котором базировался весь комплекс яккепарсанских стоянок. Было раскопано семь жилищ. Они представляют собой полуземлянки, причем сохранившаяся глубина котлована иногда достигает 1 м. Наземную часть этих стен составляли каркасные конструкции из дерева и камыша, обмазанные глиной. В центре каждого дома располагался центральный очаг характерной удлиненной формы (до 3 м длиной), состоящий из системы двух-трех ям. Стенки его также обмазывались глиной. Входами жилища были обращены к воде. В земляном полу, особенно в половине жилища, противоположной входу, располагалось множество хозяйственных ям. Помимо них, на площади каждого дома удалось проследить столбовые ямы. Размеры жилищ колеблются в пределах от 75 до 115 кв. м.

К северу от дома 14 была произведена расчистка одной из упомянутых выше поверхностных россыпей керамики. Она дала культурный слой толщиной до 15—20 см и скопление хозяйственных ям и остатков очагов. Никаких контуров жилищ здесь не обнаружено. Надо полагать, что это остатки летних мест обитания жителей поселения, которые, как и современное население Средней Азии, большую часть времени летом проводили на воздухе.

Судя по керамическому материалу, эти россыпи существовали одновременно с полуземлянками.

Среди находок преобладает керамика. Сосуды лепные с примесью шамота, реже дресвы в глиняном тесте. Внешняя поверхность их красноватая, коричневая или сероватая, в большинстве случаев залощена; часто лощение производилось по окрашенной красной краской поверхности сосуда. Часть сосудов орнаментирована резными крестиками, «решеткой», «елочкой». Орнамент наносился непосредственно под горлом сосуда. Основная форма их — горшки и миски с прямым коротким горлом, раздутым туловом и плоским или уплощенным дном. Встречаются сосуды с вороничковым венчиком и рельефным пояском в нижней части горла.

⁶ О раскопках стоянки Кават 3 см. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁷ С. П. Толстов, Ю. А. Рапопорт, М. Г. Воробьева. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, М., 1960, стр. 5—8.

⁸ Состав отрядов в 1958 и 1959 гг. см. в статье М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁹ Подробно о раскопках поселения Якке-Парсан 2 см. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

Керамика представляет собой типичный амирабадский комплекс, датирующийся IX—VIII вв. до н. э.

Кроме керамики, на стоянке найдены кусочки красной охры, каменные и глиняные лопцла, бронзовые, круглые в сечении иглы с ушком, четырехгранные в сечении шилья в костяной рукояти, бронзовый серп со слегка выделенной рукоятью, листовидные втульчатые и черешковые наконечники стрел.

В доме 8 были найдены литейные формы для отливки листовидных втульчатых и черешковых наконечников стрел и обломки литейной формы для отливки серпа. Найденные на поселении наконечники стрел, которые, судя по находкам литейных форм, изготовлялись здесь же на месте, имеют аналогию в комплексах, датирующихся началом I тысячелетия до н. э. Таким образом, датировка поселения Якке-Парсан 2 IX—VIII вв. до н. э., видимо, подтверждается.

По материалам раскопок можно констатировать, что население занималось земледелием, о чем свидетельствуют развитая арычная сеть, а также найденные на поселении серп и обломок зернотерки. Шурфы, заложенные на двух каналах, дали типичный агроирригационный слой. Многочисленные кости животных свидетельствуют о занятии населения скотоводством.

2

Большой интерес представляют начатые в 1956 г.¹⁰ раскопки на поселении архаического времени в урочище Дингильдже, близ крепости Дингильдже. Работы на поселении производились в течение двух сезонов (1959—1960 гг.)¹¹.

Поселение близ Дингильдже может быть датировано концом V в. до н. э. Оно расположено на развилке каналов того же времени и отличается большой продуманностью планировки. Здание, вытянутое с востока на запад, расположено в северо-восточном углу усадьбы и окружено глинобитной оградой толщиной свыше 2 м. Главный вход находился в середине южной стены и вел в центральный коридор, делящий здание на две части, — далекий прототип даласа — далана в современной народной архитектуре Хорезма¹². К востоку и западу от коридора вскрыт ряд помещений жилого, хозяйственного и парадного назначения. В жилых помещениях обнаружены очажные выкладки из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей, крупные сосуды для хранения зерна и жидких продуктов, хозяйственные ямы.

¹⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 116—118; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 15—17; М. Г. Воробьева. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. «Материалы ХЭ», вып. 1, стр. 70—80.

¹¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научный сотрудник С. А. Трудновская, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, В. С. Козлов, В. И. Матвеева, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф В. А. Родькин, хозяйственник И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков и Н. А. Хайлук. Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научный сотрудник В. А. Лоховин, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, А. Ф. Леонова, В. С. Козлов, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, художник В. А. Погансен, фотограф В. А. Родькин, старший лаборант М. И. Земская, техник-механик М. У. Юнисов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР В. Б. Куныкин и И. П. Волков. В работе по обследованию окрестностей участвовали научные сотрудники, картограф Б. В. Андрианов и инженер-картограф Н. И. Игонин.

¹² М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 283, рис. 15 и стр. 284; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Амударьи. «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 365, рис. 11; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. I, стр. 536, рис. 16а; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, стр. 13, рис. 1.

Особый интерес представляет конструкция колонн, на которых покоилось перекрытие одного из парадных помещений дома (помещение 8). Колонны представляют собой систему расположенных по кругу тонких вертикальных жердей, тщательно обмазанных алебастром. Ямки от жердей и следы алебастровой обмазки хорошо сохранились. Всего таких колонн было пять. Интересны также и подземные помещения, вскрытые в 1960 г. Они располагались за пределами дома, между его восточной стеной и стеной усадьбы и имели плоские перекрытия, находившиеся на уровне древней дневной поверхности. Функционировали они непродолжительное время, после чего были засыпаны. На территории усадьбы раскопан также большой прямоугольный бассейн.

Помимо большого количества керамики, которая при сохранении большинства архаических форм дает и переходные к раннекангуйским формы, среди находок на поселении можно отметить железный серп, бронзовые наконечники стрел скифского типа, обломки бронзовых шильев, игл и украшений, многочисленные поделки из камня.

В 1960 г. были раскопаны остатки небольшого святилища, расположенного в 1,5 км к северо-востоку от усадьбы и представляющего собой многоугольную выкладку из сырцового кирпича с чашевидным углублением в центре, заполненным золой. Керамический материал, собранный на поверхности святилища и на расположенном рядом разрушенном поселении, показывает, что святилище может быть отнесено ко времени несколько более раннему, чем усадьба близ Дингильдже, однако не выходит за рамки архаического периода.

В урочище Дингильдже в 1960 г. проведена также археолого-топографическая съемка, в результате которой на карту нанесено значительное количество разновременных памятников и ирригационных сооружений разных эпох.

В 1958 г. были продолжены раскопки на крупнейшем по площади городище Хорезма — Калалы-гыр 1¹³, расположенном в северо-восточной части Кара-Кумов в пределах Ташаузской области Туркменской ССР. Как было установлено работами предшествующих лет¹⁴, строительство крепостных стен и дворцового здания велось на рубеже V и IV вв. до н. э. и было внезапно прервано. После недолгого периода запустения в IV в. до н. э. во дворцовом здании были достроены и обжиты некоторые помещения. Во II — начале IV в. н. э. руины дворца использовались для оссуарных захоронений. Раскопки 1958 г. велись в течение месяца и были сосредоточены главным образом в двух помещениях, входящих в комплекс из шести залов средней величины, примыкающих к двум центральным дворам дворцового здания (рис. 5).

В одном из этих залов (помещение 12), расположенном в западной части дворца, раскопками обнаружены каменные базы колонн, состоявшие из массивного трехступенчатого плинта и устанавливавшейся на него торовидной части.

Таких баз, располагавшихся по длинной оси зала, было четыре, на них опирались деревянные колонны, несущие плоскую кровлю. Стены зала, как и других помещений дворца, до высоты около 1,5 м были пахсовыми, выше — сложенными из сырцового кирпича античного хорезмийского стандарта (40 × 40 × 10 см). Поверх сырцовой кладки шел слой алебастровых кирпичей, видимо, образовавших также и выступающий карниз. Высота стен больших помещений дворца достигала 6—8 м, о чем мы

¹³ Состав отряда см. в статье Ю. А. Рапопорта и М. С. Ланнирова-Скобло в настоящем сборнике.

¹⁴ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 197—200; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 153—167; см. также статью Ю. А. Рапопорта и М. С. Ланнирова-Скобло в настоящем сборнике, стр. 141—156.

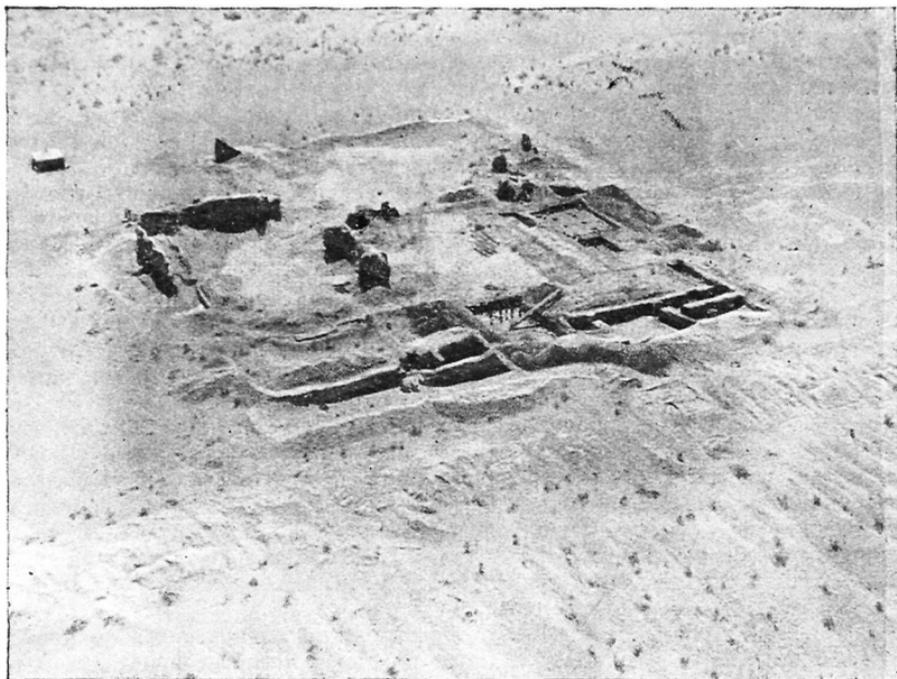

Рис. 5. Городище Кизил-тапир I. Дворцовое здание.

можем судить по отдельным сохранившимся останкам и размерам баз колонн.

Помещение 12 в кангюйский период обжито не было, в первой половине I тысячелетия н. э. здесь было установлено несколько оссуариев.

По-прежнему было использовано помещение 23 — зал, расположенный слева от входа во дворец (его площадь — 140 кв. м).

Строительство этого помещения в период возведения дворца, видимо, закончено не было, о чем свидетельствует тот факт, что каменные базы колонн, обнаруженные здесь, окончательно не обработаны. Они так же, как и в помещении 12, должны были иметь трехступенчатые плиты, размером в основании 70×70 см и высоту 40 см. В помещении 23 было обнаружено шесть баз, располагавшихся в два ряда. Помещение было построено при заселении дворцового здания в IV в. до н. э., при этом, помимо деревянных колонн, которые были установлены на каменных базах, кровля опиралась на столбы, врытые вдоль стен. Следует сказать, что поверх кровли здания, видимо, были уложены алебастровые кирпичи. Этот прием использовался и раньше, в период основного строительства, о чем говорит характер завала в помещениях, не заселявшихся позднее. Жизнь в здании, как это было установлено еще раскопками 1953 г., прекратилась в результате какой-то катастрофы, окончившейся большим пожаром. Слой пожарница, достигающий полуметровой толщины, обнаружен и в помещении 23; эти обуглившиеся балки, столбы, обгорелые куски глиняной обмазки кровли и стен. Вскоре после пожара сохранившаяся коробка стен начинает использоваться как загон для овец. Что касается позднейших оссуарных захоронений, то они здесь либо не производились, либо попали в уровень разрушения и не сохранились. В целом следует отметить, что хотя сейчас раскопано не более одной шестой части

площади двора (1750 кв. м из 10 460 кв. м), особенности его планировки достаточно ясны. Можно уже увидеть множество черт, сближающих ее с планами ахеменидских дворцов, прежде всего некоторых сооружений Персепольского комплекса. Об этом же свидетельствуют и некоторые архитектурные элементы, в том числе базы и капители колонн. Таким образом, раскопки 1958 г. дают новые материалы, подтверждающие наше предположение о том, что огромная крепость и дворец Калалыгырского городища возводились ахеменидским правительством накануне падения его власти в Хорезме¹⁵. Этот город должен был господствовать над важнейшим узлом ирригации левобережного Хорезма и, вероятно, служить оплотом ахеменидского сатрапа, подорвав значение расположенного неподалеку древнего хорезмийского центра — городища Кюзели-гыр.

3

В течение четырех лет (1958—1961 гг.) экспедиция проводила исследование раннесредневековых афригидских памятников в древнем Беркут-калинском оазисе.

В 1958 г. экспедиция вела раскопочные работы на четырех замках — 8, 11, 28, 99, а также обследовала и снимала подробные планы еще пяти памятников (замки 14, 35, 68, 82 и усадьба в районе последнего)¹⁶.

Замок 8 — прямоугольный в плане, с высокими стенами и донжоном в середине восточной стены. Раскопки велись в юго-восточной части замка и в воротах, расположенных рядом с донжоном в восточной стене. Здесь было выявлено два строительных периода — афригидский, относящийся к VIII в. н. э., и средневековый, датирующийся X в. Судя по керамике и найденной в слое монете Абдаллаха (VIII в.), время постройки замка и функционирование его в афригидский период ограничиваются рамками VIII в. В X в. жилые помещения и ворота замка были перестроены.

В 1958 г. были закончены начатые в 1956 г. раскопки замка 92. Замок этот интересен своей планировкой. Он состоит из донжона и стоящих отдельно, расположенных в один ряд помещений. Наличие жилого нижнего этажа в донжоне и составляющей с ним одно целое угловой башни, а также отсутствие крепостных стен выделяют этот памятник среди остальных.

В результате раскопок установлено, что это сооружение построено не раньше VII в., однако уже в VIII в. помещения донжона были перестроены. При раскопках удалось выявить характер перестройки и ремонтов, произведенных в VIII в.

В замке 11 раскопками вскрыто одно из жилых помещений донжона, в культурном слое которого найдены остатки мягкой кожаной обуви, кошмы, глиняный амулет в виде лежащего льва, косточки урюка. По особенностям конструкции постройку донжона можно датировать временем не ранее VIII в.

Большие по объему работы были проведены на замке 28, расположенном у современного Кырккызского канала в 2 км к югу от Беркут-калы. Его раскопки были начаты в 1958 г. и продолжались в течение трех полевых сезонов. Завершение работ на территории замка 28 представляло большой интерес, так как оно давало возможность получить законченную и изученную во всех деталях схему планировки большого дома — «хаули» 1200-летней давности. В 1960 г. раскопки замка были закончены.

¹⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1955 гг., стр. 167.

¹⁶ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда Е. Е. Неразник, научные сотрудники В. Д. Берестов и Н. П. Лобачева, научно-технический сотрудник В. Ф. Белоколытова, архитектор Ю. В. Стеблюк, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков и Б. В. Прокофьев.

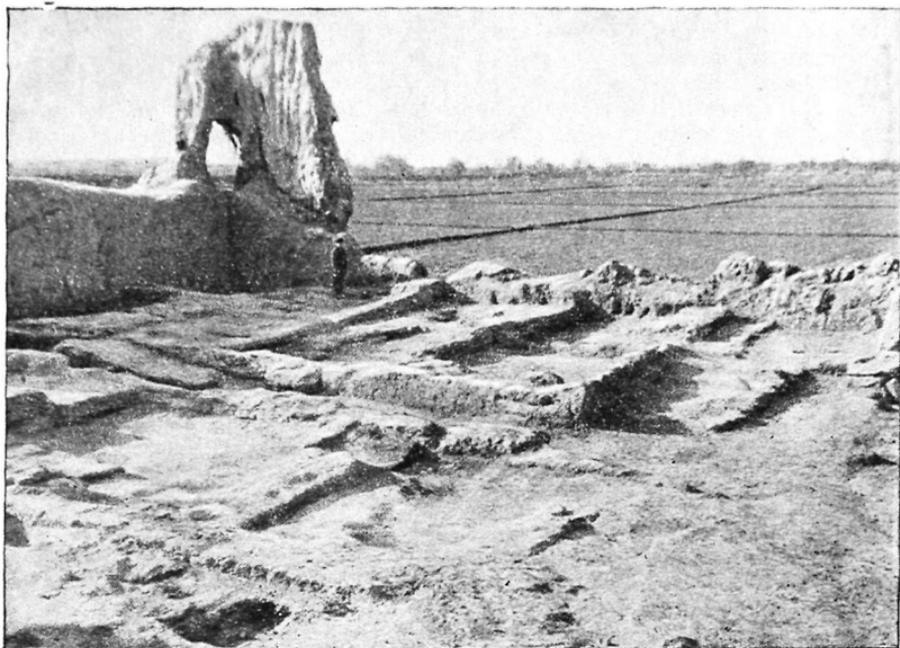

Рис. 6. Беркут-калинский оазис. Замок № 28. Общий вид двора после раскопок.

Замок отличается правильностью архитектурных пропорций и относительно малой площадью. Он почти квадратный в плане (26×24 м), имеет донжон (8×10 м), примыкающий к середине восточной стены и круглые башни по углам; стены замка прорезаны высокими щелевидными бойницами. Раскопками установлено, что остатки построек в пределах стен относятся к двум горизонтам, причем в верхнем наблюдается перестройка. Нижний горизонт не вскрывался, однако планировка его в этот период может быть в общих чертах восстановлена, так как выяснено, что стены помещений верхнего горизонта почти во всех случаях совпадают с нижними.

Внутренняя застройка (рис. 6) была разделена на две половины коридором, идущим от входа в восточной стене до двора в западной части. Каждая из них в свою очередь состояла из двух рядов помещений, вытянутых в направлении с севера на юг. Судя по остаткам гнезд от балок, расчищенных на участках западной и северной стен, перекрытия были плоскими, причем существовал либо легкий второй этаж, либо навесы над крышами первого этажа. Можно предполагать, что помещения верхнего этажа, как и в современных сельских домах, использовались как кладовые.

Как уже отмечалось, в верхнем горизонте была зафиксирована значительная перестройка здания. На месте предвратного сооружения был возведен донжон, а вход был прорублен в противоположной стене замка; за счет сокращения жилой застройки значительно увеличен двор.

Предположительно можно считать, что замок возник не позже VI в., а последний период его жизни датируется VIII в., в начале которого и была произведена перестройка.

Схема планировки, изученная при раскопках замка 28, характерна и для некоторых других замков Беркут-калинского оазиса (например, для

усадеб 19, одного из замков в районе Кырк-Кыза, обследованного в 1960 г. и др.). Видимо, эта схема прочно легла в основу народного строительства в Хорезме, ибо она прослеживается в жилых домах-усадебках вплоть до настоящего времени. Планы узбекских хаули — жилищ большой семьи — удивительно совпадают с планировкой, вышеописанных афригидских усадеб.

В 1959 г. были начаты раскопки крупного замка афригидской эпохи Якке-Парсан¹⁷, открытого и обследованного в 1940 г.¹⁸ Якке-Парсан представляет собой усадьбу прямоугольной формы, площадью 74 × 54 м, окруженную крепостной стеной. Каждая стена имеет четыре башни (считая и угловые). В середине южной стены расположен вход, фланкированный вытянутыми овальными башнями. В центре усадьбы находился возвышающийся на 15 м дожон — квадратный в плане, со стороной, равной 15,5 м. Стены дождона гофрированы полуколоннами, соединенными полукруглыми арками. Замок был окружен рвом.

Один из раскопов 1959 г. заложен во дворе между юго-западной башней и дожоном. Здесь расчищено несколько помещений, перекрытых некогда сводом и имеющих хозяйственное значение. В частности, в помещении 1 на нижнем полу расположены закрома для хранения зерна, где найдены семена проса.

Расчистка помещений (1, 2 и особенно 3) выявила довольно сложную стратиграфию. В помещении 3 разобраны три пола, причем ко времени существования верхнего пола относится надстройка старых стен, в результате чего площадь помещения уменьшилась. Третий пол этого помещения не является самым древним, в шурфе вдоль западной и южной стен вскрыт участок четвертого пола.

Во всех помещениях сделаны интересные находки. Помимо керамики, здесь найдено несколько костяных ножей и железный предмет, имеющий форму массивной вилки (помещение 1), обломки бронзового зеркала (помещение 2), несколько бронзовых монет (помещение 3).

Раскопки за пределами стен замка обнаружили край платформы, на которой сооружен замок, возвышающийся над окружающим такыром на высоту до 2 м. Выяснилось, что первоначально ширина рва, пересеченного траншеей, достигала 23 м, затем платформа была расширена за счет рва, который соответственно сузился до 18 м. Глубина рва в последний период существования замка превышала 2 м. Третий раскоп был заложен на дожджоне, состоящем из восьми помещений, стены которых возведены на девятиметровом пахсовом цоколе. В центральном помещении в верхних слоях завала сохранились кольца сильно просевшего и опрокинувшегося купола с остатками трюма, состоящего из восьми полукруглых арок и кирпичей барабана. Глубина помещения — 4,4 м. Защищены два пола, к верхнему полу относится богатый находками культурный слой. Из него извлечена масса предметов из дерева, кости, глины. Особый интерес представляют фрагменты тканей — шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых и кожаной обуви. Специального внимания заслуживают такие уникальные находки, как обрывок документа на коже с древнехорезмийской надписью, деревянная струганая палочка с надписью и деревянная большая печать с изображением павлина, держащего в клюве венки. Найдено большое количество семян садово-ягодных культур и костей животных.

Была раскопана также комната в юго-восточном углу, у западной стены которой находился колодец. При раскопках обнаружено два грабительских хода.

¹⁷ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Е. Е. Неразник, научные сотрудники Н. П. Лобачева, Р. Л. Садоков, научно-технический сотрудник Т. Б. Гладкова, студентка-практикантка Т. Н. Томина.

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 125—126.

Раскопки замка продолжались в 1961 г.¹⁹, когда были целиком расчищены доижок и большая часть помещений западной половины застройки двора. В доижоне вскрыто еще семь помещений, в каждом из которых имелось два пола, причем назначение комнат менялось. Первоначально они были либо только жилые (помещения 3, 5) с кирпичными суфами вдоль двух или трех стен, либо только хозяйственными (помещение 6) с закромами, где хранились запасы продуктов. После настилки верхних полов все помещения, за исключением центрального, входного и помещения 6, стали одновременно и жилыми и хозяйственными, поскольку в каждом из них появились закрома и очаги для приготовления пищи. В комнате 6 вместо кирпичных закровов были вырыты две больших овальных ямы, а в юго-западном углу был сооружен тапдыр, не отличающийся по устройству от современных. Из находок, сделанных на доижоне в 1961 г., следует отметить остатки кошмы, тонкой хлопчатобумажной ткани и кожаной обуви, два деревянных гребня, использовавшихся для расчесывания шерсти при прядении, а также большое количество растительных остатков и керамики.

Во дворе раскопано около 20 помещений, причем общая площадь расчищенного участка превышает 940 кв. м при глубине помещений от 1,3 до 2,5 м. Установлено, что вдоль западной стены крепости и половинны южной (от юго-западного угла до входа в замок) располагались сводчатые помещения хозяйственно-складского назначения, одно из которых было раскопано в 1959 г.

В одном из них (помещение 7) оказалось семь целых хумов, заполнявших почти все пространство комнаты. Сводчатые перекрытия этих помещений имели расклинку керамикой, что типично для памятников хорезмийской античности, но не характерно для строительства эпохи Афригидов.

Некоторые признаки разрушенного культурного слоя над просевшими кольцами свода свидетельствуют о наличии верхнего этажа.

Каждое из таких сводчатых помещений соединялось с жилым, имевшим кирпичные суфы вдоль стен и один или два очага. В них же найдено большое количество столовой и кухонной посуды — целой и в обломках.

Описанный горизонт является средним. Во всех помещениях имеются верхние полы, перекрывавшие закрома в хозяйственных комнатах, и суфы — в жилых. Помещения, относящиеся к последнему периоду существования замка, лишены каких-либо внутренних конструкций. Этот период четко датируется монетами Хангири началом VIII в. Средний горизонт, видимо, мало отличался по времени от верхнего, ибо керамика в обоих горизонтах однотипна.

Нижние полы еще нигде не вскрыты. Существование их установлено в небольшом шурфе, заложенном в помещении 4. Этот шурф, а также специальное обследование показали, что первоначально вдоль западной и южной стен замка шла сводчатая стрелковая галерея, лишь впоследствии перегороженная на ряд помещений, относящихся, как уже указывалось, к среднему горизонту. В тот же средний период в башнях были устроены закрома, так что они потеряли свое оборонное назначение, превратившись в зернохранилища, хранилища продуктов. Нижний горизонт и, следовательно, время постройки крепости определить пока трудно. Самые древние из вскрытых до сих пор слоев восходят, по-видимому, к V в. В пользу этого говорят некоторые ранние формы керамики,

¹⁹ Состав отряда в 1961 г.: начальник отряда Е. Е. Черзник, заместитель начальника экспедиции В. А. Лоховиц, научные сотрудники Р. Л. Садоков, Л. А. Фадеев, научно-технические сотрудники В. Н. Башилов, А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, старший лаборант В. Д. Берестов, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родькин, художник В. А. Иогансен, механик М. У. Юнисов, начальник снабжения В. Н. Егоров, шоферы экспед. автобазы АН СССР Ф. И. Гурков и А. И. Сапронов.

Рис. 7. Городище Хазарасп. Общий вид

видимо, пережиточно существующие в верхних слоях, а также находка на поверхности замка монеты чекана хорезмшаха Аскаджуvara (500 г. н. э.)^{19а}.

В 1958 г. Хорезмская экспедиция приступила к раскопкам археологических памятников древнего Хорезма, расположенных в современной культурной зоне.

Одним из них была крепость Хазарасп, расположенная на территории райцентра Хазарасп Хорезмской области Узбекской ССР (рис. 7).

Раскопки на территории Хазараспа — города, существующего на протяжении более двух тысячелетий, до сих пор не велись. В 1936 г. Я. Г. Гулямов обследовал крепость, предварительно датировав ее возникновение IV — III вв. до н. э.²⁰

Площадь Хазараспа равна 340×320 кв. м; у стен его широкая заболоченная низина — остатки древнего рва. Территория крепости застроена современными жилищами, за исключением небольших участков вдоль стен и юго-восточного угла, где возвышается бугор Дэв-Салган.

Стены крепости много раз перестраивались и ремонтировались. Самые поздние, местами прекрасно сохранившиеся, были построены, вероятно, в XIX в. Они поставлены на вал, образованный остатками более ранних крепостных сооружений. Стены усилены башнями: семь в северной стене, шесть в западной, в восточной сохранилось только четыре, в южной — одна. Башни неправильной, овально-вытянутой формы, они, как и крепостные стены, увенчаны зубцами. В середине южной стены, судя по остаткам выступающих за линию стен бугров из жженого кирпича, был въезд в крепость. Ворота Хазараспа XIX в., по рассказам очевидцев, были деревянными и имели высоту 16 м и ширину 8 м (т. е. 16 м между створками). Вдоль ворот были расположены сторожевые помещения, охранявшие въезд с двух сторон; из них открывался вход в башни. Недалеко от ворот находилось медресе XIX в., а немного подальше — ханака.

Раскопки городища Хазарасп, начатые в 1958 г., продолжались и в 1959—1960 гг.²¹

Уже разведочные работы 1958 г. показали, что культурные напластования на территории крепости сильно повреждены, а местами

^{19а} Раскопками 1962 г. вскрыт более древний слой с хорошо сохранившимися хумами, восходящими к кушанскому времени.

²⁰ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 82—83.

²¹ Составы отрядов в 1958—1960 гг. см. в статье М. Г. Воробьевой, М. С. Лапирова-Скобло и Е. Е. Неразик в настоящем сборнике.

полностью уничтожены позднейшими перекопами. Раскопки древнего Хазараспа осложняются также и еще двумя обстоятельствами. Во-первых, значительная часть территории крепости занята современными жилыми постройками (до 200 одноэтажных домов). Во-вторых, на городище очень высок уровень грунтовых вод. Ни один из раскопов не доведен до материка, так как уже на незначительной глубине от поверхности раскоп заливается водой.

Несмотря на все эти трудности, за три раскопных сезона удалось получить обширный и интересный археологический материал разных эпох и сделать ряд ценных наблюдений относительно истории строительства памятника, особенностей оборонительной архитектуры, материальной и духовной культуры населения города античной и средневековой эпох²².

Так, большой интерес представляют материалы раскопов, вскрывших остатки гончарного производства, существовавшего на городище на одном месте с IV в. до н. э. до XIX—XX вв. н. э. Здесь расчищены остатки керамических обжигательных печей и связанный с керамическим производством комплекс находок — ямы с песком, керамический брак, комочки белой глины, употреблявшейся для ангобирования и др.

В течение трех лет продолжались работы на раскопе XII, в результате которых вскрыто основание минарета золотоордынского времени и прилегающий к нему участок территории городища. Слои разрушения минарета оказался перекрытым завалом золотоордынского времени, что позволяет предполагать, что минарет был разрушен в конце золотоордынской эпохи.

Большие работы были проведены с целью реконструкции плана древнейшего городища. В 1958 и 1959 гг. был вскрыт участок стены с шпильстрами античного времени и установлено, что стены, опоясывавшие городище этого времени, находятся внутри современного вала крепостных стен. Удалось установить конструкцию древней стены. Она была пахсовой и стояла на выкладке из сырцового кирпича античного стандарта (40 × 40 × 10 см и 40 × 20 × 10 см), которая в свою очередь опиралась на паховое основание. Между пахсой и выкладкой, а также между рядами кирпичей был подсыпан желтый песок.

Проведенные в Хазараспе работы показали относительно неплохую сохранность нижнего горизонта древнего городища, что открывает широкие перспективы для изучения города античного времени. Однако непременными условиями проведения дальнейших работ на этом интереснейшем памятнике являются осушение окрестностей и освобождение его территории от современной застройки.

4

Археолого-топографические работы в левобережном Хорезме в 1958—1959, 1961 гг. были продолжением работ 1952—1954 гг., охвативших южную часть Сарыкамышской дельты (Чермен-яб, урочище Куна-Уаз).

В 1958 г.²³ исследования проводились севернее — в междуречье северного и центрального Даудана от Ярбекир-калы на западе до Кандумкалы на северо-востоке. Изучение древних приращенных систем показало, что на этой территории наиболее древние каналы (архаические и

²² Подробнее об итогах трехлетних работ на городище Хазарасп см. в статье М. Г. Воробьевой, М. С. Лапирова-Скобло и Е. Е. Неразик в настоящем сборнике.

²³ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда Б. В. Андрианов, архитектор Д. С. Витухин, студенты-практиканты Д. Буджавин и С. Н. Карпова, шофер экспед. автобазы АН СССР В. И. Сулов.

кангюйские), начинаясь непосредственно в Северном Даудане, шли преимущественно в меридиональном направлении. Напротив, кушанские и кушано-афригидские магистральные каналы брали свое начало значительно выше по течению протоков Даудана в пределах современной культурной зоны и были проложены в широтном направлении. Напомним, что точно такое же расположение кангюйских и кушанских магистральных каналов было зафиксировано в бассейне Чермен-яба.

Меридиональный магистральный канал, начинаясь у большой излучины Северного Даудана в 10 км к востоку от Мангыр-калы, имел общую ширину свыше 40 м, между береговыми отвалами около 20 м. Параллельно ему начинался другой, более узкий канал, рядом с которым было открыто большое архаическое укрепленное поселение, имевшее квадратную планировку. От укрепления сохранились бугры высотой до 2 м, усеянные обломками керамики архаической и кангюйской эпох, что свидетельствует о продолжительной жизни поселения.

Другое архаическое укрепленное поселение было открыто археолого-топографическим отрядом в 15 км к югу от Мангыр-калы в урочище Уз. Это укрепление правильной ромбовидной формы (с периметром сторон $80 \times 81 \times 82 \times 80$ м) имело стены толщиной в 3,8 м, сложенные из сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см. На углах расположены округлые, далеко выступающие башни. Стены имели обходный коридор, шириной в 1,8 м. Керамика сосредоточна главным образом вдоль стен, где местами заметна планировка внутренних помещений.

Поселение расположено в низовье мощного архаического канала, который был прослежен еще в 1954 г. к югу от Куня-Уаза и Турпак-калы. Этот канал, начинаясь в окрестностях Куня-Уаза, шел вдоль Среднего Даудана и был ограничен от последнего дамбой, от которой сохранились отдельные звенья вала и своеобразные подковообразные фортификационные сооружения.

Более поздние кушанские и кушано-афригидские системы были изучены в окрестностях Ярбекир-калы и Мангыр-калы.

Средневековые системы проложены южнее в средней части между-речья Северного и Центрального Даудана. Они параллельны позднеантичным и брали свое начало в пределах современной культурной зоны, возможно, от основного русла Аму-Дарьи. С ними в урочище Уз тесно переплетаются наиболее поздние туркменские каналы системы Шамурата, забиравшие воду из Куня-Дарьи.

Хвостовые части средневековых систем достигают окрестностей Ярбекир-калы.

В урочище Уз было обследовано большое ремесленное поселение монгольского времени, где было найдено значительное количество средневековой (золотоордынской) поливной и неполивной керамики, украшений и монет.

К северу от поселения, в зоне разрушенных такыров и подвижных песков были открыты развалины нескольких сельских усадеб, давших богатые находки золотоордынской керамики.

Археолого-топографические исследования в 1958 г. закончились в окрестностях Кандум-калы, где открыты раннесредневековые городища Огланлы-кала и Курганджик-кала. Развалины Кандум-калы — крупной кангюйской крепости — расположены на территории колхоза им. Чапаева. Ее мощные стены (с периметром сторон $296 \times 266 \times 290 \times 278$ м) достигают высоты 5 м при ширине у основания 6—7 м. Они сложены из сырцового кирпича размером $42 \times 42 \times 10$ см.

Городище покрыто толстой коркой пухлого солончака, и на поверхности его керамика сохранилась плохо. Однако при зачистке стен центрального комплекса были обнаружены обломки кангюйской керамики.

Параллельно небольшим отрядом под руководством О. А. Вишневской было проведено обследование средневековых сельских поселений в районе крепости Куня-Уаз и на Чермен-ябе.

Поселения в районе Куня-Уаза составляют довольно компактную феодальную земельную округу золотоордынского времени, базирующуюся на ирригационных сооружениях монгольского периода и объединяющую отдельные, видимо, родовые поселки, при которых часто были свои родовые кладбища. Исследованиями установлено, что в окрестностях этой античной в основе крепости, запустевшей окончательно в X, может быть, в начале XI в., в золотоордынское время вновь возродилась жизнь. Это, по-видимому, связано с разрушением монголами ирригационной сети Хорезма, в результате чего избыточные воды Аму-Дарьи прорвались по естественному уклону старых русел на запад в Сарыкамышское озеро и обводнили этот район.

Из обследованных в 1953 г. в районе Чермен-яба памятников наибольший интерес представляет усадьба с сохранившимися на ней остатками стекольного производства. Найденные фрагменты стеклянных изделий, датирующиеся керамикой хорезмшахского времени, можно сопоставить с аналогичными находками из комплекса шахсенемского стекольного производства²⁴.

Археолого-топографические изыскания в 1959 г.²⁵ проводились по расширенной программе: наряду с древними оросительными системами археологическому обследованию вновь подверглись три крупных средневековых городища — Замахшар, Даудан-кала и Ак-кала и около десятка средневековых сельских поселений.

Детально обследована территория между Замахшаром и Даудан-калой, густо населенная в эпоху хорезмшахов. Здесь было изучено несколько больших поселений XII—XIII вв. и остатки древних оросительных каналов системы Чермен-яб. Древнейшие каналы этой системы относятся к архаическому времени. Они брали свое начало из боковых протоков Даудана. Мощный 40-метровый широтный кангуйский канал был прослежен вдоль русла Даудана от Замахшара до окрестностей Даудан-калы. Кюнерли-кала базировалась на другом, более южном канале, истоки которого уходят в современную культурную зону. Средневековые оросительные системы были прослежены до низовой Газавата (на левом берегу Даудана) и Шавата (на правом берегу Даудана).

В междуречье Даудана (северного) и Дарьялыка изыскания охватили территорию от Мангыр-шардары до Бутен-тау, где открыты и изучены большое поселение хорезмшахского времени к западу от Мангыр-шардары и обширная феодальная усадьба в нескольких километрах к юго-западу от Каттагар-шардары. Кроме того, были обследованы несколько поселений золотоордынского времени, из которых наибольший интерес представляют: поселение в 4 км к юго-востоку от Ак-калы и поселение в 5 км к югу от колхоза «Большевик» на левом берегу Дарьялыка.

Поселения хорезмшахского времени по своей планировке (расположение жилищ вдоль малых арыков на некотором расстоянии друг от друга) напоминают хорошо известные нам поселения того же времени в Кават-калином оазисе. Золотоордынские поселения отличаются большой компактностью застройки в центральных частях, где жилища тесно примыкают друг к другу.

²⁴ С. А. Трудновская. Стекло с городища Шах-Сенем. «Труды ХЭ», т. II, 1958, стр. 421—430.

²⁵ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Б. В. Андрианов, научные сотрудники Н. Н. Вактурская и О. А. Вишневская, инженер-картограф Н. И. Игонин, архитектор В. А. Лалин, фотограф В. А. Родькин, студент-практикант Т. Четырбок, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. Е. Мозгалева и Н. А. Хайлук.

В 1961 г.²⁶ работы в районе Ак-калы были продолжены. В окрестностях Ак-калы были открыты и обследованы развалины средневекового городища Казаклы-аулие, на площади которого находились средневековое и позднесредневековое туркменские кладбища. На надгробных кирпичях последнего были обнаружены тамги йомутов. К югу и юго-западу от Казаклы-аулие было найдено множество средневековых поселений (XIV—XVII вв.).

Поселения XIV—XV вв., как правило, приурочены к берегам извилистых протоков и каналов с остатками весьма сложных водоподъемных сооружений (полуплотин, плотин и дамб) и сборных водохранилищ. По берегам каналов встречены редкие ямы (9×10 м) от чигирных установок, усеянные светлыми обломками чигирных кувшинов.

В этом же году в окрестностях Ярбекир-калы отряд обследовал и снял мензульный план территории с остатками крупного античного керамического производства.

К западу от Ярбекир-калы была открыта большая раннесредневековая сельская усадьба с очень правильной планировкой ограды и садово-паркового комплекса. Центральная жилая часть была укреплена мощной стеной. К востоку от нее располагались два многокомнатных дома, разделенных центральным коридором на две половины.

Наибольший интерес среди обследованных отрядом объектов представляют развалины средневекового города (или крупного ремесленного поселения), расположенного в 20 км к западу от Ярбекир-калы. На этом городище, называемом местным населением Шахрлик, было собрано свыше 400 медных монет, часть которых датируется XII—XIV вв.

Город насчитывал свыше 100 зданий, десятков ремесленных керамических мастерских, мастерских по производству стекла и т. п. В окрестностях города было открыто несколько крупных феодальных усадеб.

В процессе работ отряда в течение всех трех полевых сезонов были сняты топографические планы городищ и поселений, сделаны разнообразные архитектурные обмеры, составлены археологические карты на отдельные участки обследованной территории и собран большой подъемный керамический материал.

5

В 1958—1960 гг. в составе экспедиции работали три этнографических отряда: узбекский, каракалпакский и туркменский.

Узбекский этнографический отряд в 1958—1960 гг.²⁷ продолжал полевые исследования среди узбеков Хорезмской области Узбекской ССР (со стационарным изучением культуры и быта колхоза «Ленинград» Шаватского района Хорезмской области УзССР), а также в Тахтинском и Куня-Ургенчском районах Ташаузской области Туркменской ССР, Ходжейлинском и Бирунийском районах Кара-Калпакской АССР, где есть узбекское население. Основной задачей отряда был сбор материалов по реликтам домусульманских верований и обрядов у оседлого населения Хорезма. Кроме того, был проведен сбор материалов для картографирования по теме «Культовые сооружения и обряды» для Среднеазиатского историко-этнографического атласа.

²⁶ Состав отряда: начальник отряда Б. В. Андрианов, научный сотрудник Н. Н. Вактурская, аспиранты Ин-та истории, археологии и этнографии Туркменской ССР О. Бердыев, Е. Атакарыев, Х. Юсупов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин и И. П. Волков.

²⁷ Состав отряда: начальник отряда Г. П. Снесарев, архитектор Ю. В. Стеблюк, научно-технический сотрудник Г. С. Куртмуллаева (1958 г.), аспирант Х. Есбергенов (1959 г.), переводчик С. И. Салимов (1958—1959 гг.), шофер экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков.

Некоторые итоги исследований отряда, проведенных за эти годы, отражены в ряде публикаций²⁸.

Среди выводов, которые могут быть сделаны на основе анализа собранного материала, наибольший интерес представляет факт существования в Хорезме зоны склепных (наземных) захоронений, которые в других местах Узбекистана и Таджикистана прослеживаются сейчас уже с большим трудом.

Для выяснения генетических корней этого явления чрезвычайно важно то, что эта зона склепных захоронений совпадает с территорией расселения узбеков, не знающих родоплеменных делений. т. е. с той этнической средой, в этногенезе которой наиболее четко прослеживается древнехорезмийский компонент, что подтверждается многими элементами материальной и духовной культуры, данными антропологии и лингвистики.

Реликты домусульманских верований и культа в целом, имеющие место в агнологии, демонологии, в свадебных, погребальных, земледельческих и прочих обрядах, в легендах и мифах, выявлению которых в основном и посвящены данные исследования, дополняют материалы археологов в этой области и в будущем позволят совместными усилиями археологов и этнографов реконструировать облик духовной культуры жителей Хорезма на разных этапах его истории.

В комплексе исследуемых явлений имеются и другие интересные этнографические находки.

К ним в области социальных институтов прошлого относятся реликты своеобразных каст, в частности касты служителей погребального культа, совершенно отчетливо восходящей к зороастрийским «служителям мертвых»; остатки мужских союзов с их оригинальными обычаями и обрядами; в области агнологии — пережитки культа плодородия, в центре которого удаётся проследить образ Великой богини-матери, связанный с почитанием Аму-Дарьи, а также некоторые другие персонажи авестийского пантеона; в области шаманского культа — локальные особенности, восходящие к маздеистским верованиям. Много ценного в этом же плане дает материал легенд и мифов, носящих здесь особенно интенсивный отпечаток древнеиранских влияний.

Помимо работы в области религиозных верований и культа, Узбекский этнографический отряд за этот период, пользуясь сведениями, которые были получены в результате записи исторических преданий и легенд, обнаружил и обследовал ряд археологических памятников: Дауд-кала, Вайенган-кала, Кят-кала (Шаватская), Алма-атышкан-кала, Топрак-кала (Шаватская) и Топрак-кала (Хивинская), Чингиз-тепе, Алтын-кала, Абу-муслим-кала, Зайнели-булак и др. Некоторые из этих памятников были обследованы впоследствии вторично вместе с археологами.

Каракалпакский этнографический отряд экспедиции в 1958 и 1959 гг. продолжал начатое им в предыдущие годы изучение северных районов Кара-Калпакии — Муйнакского, Кунградского и Тахта-Купырского²⁹. Это — районы дельты Аму-Дарьи и южного побережья Аральского моря, в прошлом слабо заселенные вследствие неблагоприятных природных

²⁸ Г. П. Снесарев. Большевесейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма. КСИЭ, вып. XXXIII, 1960, стр. 60—72; е го же. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма. «Материалы ХЭ», вып. 4, 1960, стр. 134—145; е го же. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия. «Материалы ХЭ», вып. 4, стр. 198—202; е го же. Маздеистская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Ю. В. Стебляков. Исмамут-ата (к типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии). СЭ, 1959, № 3, стр. 89—97.

²⁹ Т. А. Ждаико. Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4. М., 1960, стр. 146—171.

условий. Камышовые и тугайные заросли, озера, протоки перемежаются здесь с участками пустыни и болотистыми пространствами; с запада дельта ограничивает плато Устюрт, а с востока — песчаная пустыня Кызыл-Кум и возвышенность Бельтау. В годы советской власти дельтовые районы республики начали деятельно осваиваться. Здесь стали строиться новые рыбные заводы, возник ондатровый промхоз, звероводческие фермы, значительные пространства освоены под посевы хлопчатника и риса. Появились рабочие поселки, крупные рыбацкие колхозы, озелененные селения хлопководческих совхозов и колхозов. Этнографический облик местного населения — каракалпаков, казахов и других национальностей отличается большим своеобразием. У них сохраняются еще многие традиции, унаследованные от прежнего отсталого полукошачьего быта исконных жителей дельтовой области и вместе с тем ярко, в национальной форме выражены черты нового быта и социалистической культуры.

В задачу отряда входило исследование современной культуры и быта населения северной Кара-Калпакии и сбор историко-этнографического материала, с попутным обследованием находящихся в изучаемых районах археологических памятников. Особой научной темой, в связи со спецификой национального состава населения этих районов, было выявление исторически сложившихся хозяйственных, бытовых и культурных связей между каракалпаками и казахами, издавна жившими в непосредственном соседстве на побережье южного и восточного Арала.

В 1958 г.³⁰ отряд проводил полевые исследования совместно с этнографами Каракалпацкого филиала АН Узбекской ССР. На Муйнаке были обследованы два рыболовецких колхоза — «Марат» и «40 лет Октября»; затем на разведочном морском сейнере отряд вышел в море и провел рейс в 370 км, с остановками для работы у пяти островов — Карабайлы, Ак-петке, Тайлак-джекен, Тасбескум и Мерген-атау, на которых расположены поселки рыболовецкого колхоза «Красный рыбак» и рыбоприемочные пункты Муйнакского консервного комбината. Население этих островов, численность которого превышает 1,1 тыс. человек, составляют казахи (преимущественно алимы) и каракалпаки (почти все муйнакцы). Эти группы казахов и каракалпаков — исконные насельники Приаралья, занимавшиеся комплексным хозяйством, сочетающим орошаемое земледелие (посевы риса, проса, бахчеводство) со скотоводством и рыболовством. Отрядом записаны их исторические предания и история их поселения на островах.

Многие из нынешних жителей помнят еще, как хозяйничали здесь до революции промышленники — владельцы рыбных промыслов, эксплуатировавшие рабочих и рыбаков. Бедняки рыбацкие, как правило, не имели своих лодок и сетей и вынуждены были отдавать промышленникам за пользование снастями значительную часть улова бесплатно. Желавшим соорудить свои сети промышленники давали авансом 1 фунт пряжи за 1000 штук рыбы. Колхоз «Красный рыбак» объединяет опытных рыбаков, знатоков моря. Колхоз получает большие уловы, преимущественно крупного частика и воблы; в лове участвуют как мужчины, так и женщины. Рыба сдаётся на Муйнакский консервный комбинат. Новая техника рыболовства — внедрение механизации, совершенствование орудий лова — в корне изменила характер промысла. Рыбаки пользуются морскими сейнерами, быстроходными мото-фелюгами, мотоботами, государство обеспечивает их усовершенствованными снастями. Рыбаки живут в очень суровых природных условиях. Плоские, песчаные,

³⁰ Состав отряда: начальник отряда Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. П. Лобачева, фотограф Г. А. Арзыропуло, художник Т. В. Полевика, архитектор Ю. В. Стеблюк, инженер-картограф Н. И. Игошин, сотрудники Каракалпацкого научно-исследовательского ин-та (ныне филиал АН Узбекской ССР) У. Шалекенов А. Туреев, У. Калниязов, С. Аметов, студент-практикант А. Джарылганов.

безводные острова представляют собой небольшие участки пустыни, заброшенные в открытое, бурное море. Во время шторма аулы нередко затапливаются и даже сносятся волнами. Летняя жара и штормы сменяются зимой сильными морозами и снежными выгонами, но работа продолжается — идет подледный лов.

Отрядом собраны подробные историко-этнографические материалы, характеризующие методы рыболовства местных каракалпаков и казахов, описаны старые орудия лова, часть которых уже безвозвратно исчезла; изучена современная материальная культура и бытовые условия жизни колхозников-рыбаков. Здесь как и у казахов, так и у каракалпаков широко бытует юрта наряду с утепленными зимними домами — каркасными постройками с камышовым заполнением стен; для установки юрт на рыхлом, сыпучем песке предварительно устраивают круглые площадки из камышовых жгутов, обмазанные глиной. Пресную воду, которую раньше получали из льда, хранящегося все лето в ямах-холодильниках, обложенных камышом, теперь регулярно привозят на острова на больших плашкоутах; проектируется устройство артезианских скважин.

Колхозные и рабочие поселки хорошо снабжаются продуктами, промышленными товарами. Во всех поселках есть школы, клубы. Очень развито прикладное искусство, в частности процветает узорное ткачество; юрты выглядят чрезвычайно нарядно благодаря яркому традиционному внешнему и внутреннему убранству. Своеобразен общий облик поселков — на фоне яркого синего моря, у подножия песчаных гряд и барханов, на узкой береговой полосе располагаются группы домиков и юрт, большие здания рыбных заводов с холодильниками; у причалов стоят белые сейнеры и другие суда, весь берег окаймлен бесчисленным множеством небольших рыбацких лодок; в усадьбах развешаны сети, вентер и другие снасти, лежат, дожидаясь зимы, деревянные сани, употребляемые для перевозки снастей и рыбы во время подледного лова.

При изучении семейного быта местного населения оказалось, что здесь очень часты смешанные браки казахов и каракалпаков. В некоторых семьях они повторяются из поколения в поколение, так что трудно определить, к какой национальности относится данная семья.

Распространено предание, что у казахов-алим и каракалпаков-мюлтен был общий предок. Тесно связанные узами взаимного родства, с давних пор совместно преодолевающие трудности хозяйства и быта в суровых географических условиях, казахи и каракалпаки южного Арала представляют собой образец исторически сложившегося содружества двух национальных групп, вопреки распространявшимся еще недавно в исторической литературе неверным утверждениям о враждебности и расприях, якобы существовавших извечно между этими народами в присырдарьинских районах и низовьях Аму-Дарьи³¹.

В 1959 г.³² первую часть этнографического маршрута отряд прошел через Шуманайский³³ и Кунградский районы в Ургу, откуда на лодках через озера и камышовые заросли дельты Аму-Дарьи отправился в местность Кара-Джар, издавна населенную каракалпаками приморских родоплеменных групп (кыят, ашамайлы и др.).

³¹ Основные итоги полевой работы отряда, проведенной в 1958 г., см.: Т. А. Жданко. Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала. СЭ, 1961, № 5, стр. 27—43.

³² Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. П. Лобачева, аспиранты ИЭ Р. Джарылгасиянова и Х. Есбергенов, научно-технические сотрудники М. И. Земская и Т. Н. Томина, студентка-практикантка И. В. Котовская, архитектор Ю. В. Стеблюк, художник Т. В. Полетика, фотограф Г. А. Аргироуло, экономист М. Аралбаев (Каракалпакский педагогический ин-т), шоферы автобазы АН СССР Н. С. Горин и В. В. Цветков.

³³ Ныне Шуманайский район входит в состав укрупненного Кунградского района Кара-Калпакской АССР.

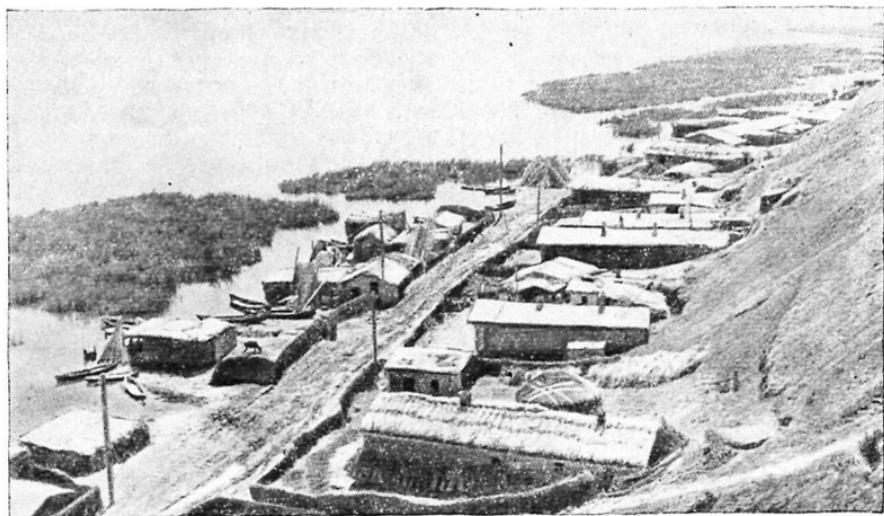

Рис. 8. Рабочий поселок Урга. Общий вид

В Кунградском районе отряд изучал корейский рисоводческий совхоз «Раушан», расположенный на осваиваемых землях дельты³⁴. В Муйнакском районе этнографические работы проводились в поселке Урга, центром которого является крупный рыбный завод. Население поселка — казахи, русские, украинцы; первые — преобладают. В быту казахов, рабочих рыбного завода и рыбаков, сохранилось много национального своеобразия. В поселке, живописно расположенном у самого берега, на крутом мысе Урга, благоустроенные домики с двускатными крышами перемежаются со стоящими на территории усадьбы юртами (рис. 8). В жилище и утвари украинцев сочетаются черты местных форм материальной культуры с их национальной культурой. В Кара-Джаре работы велись в двух каракалпакских селениях (колхозный поселок Таза-Коньс рыболовческой артели им. Калинина и собственно Кара-Джар — рыбацкий поселок, расположенный близ рыбзавода), а также в смешанном по национальному составу поселке Арша, где находится большой промхоз, занятый ловом ондатры и звероводством: здесь имеются зверофермы чернобурых лисиц и норки. Населенные пункты в этой дельтовой местности отрезаны друг от друга бесчисленными протоками, озерами и необозримыми камышовыми зарослями; основной вид транспорта — лодка; лишь поселок Арша имеет другие виды связи. Помимо рыболовства, местные каракалпаки занимаются на небольших приусадебных участках земледелием. Нам удалось обнаружить в поселке Таза-Коньс старинное водоподъемное сооружение — «кол-серпне», давно исчезнувшее в остальных районах Кара-Калпакии и сохранившееся в виде реликта древней ирригационной техники лишь в этой отдаленной от центров республики местности.

Отряд обнаружил во время своих работ ряд археологических памятников, в большинстве — средневековых. На пути к Кунграду, на территории совхоза им. Кирова близ Устюрта, обнаружена расположенная на бугре крепость Кетенлер-кала (рис. 9, 1), занимающая подпрямоугольную площадь размером 264 × 198 м. Юго-восточная и юго-западная стены крепости с угловой башней между ними сохранились местами на

³⁴ Р. Джарылгасинова. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР. КСИЭ, вып. XXXV, 1961, стр. 54—63.

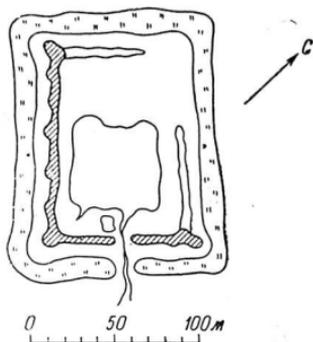
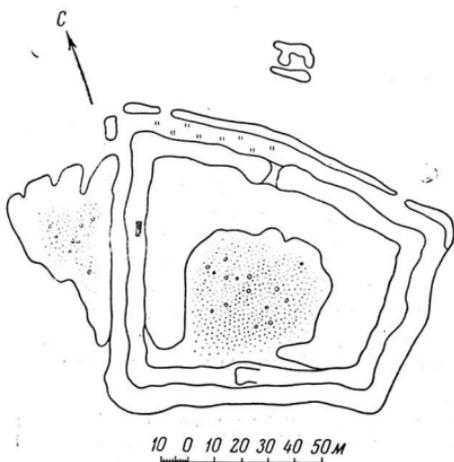
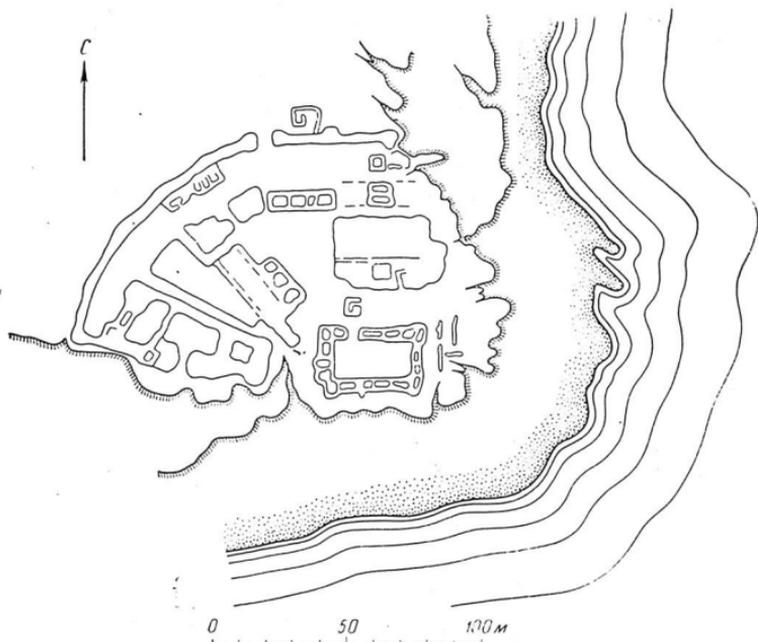

Рис. 9. Средневековые крепости.

1 — Кетендер-кала; 2 — Урга-кала; 3 — Топрак-кала

высоту до 10 м. Останцы стен пахсовые. Ее окружает широкий ров, в настоящее время засеянный по дну джугарой. Хорошо прослеживается вход в крепость, находящийся в юго-восточной стене.

Подъемный материал облен, преобладает средневековая серо-глиняная и поливная керамика IX—XIV вв. Очевидно, памятник многослойный.

Во время пребывания на Урге отряд обнаружил остатки другой средневековой крепости хорезмшахского времени — Урга-кала, расположенной в верхней части склона мыса Урга, недалеке от сторожевой башни того же времени (рис. 9, 2).

Стены крепости были сложены из плит известняка; они разобраны населением для строительных нужд; на месте стен сохранились валы, позволяющие проследить в общих чертах ее прежнюю планировку и внутреннюю застройку. Собран большой подъемный материал.

Еще две средневековые крепости обследованы на территории Кунградского района, близ современных кладбищ Маштак-ата и Бурахан-ата. Городище Маштак-ата — небольшое, квадратной формы со стороной в 50 м. Стены размыты, но хорошо прослеживаются. Пухлый солончак внутри городища мешает выявить внутреннюю планировку. Среди находок — керамика, гончарные плаки, кирпич. В северо-восточном углу крепости найден большой фрагмент венчика черного хума, богато украшенного резным орнаментом. Городище датируется XII—XIII вв.

Городище Бурахан-ата³⁵, прямоугольное в плане, сохранило валы, башни, в северной части крепости прослеживается вход, с юга к городищу примыкает кладбище. На территории крепости подъемный материал редок, но близ нее на кладбище много находок, в том числе чрезвычайно интересные раннесредневековые хумы с рельефным орнаментом под венчиком в виде арочек и лепной бахромой на горловине.

Среди населения сохранились предания, связывающие крепость и кладбище с именем Богра-хана, «жившего тысячу лет назад, которому некогда подчинялись Ургенч, Кунград и весь Хорезм». По преданию, население часто восставало против Богра-хана и он, хотя и успел породниться с жителями Хорезма (дочь его была замужем за узбеком Хаким-ата), вынужден был, превратившись в верблюда (бура), уйти на свою родину в Кашгар, где и находится его могила. Не исключено, что в этой легенде сохранились далекие отзвуки событий, связанных с походами в Среднюю Азию в конце X в. караханидского правителя Богра-хана и с подданством Хорезма в начале XI в. Караханидскому государству.

В конце своего маршрута в Кунградском районе отряд, после обследования и фиксации ряда надгробных сооружений знаменитого казахского кладбища Дауд-ата, посетил развалины средневековой (IX—XIV вв.) крепости Топрак-кала (рис. 9, 3), открытой еще в 1946 г. Хорезмской экспедицией, не успевшей тогда, однако, за отсутствием времени снять ее план и собрать подъемный материал; это и было сделано каракалпакским отрядом в 1959 г.

В Тахтакупырском районе отряд работал стационарно в селениях двух совхозов: «Тахта-Купыр» и им. Ленина.

В отделении совхоза «Тахта-Купыр» — «Коммунизм», где живут почти исключительно каракалпакско-мюйтены, родственные жителям обследованных в 1958 г. островов южного Арала, отряд провел сплошное полевое этнографическое обследование нескольких аулов, фиксируя местный тип расселения, жилище, утварь, одежду, прикладное искусство и т. д.

³⁵ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 151—152. Автор полагает возможным отождествить это городище (Хаванд по Мунису и Агехи) с упоминаемым Истахри городом X в. Медминией.

Отсюда отряд выезжал к расположенному невдалеке от поселка Кара-Узьяк большому каракалпакскому кладбищу Отегул-аулия, где находится могилы популярного исторического деятеля середины XIX в. Ораз-аталыка и его сына Луэз-аталыка. На этом старинном кладбище встречаются разные типы могил (в том числе групповые — большесемейные, окруженные высокими оградками из битой глины, с резным узором и угловыми башенками «конгра»).

Несколько другого характера работы проводились в совхозе им. Ленина, расположенном в исторической местности, называвшейся урочищем (низменностью) Даукара. Еще в конце XIX в. здесь существовали большие озера (Кара-Терень, Кунград и др.), в настоящее время пересохшие; сейчас сохранилась лишь небольшая часть озера Кара-Терень. Это вытянутое в меридиональном направлении соленое озеро находится под обрывистым склоном западного отрога возвышенности Бельтау. К югу от него простораются хлопковые поля совхоза.

У жителей окрестностей озера Кара-Терень записано много связанных с ним легенд, в том числе и легенды о происхождении озера. Согласно одной из них, низина, на которой впоследствии образовалось озеро, до этого затопливалась периодически водами как Аму-Дарьи, так и Сыр-Дарьи. В центре этой низины, по преданию, находился город. Сначала низина была затоплена водами Аму-Дарьи, но воды было не очень много, и город уцелел. Вторичное затопление было вызвано прорывом вод Сыр-Дарьи; вода хлынула по руслу Жаны-Дарьи и на этот раз затопила всю низину, так что город погиб. «До сих пор рыбаки находят в озере Кара-Терень следы погибшего города — жженный кирпич, казаны, разную бытовую утварь», — заключил рассказывавший легенду старик.

Известно, что главное русло Жаны-Дарьи делает поворот к северо-востоку и впадает в Аральское море восточнее озера Кара-Терень; тем не менее, нельзя не отметить, что эта легенда в какой-то мере подтверждает археологические данные о существовании в древности смыкания дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; отголосок этого, видимо, сохранился в народной исторической традиции у местного населения. К юго-западу от озера Кара-Терень, на территории совхоза им. Ленина, отряд провел обследование местности Манатай, некогда представлявшей собой остров на озере Кара-Терень, заселенный каракалпаками; этот остров существовал еще в 70-х годах XIX в. и отмечен на карте А. В. Каульбарса, который сообщает, что жившие на этом острове каракалпаки занимались, наряду со скотоводством и рыболовством, земледелием³⁶. Отряд действительно обнаружил на бывшем острове следы ирригации с разнообразными типами орошения полей. В окрестных поселках совхоза записано много сведений о конструкции водоподъемных сооружений, которыми в прежнее время воды озера направлялись в каналы и на поля. Такими сооружениями были преимущественно «кол-серпне» — большие треноги с подвешенными к ним черпаками, при помощи которых работающий на «кол-серпне» человек перебрасывал воду из озера или водоема в расположенный выше арык. Как оказалось, в данной местности устраивались целые системы расположенных ступенями «кол-серпне», подымавших воду, — такие сооружения назывались «астып-устине» (снизу — вверх).

Существовал и другой способ использования озерной воды для орошения — самотечный: прямо из озера проводили арык в близлежащие низинки, в которых располагались посевы (главным образом проса). Такие поля называли «аяк жери», т. е. орошаемые самотеком, «аячные» земли.

³⁶ А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. «Зап. Русск. Географ. об-ва по общей географии», т. IX. СПб., 1881, стр. 93.

В окрестностях Кара-Тереня, как и в других районах работ 1958—1959 гг., отряд собирал большой этнографический материал не только среди каракалпакского, но и среди местного казахского населения, почти не отличавшегося по своему прежнему хозяйственно-бытовому укладу от каракалпаков и пользовавшегося теми же способами орошения полей, ловли рыбы и др.

Во время работ в Тахта-Кунырском районе отряд выявил небольшую (около 25 хозяйств) группу киргизов, живущих на территории этого района, в местности «Ешки улген», уже около 100—125 лет (четыре — пять поколений). Обследование этой этнографической группы представляет большой научный интерес.

Туркменский этнографический отряд в 1959—1960 гг. работал в Калининском, Тельманском и Тахтинском районах Ташаузской области Туркменской ССР.

Наибольшее внимание в 1959 г. уделялось сбору материала среди туркмен-йомутов, живущих в Тельманском и Тахтинском районах Ташаузской области, особенно — изучению самой восточной группы ташаузских йомутов — туркмен-карайылгынлы³⁷.

В 1959 г.³⁸ было начато стационарное изучение культуры и быта населения колхоза «Коммуна» Тахтинского района.

В 1960 г.³⁹ работа была сосредоточена преимущественно в этом и соседних колхозах.

Колхоз «Коммуна» расположен в юго-западной части района на границе с песками. Населяют эту территорию туркмены-йомуты, в прошлом принадлежавшие к тем же племенным группам, что и йомуты других районов Ташаузской области — салах, озуз, орсукчи. В восточной части района живут йомуты-ушаки, которые не встречаются почти ни в одном из других районов Ташаузской области. Они живут компактно в нескольких колхозах (колхозы «Победа», им. Москвы, им. Крупской и др.), составляя в них большинство населения, и до сих пор отличаются от других групп туркменского населения по ряду элементов материальной и духовной культуры.

Интересны предания о времени поселения йомутов на территории нынешнего Тахтинского района и родине их предков.

Некоторые из информаторов утверждают, что они исконные жители этой местности, большинство же родиной йомутов считает западные районы — Мангышлак, Устюрт и Южную Туркмению (территория приатрекских степей и берега реки Атрека).

Сведения большинства информаторов о времени поселения йомутов в Хорезме не расходятся с письменными источниками, свидетельствующими о частичном переселении этого племени в Хорезм в первой поло-

³⁷ Общие результаты работ отряда за предыдущие годы см.: Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 427—460; е е же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1. М., 1959, стр. 168—189; е е же. Объяснительная записка к этнографической карте Ташаузской области и карты. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. «Труды ИЭ», новая серия, т. XLVIII, 1960; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркменской ССР», 1957, № 2, стр. 99—106.

³⁸ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Г. П. Васильева, научные сотрудники Т. Н. Томина, К. Ниязклычев, архитектор Ю. В. Стеблюк, художник Т. В. Полетика, фотограф В. А. Родькин, аспирант Ин-та этнографии АН СССР Д. Е. Еремеев, шоферы автобазы АН СССР Н. А. Хайлук и И. П. Зинюков.

³⁹ Состав отряда в 1960 г.: начальник отряда Г. П. Васильева, научные сотрудники Т. Н. Томина, В. Н. Басилов, Х. Пирмедов, художник Т. В. Полетика, фотограф Г. А. Аргиропуло, лаборант И. Хангельдыев, сотрудник краеведческого музея АН Туркменской ССР (г. Ашхабад) В. М. Арбузова, шоферы автобазы АН СССР В. Б. Куякиш, А. И. Сапронов.

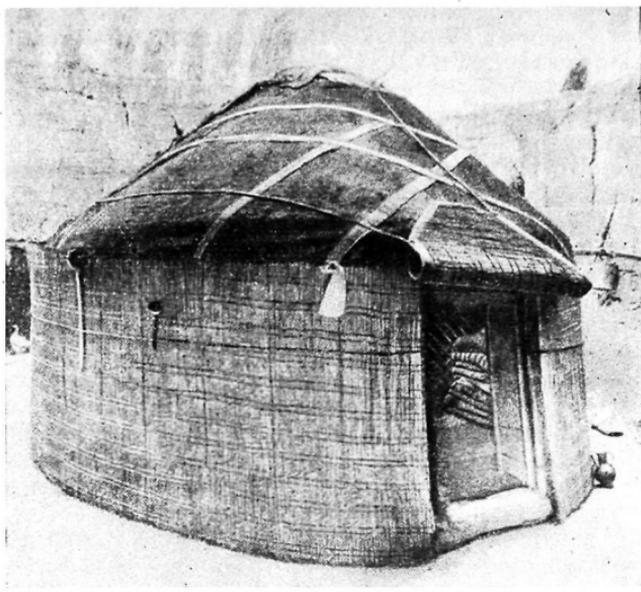

Рис. 10. Юрта чоудоров. Ташаузская область

вине XVIII в. Живущие в Тахтинском районе туркмены — потомки первых нукеров, привлеченных хивинскими ханами на военную службу и наделенных за эту службу земельными наделами (атлык).

Все живущие в западной части района туркмены-йомуты связаны узами родства с йомутским населением Куля-Ургенчского, Ленинского и других районов Ташаузской области. Однако в хозяйстве местных йомутов земледелие издавна решительно преобладало над скотоводством, которое традиционно считалось основным занятием туркмен-йомутов.

На самом деле подавляющее большинство хорезмских йомутов вело комплексное хозяйство, сочетая занятие скотоводством с поливным земледелием.

Большая роль земледельческого хозяйства в жизни тахтинских йомутов, многие земледельческие обряды и обычаи, сохранившиеся до последнего времени, свидетельствуют, вероятно, об этнической связи современных туркмен этого района с древним земледельческим населением Хорезма. Особенно заметна эта связь в культуре населения восточной части района — йомутов-ушаков, многие из которых считают себя исконными обитателями занимаемой территории.

Центр расселения ухаков — местности Бузгумен (Муз — кумган хивинских хроник) и Ак-Сарай, где находится небольшой «динг» (сторожевая башня). В хивинских хрониках, сообщениях восточных авторов XVIII—XIX вв. эти названия местностей упоминаются неоднократно при перечислении районов обитания йомутов.

Интересны полученные в полевой сезон 1959 г., а затем проверенные в 1960 г. сведения о дойомутском туркменском населении этого района, называемом йомутами «алборикли». Потомки этих туркмен живут сейчас в нескольких километрах к югу от города Ургенча. Они сохраняют еще особый диалект туркменского языка, но в остальном почти ничем не отличаются от окружающего узбекского населения. Их самоназвание «ал-ойлукли» (чужedomные). Старики помнят свое туркменское проис-

хождение и связывают себя с салорами, покинувшими оазис в конце XVII в.

Основное внимание в период полевых работ 1960 г. было обращено на изучение современной культуры населения Тахтинского района. Материальная культура сохраняет здесь свои национальные формы и некоторое своеобразие, присущее в прошлом туркменам-йомутам Ташаузской области. Вместе с тем возросшее благосостояние колхозного крестьянства, рост культуры и крепнущие связи с городом внесли много нового в быт туркмен. Значительно укрепились элементы культуры, присущие в советское время всем народам Средней Азии.

В 1960 г. отряд изучал также религиозные верования и их пережитки, степень и формы сохранения последних.

На территории колхоза, в непосредственной близости от центральной поселка, расположен мазар Исмамут-ата, об истории которого собраны интересные сведения.

Важное место в работе отряда 1959 и 1960 гг. занимал также сбор материала для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Уже сейчас на основании исследований отряда можно составить типологическую карту распространения среди ташаузских туркмен видов постоянного глинобитного жилища и типов юрт. Юрты сохраняются почти во всех районах, особенно в Куны-Ургенчском, Калининском и Тахтинском, в качестве летнего жилища и делятся на два типа: со сферическим, уплощенным куполом, бытующие в большей части районов у йомутов, и с коническим верхом, по типу приближающиеся к каракалпакским, северо-восточным казахским и северным киргизским. Этот тип юрты зафиксирован у чоудоров (рис. 10) и отличается от юрты первого типа, кроме указанного основного признака, характером внешнего оформления и внутреннего убранства.

Собирая материалы для атласа, отряд провел обследование туркмен-чоудоров, живущих в Калининском и примыкающих к нему колхозах Тельманского и Ильялинского районов.

Чоудоры — одно из древнейших туркменских племен, издавна связанное с Мангышлаком и приаральскими степями; из Аральского владения в Хивинское ханство чоудоры, по данным хивинских хроник, переселились в 1810 г.⁴⁰ До настоящего времени они отличаются по культуре от других туркмен Ташаузской области и имеют некоторые общие черты с северными узбеками и каракалпаками.

Этнографически эта группа еще не исследовалась и детальное изучение ее, видимо, выявит общие этнические элементы с названными выше народами.

Большим своеобразием отличаются старинные женские головные уборы, халаты и платья из красного сукна, богато украшенные вышивкой (рис. 11). Все эти старинные чоудорские вещи вышивались тамбурным швом, который в настоящее время употребляется туркменами редко.

Рис. 11. Старинный праздничный наряд чоудорских женщин

⁴⁰ МИТТ, т. II, М., 1938. стр. 378.

Характер вещей, их орнаментация и исполнение тамбурным швом — все это находит аналогии у родственных чоудорам туркмен-игдыр, ходжа и шихов, живущих на побережье Каспийского моря севернее Красноводска, а в орнаменте много общих элементов с каракалпакским и казахским орнаментом западных областей⁴¹. Ковровые изделия чоудоров по орнаменту и окраске также отличаются большим своеобразием. Серебряные украшения сходны с распространенными у туркменского племени арабачи и старинными гокленскими.

Туркменский отряд собрал для атласа также материал по обычаям и обрядам. Старый свадебный обряд у отдельных групп тапаузских туркмен (йомутов, чоудоров, емрели, карадашлы и др.) и у некоторых йомутских родовых подразделений отличался во многих деталях, иногда весьма существенных.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ДРЕВНИХ РУСЛАХ СЫР-ДАРЫИ

1

В 1958—1961 гг. Хорезмская экспедиция продолжала начатые ею ранее планомерные разведочные и стационарные археологические работы по изучению древних русел Сыр-Дарьи и истории заселения их человеком⁴². Исследования, проводившиеся с широким применением авиаметодов на древних сухих руслах Сыр-Дарьи, важнейшие из которых известны сейчас под названием Куван-Дарьи и Жаны-Дарьи, показали, что этот район, являющийся сейчас пустыней, изобилует многочисленными памятниками первобытной эпохи, античности и средневековья (рис. 12). По обилию и значительности памятников район не уступает участкам пустыни, непосредственно окружающим Хорезмский оазис, т. е. участкам, исследование памятников которых легло в основу обобщений по истории древнего Хорезма, первобытной, античной и раннесредневековой эпохи.

В течение трех полевых сезонов (1958—1960 гг.), каждый из которых продолжался 2,5—3 месяца, экспедиция продолжала стационарные раскопки на городище Чиряк-Рабат — древней столице апаснаков и на комплексе памятников, известных под названием Бабиш-Мулла, принадлежащих также к памятникам культуры апаснаков⁴³.

С 1958 г. было начато планомерное обследование южного протока Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи. Разведка 1958⁴⁴ и 1959 гг.⁴⁵ охватила нижний и средний участки этого русла — его западную часть, от района колодцев Жаллак (отрезок, расположенный к северу от Жаны-Дарьи) до бугров к югу от развалин крепости Кум-кала.

⁴¹ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 154, 156. Особенно близок к чоудорскому орнаменту узор на сундукках.

⁴² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева и Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. «Материалы ХЭ», вып. 4, М., 1960, стр. 15—62, там же дана библиография.

⁴³ Подробно об этих раскопках см. ниже.

⁴⁴ Состав отряда: начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. А. Итина, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, старший научный сотрудник Ин-та географии АН СССР А. С. Кесь, научные сотрудники Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, инженер-картограф Н. И. Игонин, фотограф Г. А. Аргиропуло, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин, И. П. Волков, Б. В. Прокофьев.

⁴⁵ Состав отряда в 1959 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда Б. В. Андрианов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научный сотрудник Н. Н. Вактурская, архитектор Ю. В. Стеблюк, аспирант ИЭ АН СССР Л. М. Левина, студент-практикант Т. Четырбок, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР И. П. Волков, Н. С. Горин, Н. А. Хайлук, В. В. Цветков. На втором этапе работ, помимо вышеуказанных сотрудников, участвовали научные сотрудники М. А. Итина, Е. Е. Неразник, Р. Л. Садоков, архитектор В. А. Лапнев, фотограф В. А. Родькин, студент-практикант С. Припоров и четырнадцать рабочих.

В 1960—1961 гг.⁴⁶ эти работы были продолжены и русло с прилегающей территорией было обследовано дальше на восток, вплоть до культурной полосы к западу от Кзыл-Орды.

Если на Жапы-Дарье мы не встретили памятников первобытной культуры, то на Инкар-Дарье в первый же сезон таковые были открыты.

В 1958 г. в низовьях Инкар-Дарьи в урочище Жалпак были обнаружены поздненеолитические стоянки, а на среднем отрезке ее течения, в урочище Камысты, были найдены небольшие стоянки бронзового века керамика которых позволяет отнести их к культуре степной бронзы.

Помимо этого на широтном отрезке Инкар-Дарьи было открыто античное городище, синхронное Чирик-Рабату, и развалины большого средневекового поселения, названного нами Иркибай-кала (XII—XIV вв.).

В 1959 г. был обследован участок русла от колодцев Камысты до урочища Кос-Тюбе. В урочище Баян обнаружено свыше десяти развешанных стоянок, часть которых относится к эпохе бронзы, другие оставлены сакским населением и датируются IV—II вв. до н. э.

Здесь же была найдена курганная группа неизвестного до сих пор типа, отличительной особенностью которой является обрамление каждого кургана кольцом из больших глыб керамического шлака, изготовленного, видимо, специально для этой цели. Курганы эти названы «шлаковыми», датируются VI—V вв. до н. э. и содержат трупосожжение. Большой интерес представляет обнаруженное в урочище Баланды групповое захоронение с труположением (Баланды 4), которое датируется IV—II вв. до н. э. Помимо остатков апасиакских поселений, в урочище Баланды был открыт небольшой апасиакский городок Баланды 1 с примыкающей к нему деревней с разветвленной прирпационной сетью.

Рядом с ним стоит погребальное круглое здание с купольным перекрытием — Баланды 2, датируемое тем же временем, что и городище.

В 1,5 км к востоку от этих памятников расположено еще одно погребальное сооружение — Баланды 3, представляющее собой тип так называемых крестовин (см. ниже), для которых характерно трупосожжение.

Двигаясь далее к северо-востоку, маршрутный отряд открыл погребальное сооружение из сырцового кирпича и пахсы, названное «Красный курган», ибо его развалины обращают на себя внимание своим красным цветом — результат совершенного здесь трупосожжения.

Интересным открытием 1959 г. является курганная группа на плато Тагискен, обнаруженная с воздуха; она при предварительном наземном обследовании была отнесена к эпохе поздней бронзы.

Наконец, в 35 км к востоку от бугра Тагискен, близ бугра Уйгарак было обнаружено крупное средневековое поселение Уйгарак, давшее очень богатый подъемный материал и датируемое XII—XIV вв.

В конце полевого сезона на таких объектах, как Тагискен, Баланды 2, 3 и 4, были проведены рекогносцировочные раскопки.

В 1960 г., помимо стационарных работ на Чирик-Рабате и Бабиш-Мулте, раскопки велись на курганной группе Тагискен и на Баланды 2. Рекогносцировочные раскопки были проведены на городище Баланды 1, на

⁴⁶ Состав отряда в 1960 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научные сотрудники Б. В. Андрианов, Н. Н. Вактурская, научно-технические сотрудники М. И. Земская, аспирант ИЭАН СССР Л. М. Левина, архитектор Г. Ушаев, фотограф Г. А. Павлиди, студент-практикант Н. Н. Созина, врач А. А. Воронов, шоферы экспед. автобазы АН СССР Н. С. Горин, Н. Н. Кузнецов, П. Ф. Кузнецов и четверо рабочих; в 1961 г.: начальник экспедиции С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции Т. А. Жданко, научные сотрудники Б. В. Андрианов, Н. Н. Вактурская, Е. Е. Неразник, фотограф Г. А. Аргироуло, врач А. А. Воронов, студенты-практиканты Е. В. Соколов и Б. В. Дульков, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. А. Бабичев, Н. С. Горин, Ф. В. Елифанов. В работах разведывательного отряда участвовала также старший научный сотрудник Ин-та географии АН СССР А. С. Кесь.

средневековом поселении Уйгарак и на курганной группе Уйгарак, открытой во время авиамаршрута 1959 г.

В 1961 г. были продолжены раскопки могильника Тагискен, где наряду с некрополем эпохи поздней бронзы был открыт большой сакский могильник, расположенный к югу от последнего. В этом же году были начаты стационарные раскопки сакского могильника на бугре Уйгарак.

Кроме того, на городище Баланды 1 были продолжены рекогносцировочные раскопки, начатые в 1960 г.; раскопки были также проведены на погребальных сооружениях — «крестовинах» Асар и Чирик 2. Во время маршрута на бугре Кок-Сенгир были обнаружены, а позднее раскопаны три кургана позднесарматского типа (II—III вв.).

Маршрутное обследование было продолжено дальше на восток. Среди открытых памятников следует отметить ряд поселений (одно из них неподалеку от Уйгарака), давших керамический материал, в известной степени сходный с керамикой из тагискенских погребальных сооружений. Свидетельством оседлости племен, оставивших эти поселения, и знакомства их с ирригационным земледелием являются остатки жилищ оседлого типа и каналы, отведенные от находящегося поблизости большого русла. Помимо этих поселений, предположительно относимых к эпохе поздней бронзы, в урочище Зекет были обнаружены развешенные сакские стоянки. Однако основная масса памятников на этом восточном отрезке русла относится к средневековью. Среди них в первую очередь следует назвать комплексы Кум-кала, Сарлытам, Зангар-кала, на описании которых мы остановимся ниже.

Работы археолого-топографического отряда экспедиции (начальник отряда Б. В. Андрианов) в 1958 г. проводились в бассейне Жаны-Дарьи и к северу от Куван-Дарьи. Основной задачей отряда было исследование пограничной зоны между памятниками бабшмуллинского типа, базировавшихся на водах Жаны-Дарьи и памятникам античного земледелия в урочище Джеты-Асар, ирригационные системы которых питались водами Куван-Дарьи. Отряд зафиксировал множество апасиакских сельских поселений и городищ асарского типа, что позволило уточнить территорию расселения племен, оставивших эти памятники.

Кроме того, юго-западнее Чирик-Рабата, в бассейне Жаны-Дарьи, было открыто крупное средневековое поселение хорезмшахского времени (XII—XIII вв.), расположенное в низовьях одного из русел в урочище Мурзалы.

Отряд вновь обследовал городище того же времени Джан-Кала, расположенное в 115 км к западу-юго-западу от Кзыл-Орды, на правом берегу Жаны-Дарьи (на древнем боковом протоке в 4 км от основного русла), отождествляемое нами с городом Дженд⁴⁷.

Наконец, отрядом были обследованы позднесредневековые ирригационные системы каракалпаков, базировавшиеся на водах Жаны-Дарьи.

Таким образом, рекогносцировки и раскопки, которые велись экспедицией на древних сырдарьинских руслах в течение ряда последних лет, дали нам возможность, также, как и по отношению к древним руслам Аму-Дарьи⁴⁸, попытаться восстановить историю этих русел, историю заселения их человеком⁴⁹. Более того, полученные при этом данные способствовали дальнейшему углублению наших знаний в области истории древних сакских племен, их культуры и территории расселения каждого из них в этом районе. Видимо, наиболее древним из главных дельтовых

⁴⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 59—61.

⁴⁸ См.: Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения человеком). «Материалы ХЭ», вып. 3. М., 1960.

⁴⁹ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 114—119; его же. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

русел Сыр-Дарья было самое южное из них — Инкар-Дарья. Расположение археологических памятников показывает, что Жаны-Дарья, функционировавшая, несомненно, в античное время (начиная с V в., а может быть, и с VI в. до н. э.), о чем свидетельствуют многочисленные поселения античного времени на ее берегах, в эпоху первобытности еще не существовала. В непосредственном соседстве с этим руслом мы не имеем ни одной стоянки эпохи неолита или бронзового века. Напротив, на Инкар-Дарье, которая течет параллельно Жаны-Дарье, но имеет более сложную конфигурацию и, сильно меандрируя, несколько раз пересекает Жаны-Дарью, мы открыли памятники неолита (в нижнем ее течении) и эпохи бронзы на всем ее протяжении. Видимо, на рубеже первобытного и раннеантичного, архаического, периодов, т. е. между VII и V вв. до н. э., произошло спрямление извилистого русла Инкар-Дарьи и сформировалось русло Жаны-Дарьи. Те отрезки Инкар-Дарьи, которые при этом выпали из постоянного течения нового русла, превратились в старицы и озера, постоянно заполнявшиеся водой, о чем свидетельствуют обнаруженные нами в 1959 г. на берегах Инкар-Дарьи следы ирригации примитивного озерного типа и значительное число поселений античного времени.

Примерно в это же время действовало другое, более северное русло, называемое нами условно Пра-Куван-Дарьей. Это идущая параллельно современным руслам нижней Сыр-Дарьи, к югу от нее, система обрывков древних русел — «дарьялыков», которая впоследствии, но уже значительно позднее, также была спрямлена и объединилась в русло Куван-Дарьи. На этих «дарьялыках» Пра-Куван-Дарьи расположен тоже большой комплекс античных памятников, но другой культуры, отличной от характерной для Жаны-Дарьи (комплекс Джеты-Асар)⁵⁰.

Собственно Куван-Дарья была заселена значительно позднее. Вдоль нее расположены каракалпакские памятники (селения и ирригационные системы) XVIII—XIX вв. Такого же типа ирригация была обнаружена и на Жаны-Дарье, где она перекрывает в ряде районов памятники античности и средневековья.

Но история Жаны-Дарьи была сложнее. Видимо, примерно, через несколько столетий после ее возникновения, еще в период поздней античности, постоянное течение по ее руслу прекратилось, в то время как Пра-Куван-Дарья продолжала действовать и, более того, стала основным направлением Сыр-Дарьи на нижнем участке ее русла. С тех пор постоянного течения на Жаны-Дарье не было на протяжении нескольких столетий, включая раннее средневековье. Но несколько позднее, в XI—XVI вв. наступил новый период обводнения этого русла, на нем возникают многочисленные средневековые города и поселения.

Очевидно, в древности и раннем средневековье главное русло Сыр-Дарьи на участке ниже района нынешней Кызыл-Орды шло не там, где оно находится в настоящее время. В эпоху первобытности главным направлением ее течения была Инкар-Дарья, а в ранней античности Жаны-Дарья и Пра-Куван-Дарья, причем последняя была обводнена долине Жаны-Дарьи, вплоть до раннего средневековья (об этом говорят «золотые городища» эфталитов и гузов в ее низовьях⁵¹).

Что же касается более позднего времени — XI—XIV вв., то новые материалы дали возможность предположить, что в этот период основным

⁵⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 125—140; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 16—29; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, стр. 235—252.

⁵¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1947, № 2, стр. 180—

протоком сыр-дарьинской дельты снова стала Жаны-Дарья, и именно она ниже города Отрара являлась руслом, которое арабоязычные авторы средневековья называли «Сейхун». По нынешнему своему руслу, самому восточному дельтовому протоку, Сыр-Дарья, видимо, устремилась сравнительно недавно, во всяком случае позднее, чем по перечисленным выше юго-западным протокам.

После этого небольшого, но необходимого вступления, перейдем к подробному обзору открытых и исследованных памятников.

2

Изучение памятников первобытной культуры на древних руслах Сыр-Дарьи в ее нижнем течении находится еще на начальном этапе, но уже сейчас некоторые результаты наших исследований позволяют заключить, что данный район представляет огромный интерес для понимания предистории и истории формирования сакских племен Среднеазиатского Междуречья.

Из наиболее ранних памятников до недавнего времени были более или менее известны стоянки позднекельтеминарской культуры в низовьях сыр-дарьинской дельты, опубликованные А. А. Формозовым⁵² и частично обследованные в 1955 г. А. В. Виноградовым⁵³. Начавшиеся в 1958 г. разведочные работы на Инкар-Дарье сразу же обнаружили на нижнем ее отрезке, в урочище Жалпак, к северу от колодца Чабан-Казган, скопления неолитических кельтеминарских стоянок с кварцитовым и кремневым микролитическим инвентарем⁵⁴. В этом же районе были открыты стоянки бронзового века с керамикой тазабакъябского типа. Две стоянки бронзового века и единичные находки неолитических каменных орудий были найдены и на средней Инкар-Дарье, к юго-западу от колодца Камысты.

Работы 1959 г. значительно дополнили наши находки памятников эпохи бронзы на Инкар-Дарье. Уже в начале разведочного маршрута, к юго-западу от колодцев Баян, было найдено несколько стоянок этого времени. Однако наиболее интересной оказалась группа курганов на возвышенности Тагискен.

Могильник Тагискен находится примерно в 200 км к юго-западу от города Кызыл-Орда (Кзыл-Ординская область, Казахская ССР). Он расположен на высоком обрывистом берегу одного из южных протоков Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи, в том месте, где река образует излучину, огибая возвышенность Тагискен. Могильник был найден и обследован Инкар-дарьинским отрядом Хорезмской экспедиции в 1959 г. и подвергнут стационарным раскопкам в 1960—1961 гг.⁵⁵ Погребальные сооружения имели вид курганов, которых первоначально было найдено 11, а впоследствии было установлено, что их более 70 (рис. 13). Довольно отчетливо выделяются две курганные группы: одна из них — северная и меньшая,

181; его же. Города гузов, СЭ, 1947, № 3, стр. 57—71 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 210—213.

⁵² А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник Казахстанского филиала АН СССР, 1945, № 2, стр. 6—8; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, 1946, № 5, стр. 24 и сл.; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; его же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 141—147.

⁵³ А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 г. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 7, 1959, стр. 75—85.

⁵⁴ О стоянках в урочище Жалпак см. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

⁵⁵ Состав отряда 1960 г.: начальник отряда М. А. Итина, научные сотрудники А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, В. А. Лоховиц, Ю. А. Рапопорт, научно-технические сотрудники А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, А. М. Хазанов, архитектор

открытая в 1959 г., вторая — южная, содержащая наибольшее количество насыпей. Южная группа, кроме сооружения 1, содержит сакские курганные захоронения, датируемые VI—V вв. до н. э. (см. ниже). Северная группа менее однородна в хронологическом отношении, ибо содержащиеся в ней погребальные сооружения датируются большим периодом, охватывающим, видимо, почти все I тысячелетие до н. э. Кроме того, основная масса погребальных сооружений северной группы курганами в собственном смысле слова не является, хотя внешне до раскопок они имели вид круглой насыпи высотой от 0,2—0,4 м до 1,5 или выделялись на заросшей поверхности плато в виде белесых пятен, круглых в плане. Лишь на поверхности сооружений 1, 2, 5 и 6 были видны следы сырцового кладки.

Наибольший интерес представляет обнаруженный здесь некрополь эпохи поздней бронзы (рис. 14а), датируемый нами IX—VIII вв. до н. э., возможно с незначительным отклонением в ту или другую сторону. Это комплекс погребальных сооружений из прямоугольного сырцового кирпича, которые принадлежат, безусловно, к одной культуре, но среди них можно выделить уже более ранние и более поздние. В 1959—1961 гг. были раскопаны погребальные сооружения 4, 4 а—в, 5, 5 а—е, 6, 7 а—д — все они, кроме 5, относятся к указанному времени^{55а}.

Наиболее ранними сооружениями являются мавзолеи 4, 5а и 7, построенные из прямоугольного сырцового кирпича (54 × 28 × 10 — 12, 48 × 32 × 10 — 11 см) рыжеватого цвета, сделанного из местной коренной породы⁵⁶. Основой планировки этих сооружений является круг (диаметр 14 м), вписанный в квадрат внешней стены (рис. 14а), ориентированной сторонами по странам света (длина стороны — 17,5—18 м). По кольцу на расстоянии 1,6 м от внешней стены располагаются 8 или 12 прямоугольных кирпичных колонн (1,2 × 1,4 м) максимально сохранившаяся высота которых приближается к 2 м (мавзолей 5а, рис. 14). Далее к центру, на расстоянии 1,3 м от этого кольца, располагаются 4 или 8 таких же колонн, но образующих в плане прямоугольник. По одной такой колонне имеется в каждом из четырех углов сооружения. Колонны первого, большего кольца соединены между собой тонкой кирпичной (мавзолей 5а) или плетневой (мавзолей 4) стенкой, покрытой обмазкой. С внутренней стороны к этой стенке пристроены скамейки (мавзолей 5а), занимающие все пространство между двумя рядом стоящими колоннами, так что тонкая стенка является как бы их спинкой.

Колонны второго ряда между собой никак не соединялись. Таким образом, системой этих колонн погребальное сооружение делится на внешний коридор, следующий за ним, тоже круглый, внутренний коридор и, наконец, расположенную в центре прямоугольную камеру.

Вход в мавзоль располагался в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было невозможно, так как он был перегороден двумя тонкими стенками, между которыми и располагался проход.

Ю. В. Стеблюк, инженер-картограф Н. И. Игонин, фотографы Г. А. Павлиди и В. А. Родькин, механик М. У. Юнисов, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев и 16 рабочих-землекопов. Состав отряда в 1961 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. А. Итина, заместители начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко и В. А. Лоховиц, зам. начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники О. А. Вишневская и Ю. А. Рапопорт, научно-технические сотрудники Э. Б. Вадепкая, А. Ф. Леонова, С. А. Оленич, А. В. Оськин, А. М. Хазанов, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родькин, студенты-практиканты Б. В. Луньков и Е. В. Соколов, механик М. У. Юнисов, врач А. А. Воронов, бухгалтер Н. В. Григорьева, зав. складом В. Н. Егоров, шоферы экспед. автобазы И. П. Волков, А. А. Бабичев, Ф. И. Гурков, Н. С. Горин, Ф. В. Епифанов, А. И. Сапронов, А. Ю. Миндов, Е. Л. Музыкантов.

^{55а} Погребальное сооружение 5 было вырублено в стене мавзолея 5а и содержало захоронение с сакскими черепами. Впускные сакские захоронения обнаружены также в мавзолеях 4 и 6. Все они датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.

⁵⁶ Раскопками комплексов мавзолеев 4 и 5а руководил В. А. Лоховиц.

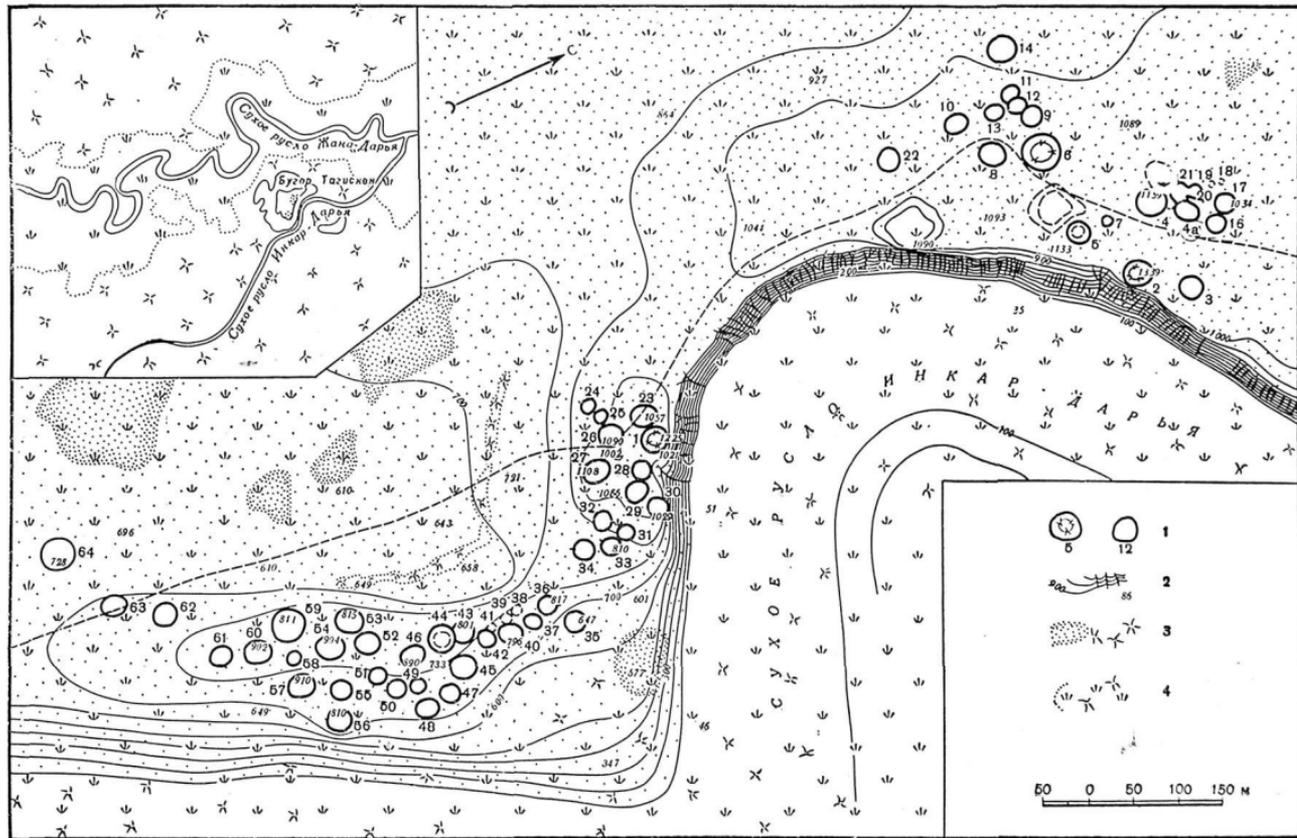

Рис 13 Могильник Тагикскан. План.

1 — курган; 2 — горизонтали; 3 — пески и талыры; 4 — заросшие талыры

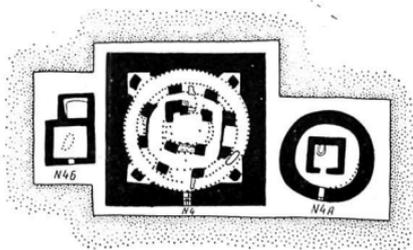
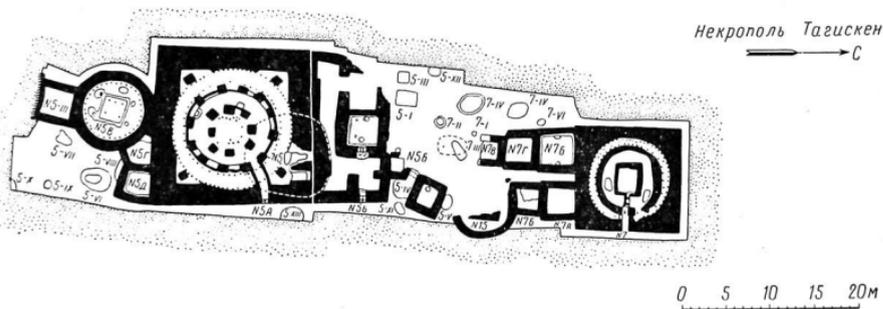
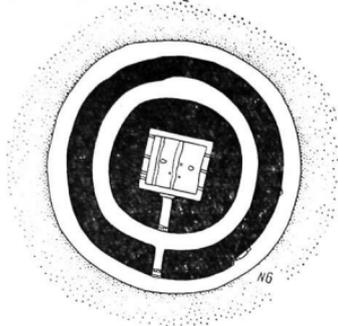

Рис. 14 а Некрополь Тагискен. План раскопанных сооружений

Рис. 14. Тагискен. Мавзолей 5а

Пол представляет собой поверхность материкового песка, в котором по внешней и внутренней стороне колони, равно как и по внутренней стороне внешней стены мавзолея, концентрическими окружностями располагаются столбовые ямы диаметром 15—20 см (рис. 14, 15). С конструктивной точки зрения никакой прямой необходимости в создании здесь столбовой конструкции не было, так как наличие кирпичных колонн вполне обеспечивало прочную опору для перекрытия. Видимо, это объясняется тем, что погребальное сооружение всегда подражает тому дому, в котором жил покойный. Надо полагать, что жилые дома тагискенцев были круглыми и имели столбовую конструкцию, которая в погребальное сооружение для мертвого была перенесена уже чисто традиционно. Немаловажную роль играло и то, что такое обилие дерева давало к тому же и прекрасный горючий материал, столь необходимый для тагискенского ритуала. В мавзолеях совершалось трупосожжение, но оно предполагало не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В центральной камере и во внутреннем коридоре располагался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые и золотые украшения и прочее.

Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим костей животных. Ямы с костями животных встречались как внутри погребальных сооружений, так и рядом с ними. Osteологический материал могильника еще не обработан, но уже сейчас можно сказать, что в нем преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, в частности коз.

Коридоры и камеры мавзолея были перекрыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндрико-конические

Рис. 15. Тагискен. Мавзолей 4

сооружения из сырцового кирпича и дерева, обрамленные квадратом внешней стены-ограды. Для понимания этой конструкции большую роль может сыграть сравнительный этнографический материал. На территории Восточной Африки, в Эфиопии, в значительной части Судана и на юге Африки господствует цилиндро-конический тип жилищ, построенных из дерева, травы и прутьев, обмазанных глиной⁵⁷. Основой планировки такого дома являются расположенные по кольцу деревянные столбы, окружающие центральное жилое помещение, а в центре устанавливаются два, четыре или восемь столбов, на которых держится рама конического перекрытия. Главный дом часто окружают внешние галереи или коридор, тоже окаймленный деревянными столбами. Всё сооружение окружено двором, который бывает квадратной, круглой или овальной формы. В Эфиопии и в ряде других мест эта планировка была использована при строительстве дворцовых и даже церковных сооружений, но уже с применением кирпича⁵⁸.

Разумеется, мы далеки от мысли проводить прямые аналогии между африканскими жилищами и жилищем населения нижней Сыр-Дарьи в эпоху поздней бронзы, но вероятное сходство обеих конструкций основано прежде всего на наличии сходных форм хозяйства у этих племен (скотоводческо-земледельческое) и известном сходстве климатических условий. При этом характерно, что на территории Средней Азии цилиндрико-коническая форма жилища тоже бытует на протяжении веков, а один из великолепных средневековых мавзолеев Куны-Ургенча — мавзолей Текеша — имеет именно такую форму.

⁵⁷ J. Cunningham. Uganda and its peoples, 1905; L. Frobenius. Das unbekannte Afrika. München, 1923.

⁵⁸ Deutsche Aksum-Expedition, Bd. III, Profan-und Kultbauten Nordabessinien. Berlin, 1913.

Рис. 16. Тагиксен. Образцы керамики

Как мы уже говорили, в Тагиксене господствовал обряд трупосожжения. В момент совершения обряда горело все здание. Вопрос о том, в каком виде оно продолжало существовать в дальнейшем, — остается открытым. Дело в том, что эти мавзолеи служили местом захоронения вождей, причем вокруг каждого из них группировались более скромные по масштабам погребения членов их семьи и приближенных. Эти погребения пристраивались к основному, образуя с ним единый комплекс (см. рис. 14а). Сплошная зачистка площади между указанными мавзолеями в северном и южном направлениях, которая далеко еще не закончена, дала вокруг мавзолея 5а — шесть сооружений, с южной стороны мавзолея 7 — пять сооружений, вокруг мавзолея 4 — три. При такой ситуации предположение о том, что после совершения обряда над мавзолеем насыпался курган — отпадает. С другой стороны, сомнительно, что здание так и оставалось стоять в разрушенном виде. Возможно, что после совершения обряда мавзолеем заново перекрывался, причем в этом случае непосредственной опорой для перекрытия служили кирпичные колонны. Более поздние, пристроенные погребения, представляют собой прямоугольные ограды из голубовато-белого сырцового кирпича, поставленные на древней дневной поверхности, причем могильная яма заглублена в материке на 60—80 см. Площадь оград колеблется от 35 до 50 м², причем при их сооружении часто использовалась стена мавзолея, к которой они пристраивались. Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 5б, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение, сопровождавшееся набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булавка). К западу от камеры располагалось помещение, в котором вокруг очага стояло около сорока сосудов различных форм и раз-

Рис. 17. Тагиксен. Мавзолей 6

меров. Это погребальное сооружение, как впрочем и все погребения Тагискена, было ограблено еще в древности.

В этот, относительно более поздний период появляются сооружения, являющиеся упрощенным вариантом древних мавзолеев, но сохранившие все основные принципы их конструкции. Это прежде всего сооружения 4а и 5в. Здесь отсутствует внешний квадратный контур, внешняя стена мавзолея круглая и между ней и прямоугольной камерой располагается кольцевой коридор. Вход по-прежнему в восточной стене, система столбовых ям та же, но колонн нет и столбы уже играют в конструкции активную роль. Так же, как и в мавзолее 7, место трупосожжения обрамлено канавкой и имеет вид как бы земляного стола.

Видимо, наиболее поздним среди погребальных сооружений этой культуры является мавзолей 6, раскопанный в 1960 г.⁵⁹ На его поверхности до раскопок были видны следы сырцовой кладки, найдены куски керамического шлака и обломки сосудов сделанных на гончарном круге. Диаметр холма достигал 50 м, максимальная высота его около 1,8 м. Как показали раскопки, бугор заключал в себе развалины круглого в плане погребального сооружения диаметром около 25 м (рис. 17). Оно состоит из цилиндрического центрального массива, сложенного из сырцового кирпича размером 50—60 × 25—30 × 10 см со вписанной в него квадратной погребальной камерой. Массив этот охвачен кольцом внешней стены, между ним и последней располагается коридор шириной в 2,05 м. С востока как внешняя, так и внутренняя стены, прорезаны проходом, примерно метровой ширины. Система столбовых ям отсутствует. Они здесь и не нужны, так как внешняя стена была, видимо, оградой. Камера ориентирована сторонами по странам света, ее площадь 7,3 × 6,9 м. Она заглублена на 1,3 м

⁵⁹ Раскопки вели Ю. А. Рапопорт и О. А. Вишневская.

ниже уровня древней дневной поверхности, и таким образом нижняя часть ее стен образуется вертикальным срезом материкового грунта. Выше шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. Заслуживают внимания две ямы, вырытые в земляной части западной стены, до возведения кладки. Одна из них уходит не менее чем на 2 м под стену и содержит множество костей, а возможно, и скелетов крупного рогатого скота. Видимо, здесь мы имеем дело с так называемой «жертвой закладки». Стены камеры были обложены толстым слоем камыша и веток, пол был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой положены циночки. Вдоль стен по периметру камеры прорыта канавка шириной 60—70 см и глубиной до 30 см. Таким образом, центральная часть камеры оказывалась как бы приподнятой. В центральной части камеры в полу были обнаружены две столбовые ямы, что заставляет предполагать, что камера была перекрыта, причем концы балок перекрытия, видимо, упирались в гнезда, проделанные в кладке стен. Был ли перекрыт кольцевой коридор, — сказать трудно, однако, судя по тому, что его заполнение состоит из слоя натеков, внешняя стена мавзолея была просто оградой.

В камере совершалось трупосожжение. На полу удалось проследить пятно со следами интенсивного горения и немногочисленными мелкими обломками человеческих костей. Погребальный инвентарь был обнаружен в основном в камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из них были сосуды определенного назначения. Кроме того, здесь были найдены бронзовые серповидный ножичек и скобель, бронзовые иглы, поделки из золота (рис. 18, 5, 8, 10). Большой интерес представляет находка более ста бронзовых гвоздей, прямоугольных в сечении, имеющих круглую плоскую шляпку и уплощенный конец (рис. 18, 9).

Точно такими же гвоздями прикреплялись кошмы к стенам погребальных камер второго и пятого Пазырыкских курганов⁶⁰. Гвозди здесь вбивались в пазы между бревнами сруба, чем, видимо, и объясняется наличие у них уплощенного, а не круглого заостренного конца. На Тагпскене ими также, видимо, прибивались к стенам камеры ковры или кошмы, но здесь сруба не было и гвозди вбивали в швы между кирпичами. Наконеч, в камере мавзолея 6 были найдены обломки глиняной жаровни прямоугольной формы со скругленными углами.

Мавзолей 6 — погребение очень знатного лица, так что, хотя записка вокруг него и не велась, надо ожидать, что и тут будут обнаружены постройки. О знатности погребенного в кургане 6 покойника говорит и необыкновенно богатая коллекция посуды (здесь было более 60 сосудов). Примерно $\frac{1}{3}$ керамики сделана на круге, в то время как в других погребениях таких сосудов было значительно меньше. Несмотря на то, что погребение было в древности ограблено, до нас дошли обломки золотых вещей, которых первоначально, очевидно, было много. Возможно, здесь погребена была знатная женщина. Находки иголок, как правило, связываются с женскими погребениями. Очень заманчиво, по аналогии с савроматскими погребениями женщин — жриц в Приуралье⁶¹ — видеть в нашем погребении нечто подобное, тем более, что у нас, как и там, была найдена прямоугольная жаровня, может быть, игравшая роль жертвенника.

Надо сказать, что некоторое отличие погребального инвентаря мавзолея 6 от инвентаря мавзолеев 4, 5а и 7 связано и с тем, что он сооружен позже, чем последние (хотя все эти постройки, несомненно, принадлежат к одной культуре). Доказательством несколько более поздней даты мавзолея 6 служит не только характер керамического комплекса мавзо-

⁶⁰ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 47, 49, рис. 23.

⁶¹ В. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 106—110.

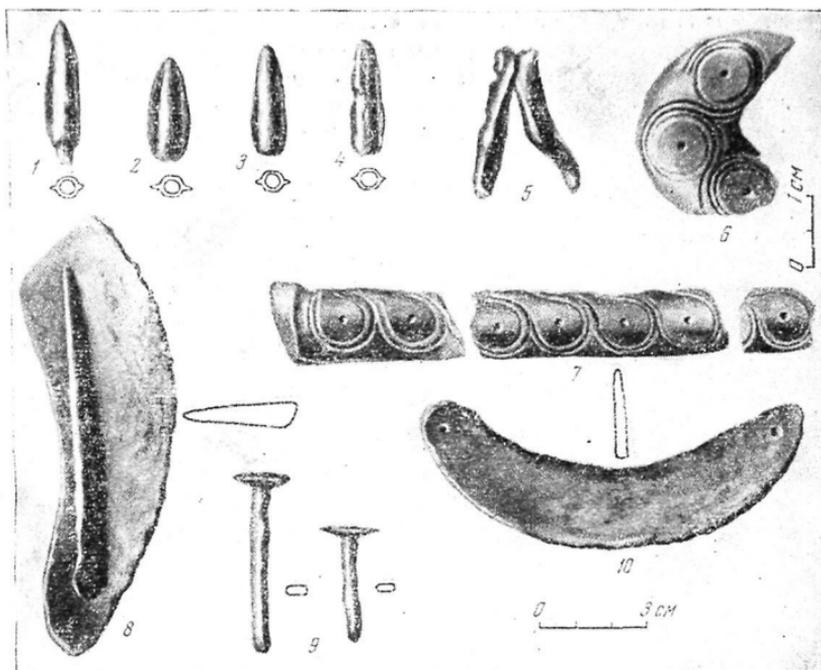

Рис. 18. Тагискен. Изделия из бронзы, золота и кости

1, 3 — бронзовые наконечники стрел (мавзолей 7); 2, 4 — бронзовые наконечники стрел (мавзолей 4); 5 — фрагмент фигурки из золота (мавзолей 6); 6, 7 — подделки из кости (мавзолей 4 и 4а); 8 — бронзовый серповидный нож с припаявшейся к нему иглой; 9 — бронзовые гвозди; 10 — бронзовый скобель (?) (8—10 — из мавзолеев).

ля, но и то, что он так же, как и более поздние пристройки, сооружен из белого кирпича; в то время как мавзолей 4, 5а и 7 сложены, как уже говорилось, из кирпича рыжеватого цвета.

На плане некрополя (см. рис. 14а) мы видим, что крупные круглые мавзолеи с квадратным контуром внешних стен обращены входами на восток и образуют ряд, вытянутый в меридиальном направлении. При этом есть основания полагать, что самый северный из них древнее южного. Мавзолей 6 расположен к западу от комплекса 5 и, возможно входит в систему второго ряда мавзолеев, вероятно, более позднего.

На расчищенной площади вокруг мавзолеев были обнаружены грунтовые ямы без оград. Некоторые из них, возможно, дадут более ранний материал, чем ямы с оградами, так как иногда последние их перекрывают.

Тщательная обработка материалов всех сооружений могильника даст возможность значительно уточнить их относительную хронологию.

Предварительная обработка материалов могильника позволила все же прийти к некоторым заключениям. Материалом для датировки тагискенских курганов служит прежде всего керамика (рис. 16)⁶².

В целом керамика всех погребальных сооружений довольно однотипна. В кургане 6, правда, ее гораздо больше, но все основные встреченные там типы были найдены в других сооружениях.

⁶² Трудную и очень важную работу по реставрации тагискенской керамики провели О. А. Вишневецкая и М. Ф. Грошева.

Среди лепной керамики тагискенских сооружений очень четко выделяются две группы сосудов. Первая — это сосуды типа открытых горшков, или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным орнаментом, спускающимся в виде фестонов, причем его основными элементами являются треугольники, ромбы, меандр и т. д. (рис. 19). Таким образом, эта

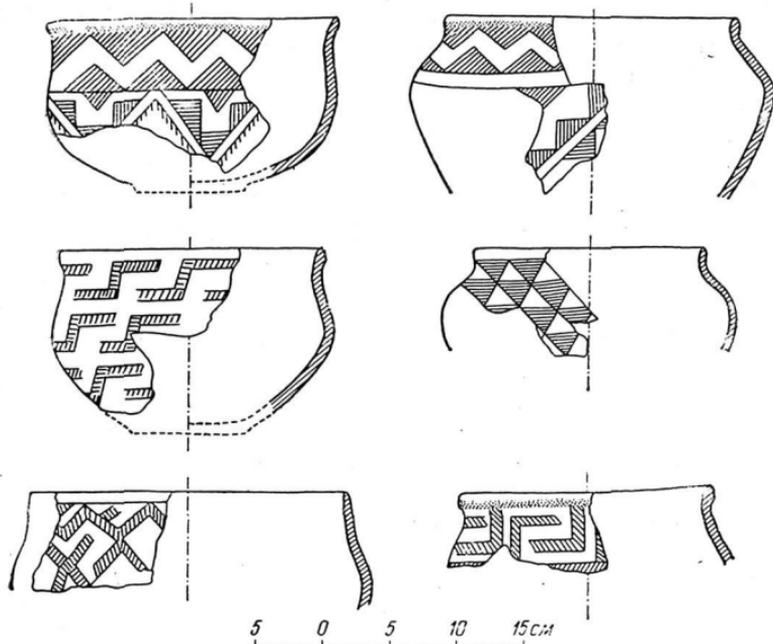

Рис. 19. Тагискен. Мавзолей 4. Образцы керамики

посуда андроновского типа, но по форме тулова и по наличию на некоторых экземплярах подтреугольного венчика она может быть отнесена к позднеандоновскому времени.

Вторая группа сосудов — небольшие горшки с коротким прямым или слегка отогнутым горлом, сильно раздутым, часто сферическим туловом, и небольшим плоским, иногда уплощенным, иногда округлым дном. Они великолепно залощены и покрыты орнаментом или в виде фестонов, или покрывающим сплошь всю поверхность сосудов. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения (различные штампы) чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнялись белой пастой (рис. 16).

Эта керамика находит себе подчас прямые аналогии в дындыбаевско-бегазинских комплексах Центрального Казахстана (Бугалы II, некоторые комплексы Бегазы; Дындыбай, курган 11)⁶³, все они датируются началом I тысячелетия до н. э., не позднее VII—VI вв. до н. э., причем верхнюю дату дают бронзовые наконечники стрел скифского типа⁶⁴, которых, однако, ни в одном погребении на Тагискене не найдено.

Этой датировке не противоречат и бронзовые наконечники стрел — листовидные, со скрытой втулкой и очень узким пером, найденные в ряде

⁶³ Р. Л. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 126—136; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, вып. XVI, 1952, стр. 137—141, рис. 5—9; Авторы приносят благодарность К. А. Акишеву, любезно познакомившему их со своими зарисовками материала с этих памятников.

сооружений (рис. 18, 1—4). Наконечники такого типа известны для памятников Северного⁶⁵, Восточного⁶⁶ и Центрального Казахстана⁶⁷, где они датируются IX—VIII вв. до н. э.

Среди посуды, сделанной на круге, выделяются короткогорлые сосуды с округлым туловом и небольшим плоским дном, покрытые горизонтальным рифлением. Этот тип посуды широко распространен и встречен во всех сооружениях. Характерными для комплекса из мавзолея 6 и мавзолея 5б являются узкогорлые кувшины без ручек, с очень сильно раздутым туловом, украшенным великолепным геометрическим орнаментом с пастовым заполнением; иногда они покрыты горизонтальным рифлением. Наконец, в мавзолее 6 было обнаружено два хума, которые имеют уже характерное для античной эпохи глиняное тесто. Поверхность хумов рифленая, а у дна они имеют перегиб, типичный в более угловатых формах для античной керамики архаического периода Хорезма⁶⁸, поселений в дельте Мургаба (Яз-тепе)⁶⁹, городищ Кобадьяна⁷⁰.

Таким образом, отличительной особенностью тагискенской культуры является сочетание в ней двух элементов. С одной стороны, в ней проявляются традиции, уводящие нас в эпоху бронзы, в круг андроновской, а затем дындыбаевско-бегазинской культур Центрального Казахстана⁷¹. С другой, в ней присутствует еще один компонент, свидетельствующий в пользу того, что своими корнями она связана с высокой южной цивилизацией. Мы имеем в виду великолепные сосуды, сделанные на гончарном круге, и применение в строительстве сырцового кирпича.

На данном этапе наших исследований истоки этих влияний еще совсем ясны. В ближайших присырдарьинских районах памятники этого времени мало исследованы и почти не опубликованы. Некоторые аналогии нашим сосудам мы найдем в формах из кандинского комплекса на Большом Чуйском канале, где встречены фрагменты лощеных сосудов с горизонтальным рифлением⁷².

Приведенные выше аналогии из раннеантичных южных памятников, датирующихся VII—VI вв. до н. э., во-первых, не прямые, а во-вторых, во всех этих комплексах имеются уже трехперые скифские наконечники стрел, в то время как в наших памятниках их нет (таким образом, с точки зрения хронологической VIII в. до н. э. представляется сейчас наиболее убедительной верхней датой тагискенского комплекса).

К северо-востоку от Инкар-Дарьи, на Куван-Дарье, в керамическом комплексе с городища Джеты-Асар 3 встречаются сосуды с тройными напелами, подобные найденным в мавзолее 6, и сосуды, украшенные рез-

⁶⁴ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Указ. соч., стр. 132, рис. 42, 1.

⁶⁵ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 23, 7.

⁶⁶ Его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 231, табл. XXXVI, 4, 5.

⁶⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 3, 26, Пб.

⁶⁸ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV, 1959, стр. 71, 72.

⁶⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, 1959, табл. XXXVII и сл.

⁷⁰ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадьян). МИА, № 37, 1953, стр. 280—281, рис. 18, 19.

⁷¹ Здесь уместно обратить внимание на то, что в тагискенских комплексах проявляются традиции андроновской культуры, в то время как на наиболее западных отрезках Инкар-Дарьи мы встречали стоянки с тазабатгабской керамикой. Видимо, нижнее течение Инкар-Дарьи было зоной контакта андроновских и тазабатгабских племен, основная масса которых селилась по Акча-Дарье, а ее восточные протоки были не так уж далеко от Инкар-Дарьи.

⁷² Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXXI, 3, 4.

ным орнаментом, заполненным белой пастой⁷³. Такая керамика обнаружена в нижних слоях этого многослойного памятника, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н. э.

Можно предположить, что ареал тагискенской культуры охватывал в древности и эту территорию — тогда мы непременно должны найти здесь такие памятники. С другой стороны, может быть, эти пережиточные явления, наблюдающиеся в асарских керамических комплексах, — результат культурных влияний, которые оказывало древнее население Инкар-Дарьи на племена, селившиеся на Куван-Дарье. Большой интерес представляет проблема более отдаленных северо-западных связей тагискенской культуры с памятниками, приписываемыми киммерийцам, и гальштатскими памятниками. Но этот вопрос требует специального исследования.

Вопрос об историко-культурной принадлежности тагискенского некрополя должен рассматриваться на фоне широкого круга не только археологических, но и исторических проблем. По ряду данных мы можем предположить, что тагискенские погребальные сооружения — наиболее ранний из известных нам памятников, принадлежащих одному из самых южных сакских племен — сакаравакам (см. ниже). Основная территория их расселения, по имеющимся данным, находилась южнее и восточнее. Вопрос о северной границе этих племен требует еще уточнения. Быть может, южная локализация этих племен и связанная с ней возможность их более близких контактов с населением южных районов Средней Азии, находящимся на более высокой ступени развития, и объясняет появление гончарного круга и сырцового кирпича в культуре Тагискена. Эта культура, подвергаясь сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов, сохраняет, и довольно явно, черты культуры местной степной бронзы. Однако тагискенские погребальные сооружения представляют большой интерес еще и потому, что, как мы увидим в дальнейшем, они дают ключ к пониманию ряда элементов культуры сакских племен середины — второй половины I тысячелетия до н. э., населявших область нижнего течения Сыр-Дарьи. Вопросам их истории, выяснению территории их расселения, характеру их культуры посвящена работа одного из авторов настоящей статьи⁷⁴.

3

Мы знаем сейчас территорию расселения и характер культуры не только афасианов, но и других сакских племен, упоминаемых Птолемеем при описании нижнего течения Сыр-Дарьи и игравших важную роль в движении саков на юг⁷⁵, в Бактрию, на восточные окраины Парфянской империи и далее в Индию, в связи с чем они упоминаются Трогом Помпеем и другими античными авторами. По всем данным⁷⁶, самым южным из сакских племен, принимавших участие в движении на юг, было племя сакараваков — искаженная форма сакаравлы — имя, восходящее к «сака хаумаварга» древнеперсидских надписей, в некоторых из которых, видимо, то же племя выступает под именем «сака пара Сугдам» — «скифы за Согдом». Саки амюргии раннеантичных авторов, несомненно, один из вариантов написания того же этнического имени.

Есть все основания предполагать, что открытая во время маршрута 1959 г. на Инкар-Дарье культура «шлаковых курганов» принадлежит именно сакаравакам.

⁷³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 23, рис. 12.

⁷⁴ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, № 4, стр. 114—146.

⁷⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948. Экскурсе I, стр. 231—247; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 140—143; его же. Огузы, печенеги и море Даукара, СЭ, 1950, № 4, стр. 51—54.

⁷⁶ W. W. T a g n. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 291 и др.

Для всех шести обследованных курганов характерно расположение их на берегу русла Инкар-Дарьи, наличие шлакового кольца вокруг насыпи, находки обожженных человеческих костей и бронзовых трехлопастных раннескифских стрел VI—V вв. до н. э. (рис. 20). Яркой отличительной чертой курганов и близлежащих поселений этой культуры является

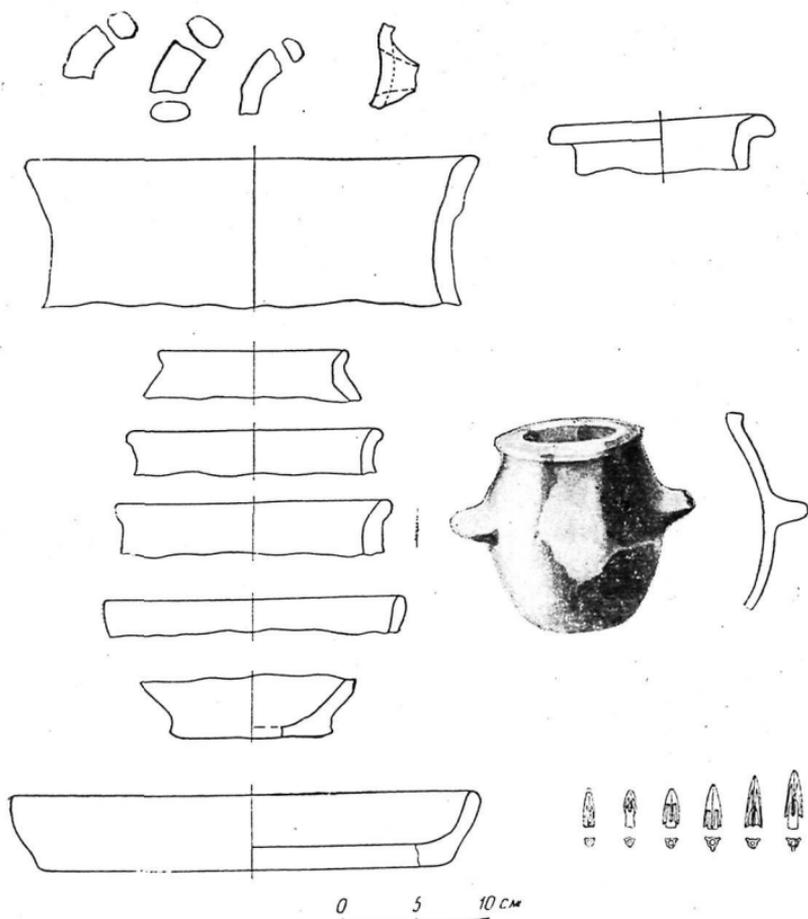

Рис. 20. Керамика и наконечники стрел сакараваков (инвентарь «шлаковых» курганов).

отсутствие находок кварцитового инвентаря, столь обильного на апаснакских памятниках⁷⁷.

Раскопки одного из шлаковых курганов (рис. 21). дали возможность выяснить некоторые особенности погребального обряда. Не вызывает сомнения, что это было трупосожжение. Сначала выкапывали кольцевой ров, шириною около 1 м, глубиною до 20 см. Ров окружал площадку диаметром около 10 м. Затем ров засыпали комьями глины и над ним возводили круг из глыб шлака, высотой около 1 м. Пространство внутри круга засыпалось песком с примесью мелких комьев глины. На этой засыпке, ве-

⁷⁷ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., стр. 46—47, рис. 36.

роятно, и происходило трупосожжение, ибо близ ее центра было обнаружено четко локализованное прокаленное пятно красного цвета. Здесь же были найдены фрагменты небольшого сосудика котлообразной формы, грубой ручной лепки и множество мелких фрагментов обгорелых человеческих костей. После совершения обряда насыпался курган, причем насыпь состояла из тех же компонентов, что и засыпка — песок с примесью глины.

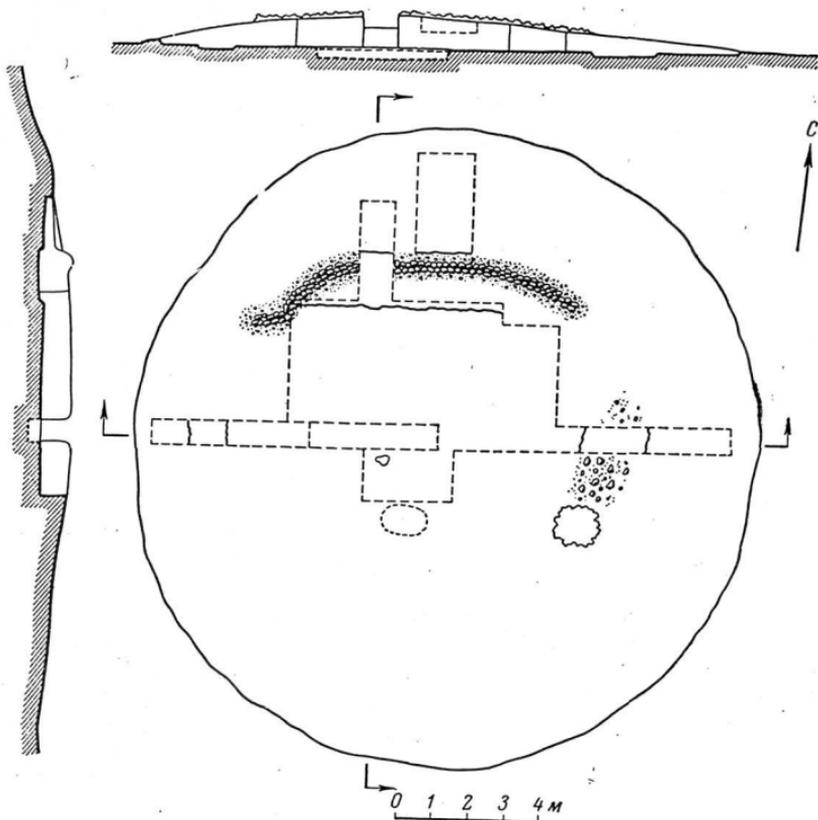

Рис. 21. Шлаковый курган № 4.

Оригинальный обряд, при котором кольцо вокруг курганов возводилось из глыб шлака, возможно, говорит о роли культа огня в жизни племени, воздвигнувшего эти курганы, причем племя это достигло довольно высокого экономического развития, так как производство таких огромных глыб шлака требовало умения получать в гончарных печах очень высокие температуры.

Самый большой шлаковый курган был обнаружен на памятнике Сегир-там, открытом нами еще в 1946 г.⁷⁸ Здесь на каменной возвышенности близ колодца Баян внутри круглого в плане архитектурного сооружения в виде кирпичной стены, которая даже сейчас возвышается на 5.7 м над окружающей поверхностью, был расположен опромный шлаковый курган, диаметр которого равен примерно 34 м, в то время как диа-

⁷⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 177—182.

метр обычных шлаковых курганов не превышает 8—10 м. Надо полагать, что здесь похоронен один из сакаравакских вождей.

Обряд трупосожжения, большая роль огня в этом ритуале и, наконец, наличие кольцевой стены вокруг погребального сооружения — все это наводит на мысль о каких-то связях между тагискенскими и «шлаковыми» курганами, хотя последние и датируются VI—V вв. до н. э. Как мы уже отмечали, у нас нет доказательств того, что кольцевой коридор мавзолея 6 был перекрыт. Судя по характеру его заполнения (песчано-глинистые натёки), он мог быть открытым, и тогда внешняя стена коридора являлась стеной, окружающей погребальное сооружение, т. е. картина та же, что и на Селгир-таме.

Таким образом, мы можем предположить, что тагискенские погребальные сооружения — самый ранний из известных нам сакаравакских памятников, в материалах которого еще сохраняются, и довольно сильно, черты культуры степной бронзы, подвергшейся сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов. Тогда мы сможем не только понять столь высокий уровень открытой нами культуры, но и наметить путь дальнейших поисков, касающихся прежде всего выявления основной территории расселения сакараваков. Работы 1961 г. на Тагискене (особенно на южной группе) и на находящемся в 25 км к востоку от него могильнике Уйгарак, содержащем 81 курган, дали прекрасный материал по ранним погребальным сооружениям саков, в которых продолжают, как это удалось проследить, традиции тагискенской культуры как в ритуале (трупосожжение), так и в конструкциях погребальных сооружений.

Несомненно, генетически восходит к тагискенским сооружениям типа мавзолея погребальное сооружение 2, раскопанное на бугре Тагискен. Оно тоже имеет круглую кирпичную стену, окружающую на расстоянии 3,5 м центральное круглое здание. Последнее представляет собой цоколь высотой 1,15 м, на котором сооружены две взаимопересекающиеся стенки, образующие четыре камеры. Камеры соединены между собой входами. Вход в здание помещался в юго-восточной его части и шел через пересекающийся коридор пандус.

Интереснейшей особенностью этого сооружения является то, что коридор был буквально забит глыбами гончарного шлака и кусками ошлакованных кирпичей. Здесь происходило основное горение при совершении обряда трупосожжения. Погребение было ограблено. Среди находок — один кувшин, золотые пронизки, камешные грузила.

Материала для датировки недостаточно, но как керамика, так и характер погребального сооружения позволяют отнести его к середине I тысячелетия до н. э. Кольцо шлаков вокруг места погребения связывает этот тип погребальных сооружений со «шлаковыми курганами». С другой стороны, плапировка погребальных камер, сооружение их на круглом цоколе — все это заставляет вспомнить о целой серии погребальных сооружений, известных под именем «крестовин» (см. ниже), возможным прообразом которых является мавзолей 2.

Линию тагискенских погребальных сооружений с деревянной столбовой конструкцией продолжают сакские курганные захоронения, обнаруженные в основном на бугре Уйгарак⁷⁹.

Это курганы 8, 77, 66. Они имеют насыпь диаметром 20—24 м и высотой 0,7—1,2 м. Она перекрывала древнюю дневную поверхность, в которой были вырыты одно или два кольца столбовых ям. В центре помещался покойник, причем его клали на подстилку из травы и камыша и

⁷⁹ Состав отряда в 1961 г.: начальник отряда О. А. Вишневская, научный сотрудник Р. Л. Садоков, научно-технические сотрудницы М. Ф. Грошева, А. М. Хазанов, инженер-картограф Н. И. Игония, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер эсклэд. автобазы АН СССР Б. В. Прокофьев.

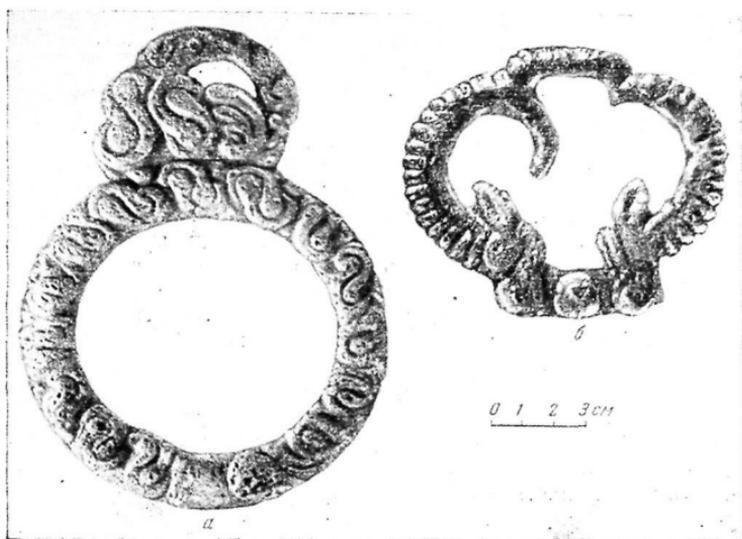

Рис. 22. Могильник Уйгарак. Бляхи из конского убора (бронза)

таким же слоем с примесью хвороста он был покрыт. Кроме кургана 66, где имеются явные доказательства того, что деревянное сооружение на столбах было воздвигнуто и при совершении обряда сожжено, во всех остальных случаях столбовые ямы имели чисто ритуальное значение. Покойников клали на спину, ориентация была неопределенной. Среди погребального инвентаря — предметы конского убора, причем особо выделяются две бронзовые бляхи, выполненные в прекрасном «зверином стиле» (рис. 22). Одна из них украшена стилизованными головками грифонов, вторая — изображениями двух архаров с загнутыми рогами.

Среди находок — бронзовые двуперые и трехперые втульчатые наконечники стрел, трехдырчатый псалий, стремевидные удила и т. д. В целом эти курганы датируются VI—V вв. до н. э. с возможным отклонением к VII в. Второй тип сакских курганов, открытых в этом году, представлен как на Тагискене (курганы 29 и 54 в Южной группе), так и на Уйгараке (курган 61). Они имеют насыпь диаметром 20—22 м и высотой 1—1,6 м, под которой была вырыта в материке грунтовая прямоугольная яма глубиной 1,5—2 м. На дне ямы по стенкам вырыта канавка, так что покойник лежал как бы на земляном столе. Дно ямы было устлано подстилкой, поверх покойника также клали плетенку из травы и камыша, сверху покрытую деревом. Яма не засыпалась, а перекрывалась слоем дерева и камыша, на который насыпался слой земли толщиной в 30—40 см. Поверхность этой насыпи выравнивалась и перекрывалась еще одним слоем дерева и камыша, после чего окончательно насыпался курган.

Погребение 61 на Уйгараке разграблено, там найден лишь чернолощевый узкогорлый кувшинчик, аналогии которому в скифском мире нам пока не известны. Погребение 54 на Тагискене, принадлежавшее, судя по ведущему в него 12-метровому дромосу, знатному лицу, разграблено частично, что дает возможность сделать некоторые заключения.

Покойник лежал по диагонали могилы, головой на восток, причем его ноги были согнуты в коленях и образовывали в плане ромб. Среди находок удалось обнаружить верхнюю часть железного меча очень плохой

сохранности, который, видимо, имел овальное навершие и бабочковидное перекрестие. Там же был найден бронзовый двухшершневый наконечник стрелы с выступающей втулкой, причем, по классификации К. Ф. Смирнова, стрелы этого типа датируются VI—V вв. до н. э.⁸⁰ Этим же временем датируются и два маленьких сосудика с округлым туловом и высоким горлом.

Все это позволяет отнести курган 54 к VI—V вв. до н. э.

Вышеописанная конструкция захоронений в сочетании с положением покойника по диагонали ямы позволяет видеть в этих погребениях типичные для Среднего Поволжья II в. до н. э. диагональные погребения, которые К. Ф. Смирнов, на наш взгляд, вполне основательно связывает с одним из сарматских племен — роксоланами⁸¹.

Что приводимым им же данным античных авторов, движение роксолан шло в западном направлении: в конце II в. до н. э. они селились между Доном и Днепром, а во II в. н. э. их земли простираются до границ Дакии.

Таким образом, курганы с диагональными погребениями в бассейне Нижней Сыр-Дарьи являются самым восточным комплексом из ранее известных. Диагональные погребения были обнаружены К. Ф. Смирновым и на реке Илеке, причем одно из них также датируется V в. до н. э.⁸²

Совершенно очевидно, что восточная группа этих захоронений оказывается древнее западной, и это еще раз заставляет высказаться в пользу гипотезы о восточном происхождении роксолан.

К позднесарматскому времени, точнее ко II—III вв. н. э., относятся три курганных погребения на возвышенности Кок-Сенгир, расположенной в 150 км к юго-востоку от Уйгарака. Они были раскопаны в 1961 г.⁸³ Диаметры курганных насыпей — 16—18 м, высота их в древности достигала, видимо, 2—3 м. Так же, как и в более ранних курганах, могильная яма, вырытая в материке, перекрывалась слоем дерева и камыша, камыш устилал и дно ямы. Курганы 2 и 3 были разграблены, однако, можно полагать, что покойники лежали головами на север. Из погребального инвентаря этих курганов почти ничего не сохранилось, если не считать обломков железного меча и клинка, железных трехлопастных черешковых наконечников стрел, чернолощеного кувшина, от основания ручки которого отходят два наленных валика, образующих две закругленные кнizu спирали, и некоторых других находок.

Наибольший интерес представляет курган 1, оказавшийся не разграбленным. Его диаметр около 16 м, высота 0,5—0,6 м. Могильная яма помещалась под центром курганной насыпи, имела овальную форму, площадью 3,5 × 1,5 м вверх и 2,4 × 0,6 м вниз, при глубине около 2 м. На глубине 1,5 м от уровня древней дневной поверхности в стенках были обнаружены заплечики, служившие опорой для перекрытия из дерева и камыша. Покойник лежал в легком гробу из деревянных планок и камыша, на спине, головой на север. С левой стороны около покойника находился железный меч позднесарматского типа в ножнах из дерева и материи, причем в месте, где к ним прикреплялись ремни, они были украшены двумя золотыми головками верблюдов с инкрустацией из бирюзы. У рукоятки меча лежала золотая ворворка, неподалеку — предмет из белого камня в виде пряслица. У правой руки погребенного найден четырехгранный в сечении железный стержень с заостренным концом.

Поверх покойника был положен длинный лук, от которого сохрани-

⁸⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, табл. 1, стр. 43.

⁸¹ Е. Г. же. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219.

⁸² К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 258.

⁸³ Курган 1 был раскопан сотрудниками маршрутного отряда, курганы 2 и 3 раскопали О. А. Вишневецкая и Ю. А. Рапопорт.

лись костяные обкладки, в ногах лежали железные трехлопастные черпковые стрелы, датируемые II—III вв. до н. э.

В могиле были найдены, кроме того, кости козы и остатки кожаного мешка или сосуда. В головах и ногах покойного стояло по одному керамическому сосуду типа кувшинов, которые находят себе аналогии в позднесарматских памятниках Приуралья.

4

Как уже говорилось, экспедиция продолжала исследование памятников, оставленных одним из крупнейших сакских племен — апасиаками. Продолжались раскопки поселений и погребальных сооружений, начатые ранее⁸⁴, были открыты новые памятники. В 1958—1960 гг. велась раскопки столицы апасиаков — Чирик-Рабата⁸⁵.

Были закончены раскопки самого раннего сооружения на территории городища Чирик-Рабат — кургана на площади древней цитадели, в северо-восточной ее части⁸⁶. Его конструкция рисуется следующим образом (рис. 23 и 24).

Насыпь кургана имела диаметр около 60 м и сохранившуюся высоту 3,5 м над уровнем окружающей равнины. Курган был ограблен еще в древности. Раскопками вскрыты погребальная камера и дромос. Могильная камера была вырублена в плотном песчаном материковом слое с известковыми включениями и представляла собой в плане почти правильный квадрат (7,5 × 7,2 м). Сохранившаяся высота стен ее равнялась 2,5 м, они так же, как и пол камеры, были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. В северо-западной части камеры, в полу, вырыта неглубокая (около 35 см) овальная яма, по-видимому, связанная с ограблением кургана. Никаких следов человеческих костей в камере не оказалось. Вход в нее оформлен в виде шести крутых широких ступеней, также вырубленных в материковом грунте, которые выводили на горизонтальный пол дромоса, чей уровень был на 0,5 м выше уровня пола камеры. Пол и стены дромоса также покрыты тонким слоем глиняной обмазки. После того как умерший помещался в погребальную камеру, она, видимо, засыпалась. Дромос и могильная камера покрывались мощным камышовым настилом, который над коридором сохранился *in situ*. Он состоял из шести слоев камыша, положенных друг на друга, причем толщина каждого из них равна 2—3 см. Как уже говорилось, курган был

⁸⁴ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 23—40; см. также библиографию, стр. 23.

⁸⁵ Состав отряда в 1958 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда Ю. А. Рапопорт, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники А. В. Виноградов, Р. Л. Садоков, С. А. Трудновская, В. Н. Ягодина (Каракалпакский научно-иссл. ин-т), архитектор Л. С. Витухин, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, А. Ф. Леонова, В. А. Лоховиц, С. А. Оленич, В. П. Орлова, фотограф Г. А. Аргиропуло, художник Г. И. Улько, студенты-практиканты М. Н. Елизарова, А. И. Мамсина, В. Е. Щербakov (историч. ф-т Горьковского университета), С. Н. Карпова (МГУ), механик М. У. Юнисов, зав. складом В. Н. Егоров, бухгалтер Л. П. Соловьева, секретарь-машинистка М. Х. Сытдекова, шофер экспед. автобазы АН СССР Я. И. Здонов; в 1959 г.: начальник отряда С. А. Трудновская, научные сотрудники Н. Н. Вахтурская, Е. Е. Неразик, Р. Л. Садоков, научно-технические сотрудники Т. Н. Томина, архитектор В. А. Лапин, аспирант ИЭ АН СССР Л. М. Левина, студент-практикант В. Е. Щербakov, фотограф В. А. Родькин, механик М. У. Юнисов, бухгалтер Л. П. Соловьева, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Цветнов; в 1960 г.: начальник отряда С. А. Трудновская, научные сотрудники Н. Н. Вахтурская, архитектор М. С. Лапиров-Скобло, фотограф В. А. Родькин, коллектор Я. А. Штейнберг, механик М. У. Юнисов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы АН СССР В. В. Прокофьев.

⁸⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 25—27.

разграблен, так что вещей в нем сохранилось очень мало. Это прежде всего несколько фрагментов керамики, по-видимому, остатков кувшинов, лепных и изготовленных на круге. Здесь же был найден железный меч с плоской рукоятью, вероятно, овальным навершием, бабочковидным перекрестьем и массивным широким лезвием, сходный с типичными скифскими мечами. Аналогии этому мечу мы встретили в Западном Казахстане

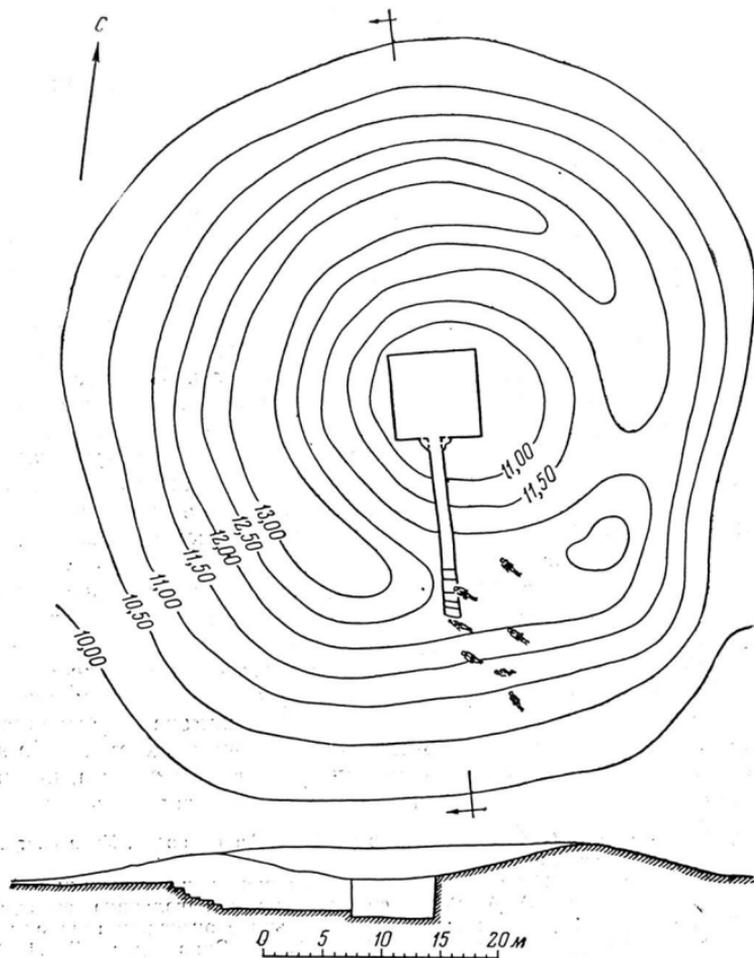

Рис. 23. Чирик-Рабат. Курган. План и разрез

(могильник Кара-Оба)⁸⁷, в Приуралье (поселок Нежинский, Оренбургской обл.)⁸⁸, а также в Европейской части СССР среди находок из курганов на реке Псел⁸⁹. Кроме того, железные мечи такого типа, но не с прямым навершием, были встречены в савроматских погребениях

⁸⁷ И. В. Сяницын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XIV, 1952, стр. 67, рис. 27, 1.

⁸⁸ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 148, рис. 1.

⁸⁹ В. А. Ильинская. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957, стр. 237, рис. 2, 1.

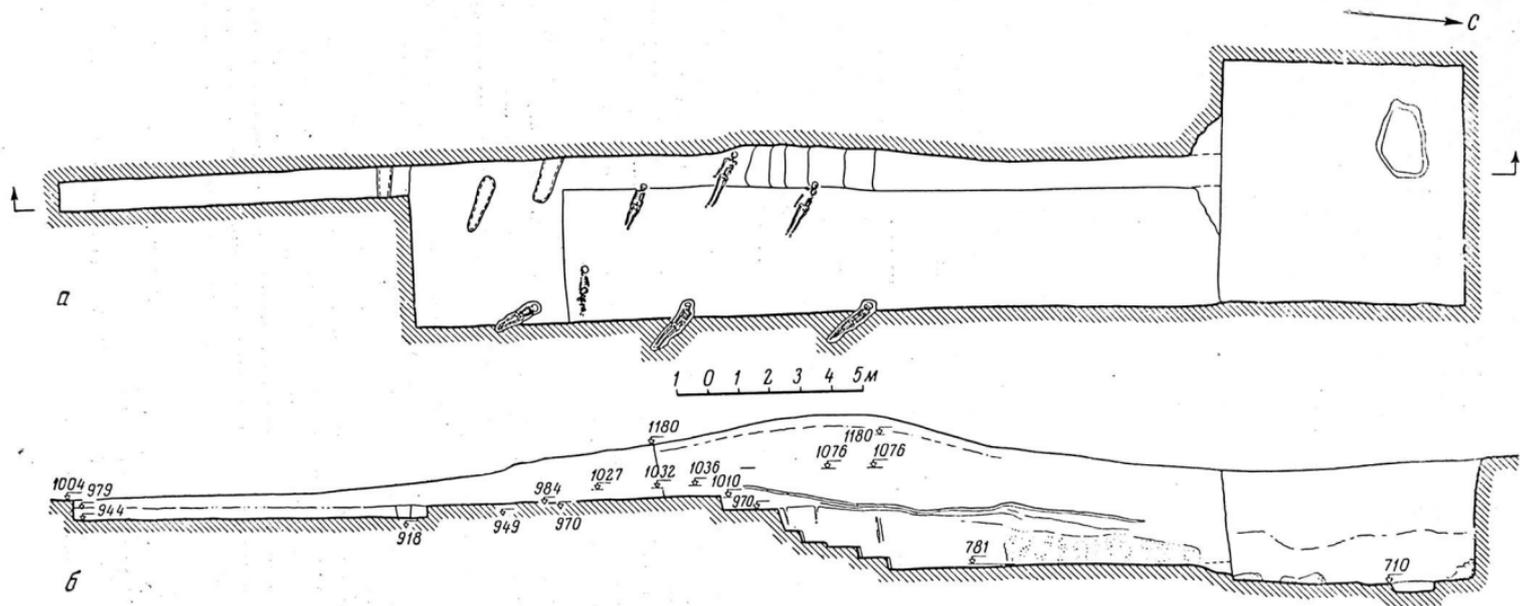

Рис. 24. Чирник-Рабат. Курган.

а — план камеры и части насыпи с выпускными погребениями; б — разрез

II Бережновского могильника⁹⁰ и кургана у станции Сайхил⁹¹ (степное Заволжье). Все эти находки определенно датируются V—IV вв. до н. э. Следует также отметить втульчатый бронзовый наконечник стрелы скифского типа⁹² и небольшую поделку из золота — обкладку какого-то цилиндрического предмета⁹³.

Следует еще подчеркнуть, что среди находок в кургане были обнаружены два отщепы из кварцита. Как известно, кварцит играл большую роль в инвентаре апаспакских племен вплоть до конца I тысячелетия до н. э.

Судя по находкам, курган может быть датирован V—IV вв. до н. э., а его конструкция напоминает курган 54 на Тагискене.

В юго-западной части городища Чирик-Рабат расположены сильно оплывшие остатки прямоугольного укрепления с башнями, видимо, цитадели. В ее юго-западном углу, неподалеку от угловой башни, был заложен раскоп площадью $15,1 \times 4,2$ м. Зачистка показала, что западная стена цитадели сохранилась на высоту 0,5—0,6 м и состоит из двух стен толщиной 2,3 м каждая с заключенным между ними коридором шириною 1,25 м. Стены сложены из сырцового кирпича, который, судя по размерам торцов (23—25—30 \times 9—10 см), был прямоугольным. Стена эта стоит не на материке, а на зольстом культурном слое с керамикой, причем последняя датируется IV—II вв. до н. э. Таким образом, цитадель была сооружена не раньше этого времени.

На расстоянии 4,2 м к востоку от стены цитадели подстилающий ее зольстый слой примыкает к стене еще более раннего сооружения, юго-западный угол которого был зачищен. Его стены толщиной 1,1 м сложены из квадратного сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см и уходят внутрь на 2,35 м. Они возведены непосредственно на красноватом материковом песке с известковыми стяжениями. Зольстый слой с керамикой IV—II вв. до н. э. примыкает к этим стенам извне, так что они, видимо, были возведены еще раньше. Шурф внутри этого сооружения показал, что цоколя оно не имело. Его заполнение — плотный замыйтый глинистый грунт с прослойками ила. Находок нет, кроме нескольких маловыразительных фрагментов керамики. Таким образом, не исключено, что постройка эта, каково бы не было ее назначение, синхронна описанному выше курганному погребению.

Любопытно, что и близ тагискенских курганов и близ Сенгир-тама были обнаружены прямоугольные ограды-валы. Такие ограды-валы сопровождают и апаспакские курганы. Можно высказать предположение, что угол открытой нами древней постройки является углом именно такой прямоугольной ритуальной ограды.

Помимо кургана, на городище Чирик-Рабат были закончены раскопки двух погребальных зданий. Одно из них, круглое в плане, расположено в юго-восточной части городища⁹⁴. Его развалины имеют в диаметре 38,5 м и сохранились на высоту около 8 м. Внутри здание разделено двумя ориентированными точно по странам света и пересекающимися в центре стенами двухметровой толщины на четыре погребальные помещения каждое площадью $5,9 \times 5,9$ м. Вдоль стен каждой комнаты были сделаны суфы, выложенные из сырцового кирпича и покрытые глиняной обмазкой. Северные помещения сообщались с южными проходами, между южными камерами также был проход. Вход в здание расположен в южной

⁹⁰ И. В. Сяницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 126.

⁹¹ Там же, стр. 143, рис. 48, 3; стр. 197.

⁹² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 27, рис. 18, 2.

⁹³ Там же, стр. 27, рис. 18, 4.

⁹⁴ Там же, стр. 27—29.

стене юго-восточного помещения и представлял собой девятиметровый коридор шириною 1,7 м. В северо-восточной части здания, на высоте 7,25 м, обнаружены остатки коридорчика, который когда-то опоясывал всю внутреннюю планировку.

На суфах в помещениях сохранились обломки кальцинированных человеческих костей и уцелевшие после грабежа предметы погребального инвентаря. Здесь был совершен обряд трупосожжения.

Множество находок, сделанных во всех четырех камерах, позволили датировать этот памятник IV в. до н. э.

Мы не будем останавливаться на результатах раскопок этого сооружения — они освещены в специальной статье, посвященной этому памятнику⁹⁵.

Второе погребальное здание, стоящее к юго-западу от курганов, дало несколько иную планировку и иной обряд⁹⁶. Оно было почти квадратным в плане (19,5 × 19 м) и имело стены (5,5 м толщиной) из сырцового кирпича. Мощная стена (толщина 3,9—4,0 м) делит здание на два помещения — северо-западное и юго-восточное, которые соединены между собой проходом. В помещении 1 (северо-западное) в середине его, на полу, было обнаружено беспорядочное скопление человеческих костей и три черепа. Здесь, несомненно, побывали грабители. В помещении 2, под полом из сырцового кирпича, была обнаружена яма, на дне которой найден женский череп и небольшое количество костей скелета. Видимо, костяк лежал головой на северо-восток. Погребение было также разграблено, но там были все же найдены поделки из золота, фрагменты бронзового зеркала, трехгранный черешковый железный наконечник стрелы, бусы из стекла, агата, обломки костяного гребня и т. д. Эти находки и найденная в здании керамика позволяют датировать его III—II вв. до н. э.

Особенно интересно то, что здесь в разграбленном женском погребении был найден наконечник стрелы. Очень может быть, что перед нами погребение женщины-воина, подобное тем, которые были описаны Б. Н. Граковым⁹⁷. Мы не знали до сих пор находок такого рода на территории Средней Азии, но зато нам хорошо известны свидетельства античных авторов, в которых настойчиво подчеркивалась матриархальная традиция у саков Средней Азии, что выражалось, в частности, в участии женщин в военных действиях.

В южной части городища был еще в 1946 г. вскрыт участок жилой застройки, примыкающей с внутренней стороны к оборонительной стене⁹⁸. В 1958 и 1959 гг. площадь этой, вначале стратегической, траншеи была расширена. Здесь было обнаружено шесть полов, сооружение которых, судя по найденной на них керамике, укладывается в рамки IV—II вв. до н. э.⁹⁹ Все эти слои перекрывал средневековый слой, который датировался XII—XIII вв. н. э.

Итоги раскопок столицы аспасинов позволяют наметить основные этапы истории этого городища. Возникновение его, видимо, относится к V в. до н. э., может быть, к концу VI в. до н. э. Самыми древними его компонентами являются курганы. Эти погребальные сооружения, воздвигнутые на вершине холма, были центром, вокруг которого развивалось все

⁹⁵ См. статью С. А. Трудновской в настоящем сборнике.

⁹⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 31—32. Подробно о раскопках этого здания см. статью В. А. Лоховица в настоящем сборнике.

⁹⁷ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 112 и сл.

⁹⁸ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 32, 33, рис. 24, 24а.

⁹⁹ Там же, стр. 32—40.

строительство городища. Возможно, что к этому же времени относится древнее сооружение, раскрытое к юго-западу от курганов. Видимо, непосредственно вслед за сооружением этих курганов-погребений скифских вождей или царей для их охраны появилось поселение воинов, развившееся затем в крупный населенный пункт, окруженный овалной стеной с башнями и рвом. Стена эта датируется, видимо, IV в. до н. э. В ту же эпоху возникает прямоугольная цитадель, расположенная к юго-западу от курганов, очевидно, ставка апасиакских «царей».

Ко времени существования этих древних фортификационных сооружений относятся и более поздние, чем курганы, погребальные здания — цилиндрическое и подквадратное. Подквадратное здание расположено на поле одного из курганов, а цилиндрическое входит в систему поздней оборонительной стены, относящейся к последнему этапу существования городища — III — началу II вв. до н. э. Видимо, в это время оказалось невозможным оборонять всю огромную территорию городища. В связи с этим юго-западная часть его была отделена вновь построенной стеной, а, судя по сохранности остальных стен этой части Чирик-Рабата, последние были отремонтированы.

Итак, жизнь на городище прекратилась около середины II в. до н. э. Лишь более тысячи лет спустя, на небольшом участке юго-западного конца городища возникло небольшое хорезмийское поселение XII в., известное в средневековых источниках под именем Саг-Дере¹⁰⁰.

Вероятно, к этому времени относятся многочисленные мусульманские погребения в насыпи кургана 1 (см. рис. 24).

Два погребения были обнаружены в насыпи над дромосом (над камышовым настилом). Костяки лежали в вытянутом положении на спине головой на северо-запад, без погребального инвентаря. В курганной насыпи, примыкающей к восточной стене дромоса было вскрыто еще восемь костяков, из них четыре погребены собственно в насыпи, четыре — в узких ямах, пробитых в древнем такыре. Большинство костяков (7) ориентировано на северо-запад, два смещены в северном направлении, а один ориентирован на запад. Последний лежит на правом боку с согнутыми в коленях ногами. При погребенных никаких вещей не найдено.

Ориентировка костяков и отсутствие погребального инвентаря свидетельствуют о средневековом происхождении этих погребений¹⁰¹.

5

Вторым крупным объектом наших исследований был комплекс апасиакских памятников — Бабиш-Мулла¹⁰². Он состоит из городища Бабиш-Мулла 1, погребального сооружения Бабиш-Мулла 2 и множества сельских поселений. Последние были описаны нами ранее¹⁰³. Остановимся на первых двух памятниках, раскопки которых продолжались¹⁰⁴.

¹⁰⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. Тексты. СПб., 1898, стр. 41.

¹⁰¹ Антропологическую характеристику этих погребений см. в статье Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике.

¹⁰² С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 40—60.

¹⁰³ Там же, стр. 41—45.

¹⁰⁴ Состав отряда в 1958 г.: начальник отряда М. Г. Воробьева, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, М. И. Земская, научно-технические сотрудники В. Ф. Белокопытова, С. А. Оленич, архитектор Ю. В. Стеблюк, фотографы Г. А. Аргиропуло и В. А. Родькин, коллектор И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы АН СССР Т. М. Демидов; в 1959 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. Г. Воробьева, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, Н. П. Лобачева, И. Ф. Хоро-

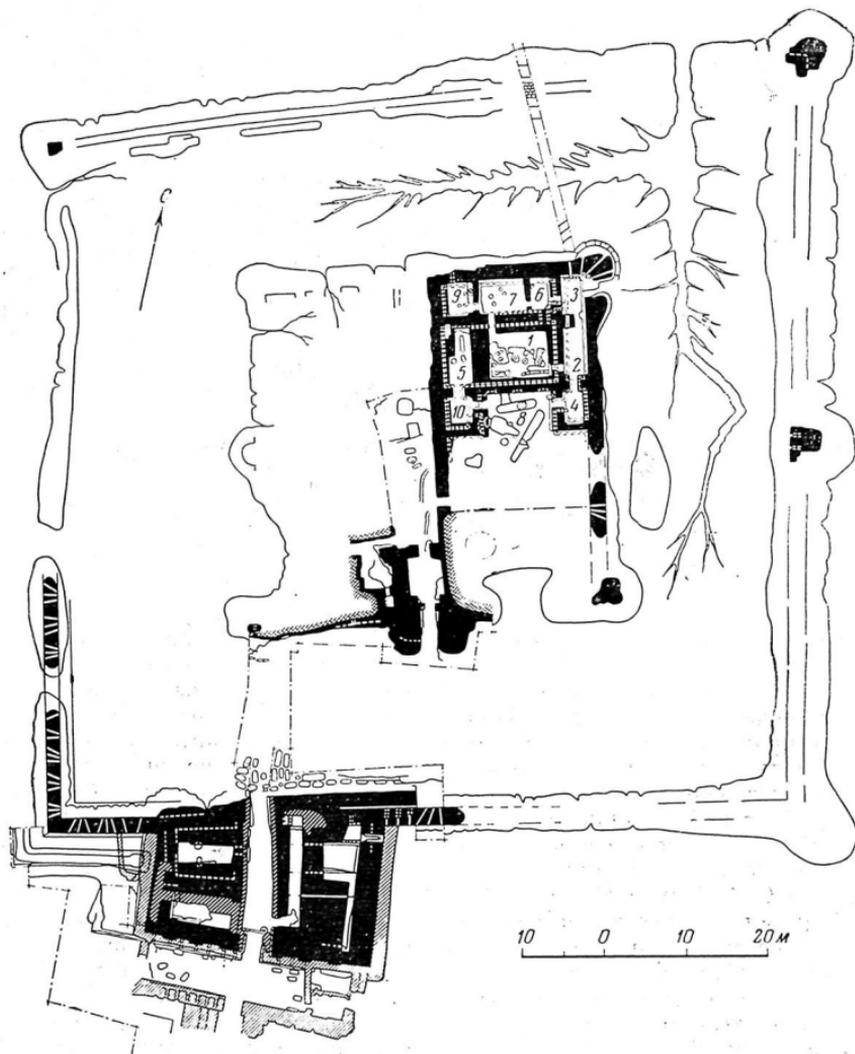

Рис. 25. Бабиш-Мулла 1. Цитадель. План

Городище Бабиш-Мулла 1 — это укрепленный город значительно меньших размеров, чем Чирик-Рабат. В северной его части расположена квадратная цитадель (100 × 100 м), обнесенная паховыми стенами с небольшими округлыми башнями по углам и в середине восточной стены

шева, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева и М. И. Земская, архитектор Ю. В. Стеблюк, студенты-практиканты Т. Б. Гладкова и И. Н. Иванов, зав. складом И. Д. Саламайкин, шоферы экспед. автобазы АН СССР А. Е. Мозгалева и Н. Н. Колесников; в 1960 г. (базовый лагерь): начальник экспедиции С. П. Толстов, начальник отряда М. Г. Воробьева, заместитель начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко, заместитель начальника экспедиции по адм.-хоз. части Л. С. Суворова, научные сотрудники Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина, М. М. Рожанская, С. А. Трудновская, научно-технические сотрудники М. Ф. Грошева, М. И. Земская, А. М. Хазанов, фотограф В. А. Родькин, художник В. А. Погансен, архитектор Ю. В. Стеблюк, студенты-практиканты Л. В. Абатуров, Н. И. Виноградова, И. Н. Иванов, Я. А. Штейнберг, зав. складом И. Д. Саламайкин, шофер экспед. автобазы Ю. Е. Горшков.

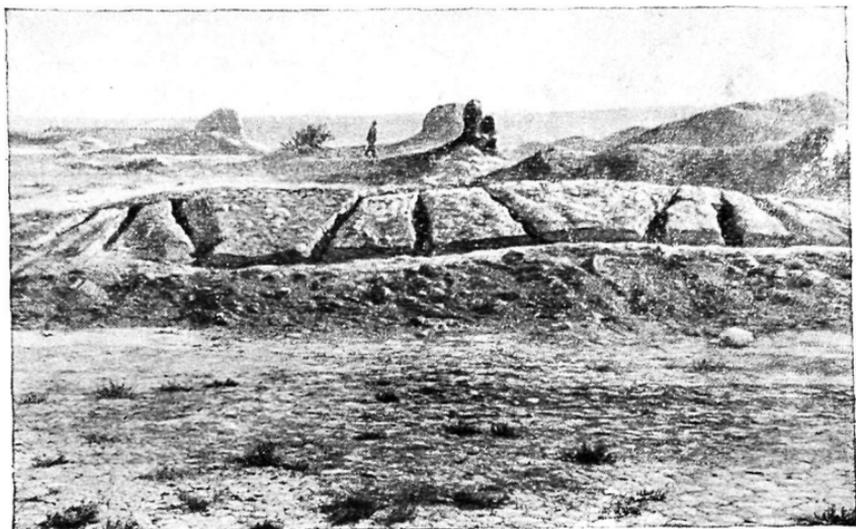

Рис. 26. Бабиш-Мулла 1. Западная стена цитадели с бойницами

(рис. 25). В квадрат цитадели включено квадратное здание — «Большой дом», размером 44×44 м. В стенах цитадели и «Большого дома» прорезаны тройные, веерообразно расходящиеся, стреловидные бойницы хорезмийского типа (рис. 26). Близ юго-западного угла цитадели к ее стене извне примыкают развалины здания, условно именуемого нами донжоном (площадь 30×30 м), стены которого сохранились на высоту 4—5 м. С юга к донжону и цитадели примыкает территория города, обнесенная мощной стеной (толщиной до 5,3 м) с полукруглыми башнями. Последние представляли собой конструкцию, имеющую в основании пахсовый доколь, на который опирались стены из сырцового кирпича ($39-40 \times 39-40 \times 11$ см и $43-44 \times 35 \times 9$ см), прорезанные стреловидными бойницами. Внутри города вдоль южной стены прослеживается застройка в виде остатков столбовых конструкций. В южной части города, при помощи аэрофотосъемки, было обнаружено крупное здание (18×40 м), причем при наземном обследовании выяснилось, что его наружные стены достигают толщины 4 м, внутренние — 1,5 м и сложены они из пахсовых блоков. Здесь были раскопаны три помещения, в одном из которых обнаружены остатки обжигательной печи, а около нее — в ямах — фрагменты бракованных женских статуэток того же типа, что и найденные ранее на одном из поселений¹⁰⁵. Здесь же в углу стоял хум с вырезанным на его стенках знаком. В центре двух помещений располагались выкладки с очагами в них. Весь комплекс дал большое количество керамики, фрагментов бронзовых изделий, костей животных. По времени он соответствует продолжительности существования городища в целом.

Было выяснено, что крепость имеет несколько строительных периодов, не выходящих за рамки IV—II вв. до н. э. Эти периоды наиболее полно удалось проследить при раскопках донжона¹⁰⁶, где выделены три строительных периода, внутри каждого из которых прослежены периоды перестроек и ремонтов. Во время первого строительного периода на месте донжона существовало предвратное сооружение цитадели.

¹⁰⁵ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 45—46, рис. 34.

¹⁰⁶ Раскопки велись под руководством Б. И. Вайнберг.

Рис. 27. Бабиш-Мулла 1. Донжон. Сводчатое помещение

От сооружений первого периода сохранились основания стен со стрельчатыми бойницами. Во втором строительном периоде на месте обратного сооружения возникло хорошо укрепленное здание со сводчатыми помещениями (рис. 27) и центральным открытым коридором, делящим здание на восточную и западную половины. Через этот коридор попадали в крепость, в него же выходили арочные проходы из помещений.

В западной половине было два помещения, вытянутых с запада на восток, в восточной — три, образующие в плане букву «П». Стены комнат сложены из чередующихся слоев кирпичной и пахсовой кладки — прием, широко применявшийся позднее в афригидском Хорезме и в раннесредневековых памятниках других районов Средней Азии. Стандарты кирпича: $45 \times 45 \times 10$ см и $40-45 \times 31-38 \times 10-12$ см.

Перекрытия были сводчатыми, своды одинарные и двойные. Они выкладывались наклонными поперечными отрезками из трапециевидных

(клинчатых) кирпичей. Кривая свода трехцентрового построения имеет очень высокий подъем. Стены и своды изнутри покрыты слоем саманно-глиняной питукатурки. Внешний, южный, фасад доджона был в это время украшен неглубокими (около 20 см) пилястрами, выступающими на плоскости стены на 20 см по три с каждой стороны от входа. Это наиболее ранний из известных нам памятников среднеазиатской античности, украшенный таким образом.

Все помещения были жилыми. В них обнаружены хозяйственные ямы, выкладка для установки жернова, остатки проса, керамика, кости. Для керамики типичны хумы с оттянутым внутрь венчиком и плоским бережком, характерные для предпарфянских и раннепарфянских комплексов.

Видимо, в этот период доджон был центром обороны крепости, и конец его существования связан с ее военным разгромом. Так, западная стена одной из сводчатых комнат доджона, являвшаяся и частью внешней стены города, была пробита стенобитным орудием — тараном, наносившим удар наклонно снизу вверх.

В следующем, третьем строительном периоде, сводчатые помещения были забутованы и поверх них возведены помещения позднего доджона, сохранившиеся только в его западной половине. В эти помещения попадали следующим образом: проход в южной части восточной стены центрального коридора вел на узкий крытый пандус, поднимавшийся в северной стене доджона параллельно центральному коридору, где на уровне 5,45 м над современной поверхностью такыра была небольшая площадка; отсюда по подъемному мостику, перекидывавшемуся через центральный коридор, проходили в комнаты западной половины доджона. Остаток веревки, служивший для подъема мостика, был обнаружен между кирпичами кладки у конца пандуса. Центральный коридор продолжал существовать, но из-за того, что и он в нижней части был забутован, уровень его повысился, и он приобрел форму двустороннего пандуса, спускающегося как в сторону города, так и в сторону цитадели. У южного выхода сохранились пазы от балок коробки ворот и деревянный подпятник, на котором вращались ворота. Ворота закрывали вход в доджон и цитадель со стороны города. Вход в город и к этим воротам шел также по пандусу, вдоль западной половины доджона. В последний период существования доджона этот пандус с юга был ограничен стеной, поставленной в 5 м от доджона, в которой сохранилась нижняя часть бойниц для стрельбы с колена. С внешней стороны эта стена была украшена невысоким глиняным рельефом. В этой же стене против центрального коридора доджона был проход в город.

Среди керамики из верхнего слоя доджона встречены бокалы, аналогичные раннеантичным сосудам из Южной Туркмении, Кобадияна и ряда других комплексов Таджикистана, датирующихся III—II вв. до н. э.¹⁰⁷ Кроме того, на пандусе был обнаружен наконечник стрелы скифского типа, датирующийся II в. до н. э.

Следует отметить, что описанное нами здание не напрасно названо доджоном. История его постройки удивительно напоминает все те строительные этапы, через которые проходили доджоны афригидских замков Хорезма в VII—VIII вв. н. э.¹⁰⁸ (постройка доджона на месте предвратного укрепления, постройка сводчатых помещений, их забутовка и возведение на этом цоколе поздних помещений).

Как мы уже говорили, другим объектом раскопок был «Большой дом». Это квадратное в плане здание (44 × 44 м) со стенами ориентирован-

¹⁰⁷ М. М. Дьяконов. Археологические работы на нижнем течении р. Кафирнигана. МИА, № 37. 1953, стр. 289, рис. 20.

¹⁰⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 138—143; его же. По следам..., стр. 195.

Рис. 28. Бабиш-Мулла 1. Большой дом. Комната 3. Скопление астрагалов около бараньих черепов

выми по странам света (см. рис. 25). По углам и в середине стен находились полукруглые в плане башни. Угловые башни не имеют внутри помещений, они как бы усиливают углы дома.

В них, а также в наружных стенах обнаружены приземистые треугольные (в башнях) и стреловидные (в стенах) бойницы, расположенные по три, веером. Вход в здание находится в южной стене и оформлен двумя полукруглыми башнями, сложенными из сырцового кирпича. Проход во внутренние помещения (ширина около 2 м) сужен пилонами. Раскопана восточная половина здания, отделенная от западной стеной, в южной части которой был проход в восточные помещения. Вскрыто семь помещений нижнего горизонта. Центральное место занимает комната, по сторонам которой располагаются длинные и узкие помещения, а с юга к ней примыкает айван, открывающийся во двор, расположенный еще южнее. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича со сторонами 40—45 см. В айване и кое-где в боковых помещениях обнаружена побелка на штукатурке. В стенах айвана на высоте 90—93 см от уровня пола находились симметрично расположенные ниши (три в северной стене и по одной в боковых стенах к югу от проходов). Боковые их стенки сделаны в виде трех прямоугольных уступов. Ниши были побелены. Стены помещений сохранились на высоту 0,6—1,3 м, причем при перестройке они были забутованы и тогда же была срублена верхняя часть ниш. Ни культурного слоя, ни каких бы то ни было следов последующего заупустения в этих помещениях обнаружено не было. Можно предположить, что забутовка была произведена непосредственно после постройки нижней части здания.

Среди помещений среднего строительного горизонта интересно помещение 10, почти всю площадь которого занимает очаг, и помещение 8 — внутренний дворик. В северной части последнего обнаружены остатки топочных камер гончарных печей, которые были вырублены в забутовке помещений нижнего горизонта. Создается впечатление, что к моменту создания полов среднего горизонта гончарные печи и соответствующая им жилая поверхность были срублены. Ко времени существования этих печей относится гончарная печь близ западной части входа, примыкающая изнутри к стене здания. Обжигательная камера, в отличие от хорезмийских, прямоугольная в плане (1,6 × 1,1 м), топка находится в ее

северной части и по форме аналогична топкам печей из северо-восточной части здания. В камере сохранилась загрузка в виде сильно раздавленных кувшиновидных сосудов и чаш хорошего качества, покрытых красным ангобом.

В верхнем горизонте здание было отремонтировано и частично перестроено. Однако кладка стен часто хаотична, сырцовый кирпич комбини-

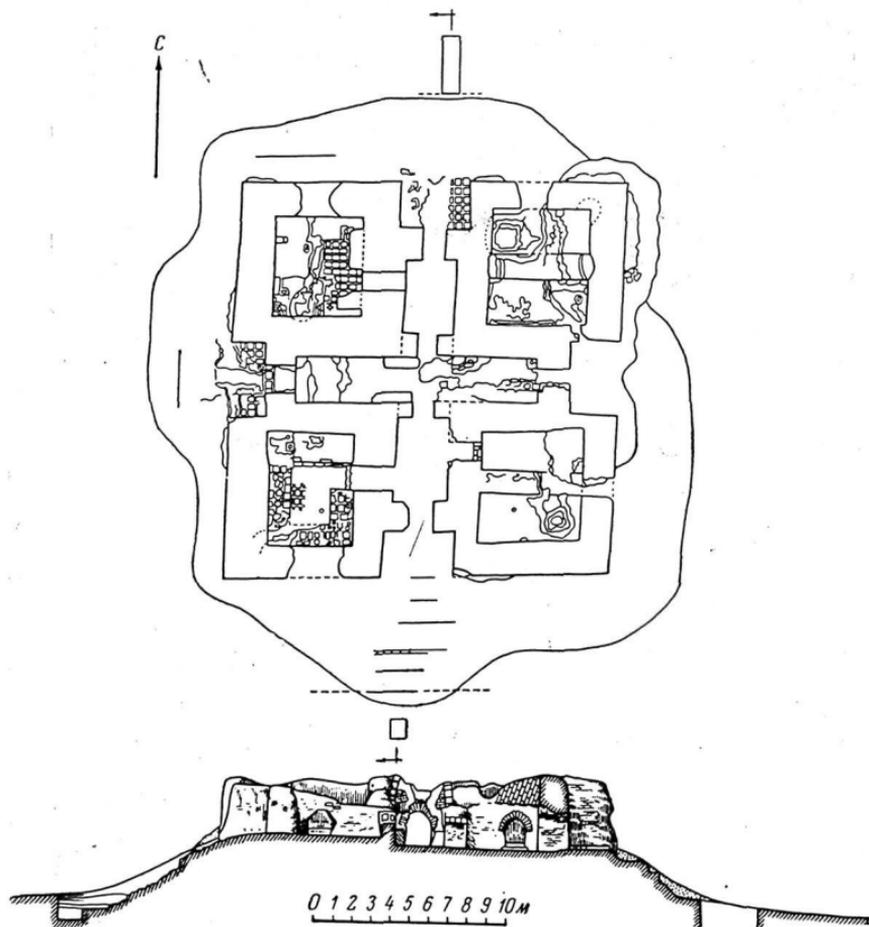

Рис. 29. Бабиш-Мулла 2. План и разрез

руется с пахсой, применяются приставные стенки и т. д. Уже после того как здание было заброшено, оно служило случайным убежищем для людей и скота.

Основные находки были сделаны на нижнем полу верхнего горизонта. Это окрашенная в красный цвет поделка из трубчатой кости домашнего животного, похожая на крышку пенала; фрагмент деревянной чаши с бронзовой обкладкой по краю; фрагмент стенки бронзового «скифского» котла с орнаментом в виде ложного жгутика; бусы; наконечники стрел скифского типа, один из них костяной; железные панцирные бляшки и т. д. В помещении 3 были обнаружены два черепа барана с лежащими около них астрагалами (рис. 28) с подшлифованными боковыми поверхностями (в одном скоплении — 42 шт., в другом — 63 шт.). Это остатки

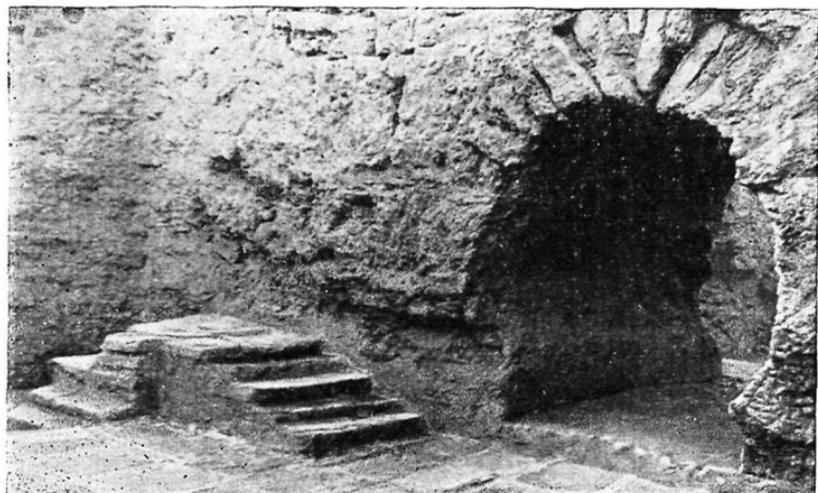

Рис. 30. Бабиш-Мулла 2. Северо-западная камера

хорошо известной и поныне игры в бараньи астрагалы, только в отличие от современной игры в древней какая-то роль была отведена бараньим черепам. Помещение 7 служило складом, в нем находились сосуды для хранения запасов.

Были продолжены и закончены раскопки погребального здания Бабиш-Мулла 2¹⁰⁹. Теперь его окончательный план уже ясен (рис. 29). Это квадратное в плане здание, его основная часть площадью 21×21 м возвышается на высоту до 7 м над современной поверхностью такыра. Основанием сооружения служил сложенный из шести рядов пахсовых блоков цоколь, площадью более чем 30×30 м и высотой около 3,5 м от уровня древней дневной поверхности. На этом цоколе и было возведено здание, сложенное из квадратного сырцового кирпича. Оно имело крестообразную планировку, основу которой составляли два пересекующихся коридора, ориентированные по странам света, и четыре угловых погребальных камеры. Все камеры, кроме одной, имели выход во внутренний коридор. По внешнему периметру здания шел узкий коридор. В середине каждой стены внутренний крестообразный коридор заканчивался арочным проходом, ведущим во внешний коридор, который перед каждой аркой образовывал небольшую площадку. В месте скрещения внутренних коридоров, впритык к их стенам, были поставлены арки. Погребальные помещения и коридоры перекрывались сводами, сложенными из клинчатого сырцового кирпича, причем для расклинки употреблялась керамика. Стены помещений были покрыты слоем алебаstra.

Угловые погребальные камеры имели размеры от $4,4 \times 5$ м до $5,3 \times 6$ м. Две из них — северо-восточная и юго-восточная были разделены посередине поперечными стенами, ориентированными с востока на запад. Здание сильно пострадало от действий грабителей, особенно это относится к его восточной половине.

Северо-западная и юго-западная камеры сохранились лучше. В северо-западном помещении пол был выложен крупным прямоугольным обожженным кирпичом ($34-40 \times 28-31 \times 5$ см), покрыт алебастровым раствором и раскрашен в красные и белые цвета, чередующиеся в шахматном порядке (рис. 30).

¹⁰⁹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 46—51.

Вдоль северной, южной и восточной стен из того же материала были сделаны ступенчатые выкладки шириною 1,3 м и высотой 0,5 м. Ступени через одну были раскрашены красной и белой краской. Фасады выкладок были красного цвета, пониже шла черная полоса, переходящая на пол.

Вдоль восточной и южной стен помещения были поставлены приставные стенки, потребность в которых возникла, видимо, вскоре после постройки здания в связи с просадкой сводов. В древности помещение было ограблено: остатки костяков и два черепа были найдены в завале прохода и в грабительской яме. Юго-западная погребальная камера была вымощена сырцовым кирпичом. Здесь погребение было также ограблено. Обнаружены остатки по крайней мере трех скелетов. Вероятно, погребения совершались прямо на полу, а может быть, на деревянных погребальных носилках или помостах, остатки которых в изобилии встречались в завале. Здесь найдено много золотых полусферических бляшек, пронизок, встречены золотые бусы, в том числе одна из янтаря и одна из сердолика. На полу около прохода в коридор был найден железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы.

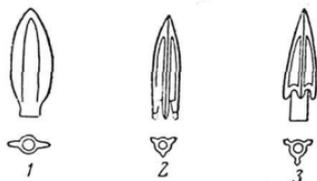
Бабиш-Мулла 1 и 2, несомненно, синхронны, в чем убеждает и анализ керамики, проведенный ранее¹¹⁰.

Полученные материалы — трехперые скифские наконечники стрел IV—II вв. до н. э. (рис. 31. 1—3), керамика, близкая хорезмийской IV—II вв. до н. э., бусы этого же времени — позволяют датировать весь комплекс Бабиш-Мулла IV—II вв. до н. э.

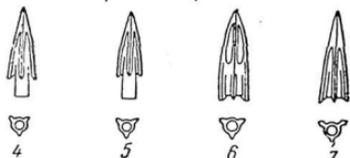
В 1959 г. было открыто, а в 1960 г. частично раскопано погребальное сооружение неизвестного до сих пор типа — Бабиш-Мулла 6. Оно расположено на небольшом естественном возвышении (2,7 м над современной дневной поверхностью). Это вырытая в древнем тапире площадка квадратной формы (5,5 × 5,5 м) со ступенчатыми краями, ориентированная углами по странам света.

Захоронения располагались на «ступеньках». Было обнаружено шесть детских (младенческих) захоронений в крупных горшкообразных сосудах грубой ручной лепки, причем четыре из них найдены около углов площадки и два примерно в середине каждой из сторон. Вскрыто три погребения в ямах близ стенок центральной площадки. Одно из них — погребение взрослого, лежащего в скорченном положении на правом боку, головой на запад; второе принадлежит

Бабиш - мулла-1

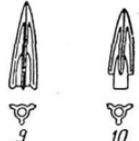
Чирик - рабат

Групповой
мечильник

Баланды-1

Шлаковые курганы

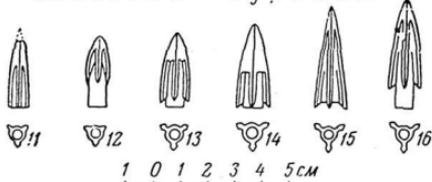

Рис. 31. Наконечники стрел, найденные на сакских памятниках

¹¹⁰ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 51—53. Новые керамические материалы принципиально ничем не отличаются от уже описанных.

подростку, лежащему вытянуто на спине, головой на северо-запад, в головах у него стоял небольшой сосуд с округлыми боками и узким горлом. Третье погребение также принадлежало взрослому, костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на юго-восток, сопровождающих погребение находок не было. Судя по заполнению могильных ям, есть основания предполагать, что это ступенчатое погребальное сооружение было перекрыто насыпью диаметром 18—20 м.

По-видимому, перед нами погребальное сооружение, служившее для захоронения рядовых членов бабиш-муллинской общины.

6

И наконец, наше внимание привлёк ещё один комплекс аспиакских памятников, расположенный в 40 км к югу от Чирик-Рабата в урочище Баланды¹¹¹. Это прежде всего крепость Баланды 1 с прилегающим сельским поселением (рис. 32). Укрепление Баланды 1 — прямоугольное в плане (80 × 130 м), его стены сложены из сырцового кирпича античных размеров, имеют по углам полукруглые башни и по две башни на юго-западной и северо-восточной стенах. Стены и башни были прорезаны стреловидными бойницами. Вход находился в северо-западной стене. Внутри крепости планировка не прослеживается, поверхность такыра внутри стен явно приподнята над уровнем окружающей местности и покрыта россыпями керамики бабиш-муллинского типа.

Надо сказать, что Баланды 1 — один из тех памятников местных степных племён, где строительные приемы хорезмийских зодчих по-своему, «варварски» интерпретируются.

Реконструированный раскоп был заложен в северо-восточном углу крепости, где было частично вскрыто два помещения. В одном из них найдены обломки выточенной из кости основы шкатулки, деревянные стенки которой были покрыты тонким слоем слюды и поверху расписаны (сохранились лишь пятна алого цвета и следы позолоты). Здесь же были найдены костяные поделки с пропильями, заполненными синей пастой, бронзовые поделки в виде стилизованных в античной манере листьев — все это, видимо, детали шкатулки. Найдены также обломки золотых и серебряных изделий, жемчужины и фрагменты маленьких стеклянных блюдец, украшенных черной росписью и позолотой, а в некоторых случаях рельефным орнаментом в виде розеток. Очевидно, это все содержимое шкатулки.

В 1961 г. помещение, в котором обнаружены указанные предметы, было полностью раскопано. Оно оказалось довольно большим по площади, полностью лишённое внутренних конструкций. В том же году здесь было найдено большое бронзовое зеркало с невысоким ободком по краю, несколько костяных пластинок, украшенных тонкой резьбой, фрагменты стеклянных небольших сосудов, уже известных по находкам 1960 г., железные пряжки и пластинки, видимо, от поясного набора и, наконец, крупное изображение какого-то зверя, сделанное из кварцита (рис. 33). В этом же помещении в пол были вскрыты два хума, один из которых по форме подобен хумам, характерным для керамики из соседних крепостей — Чирик-Рабата и Бабиш-Муллы. Указанные находки, особенно бронзовое зеркало, близко напоминающие аналогичные предметы из сар-

¹¹¹ Состав отряда в 1959 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник Р. Л. Садоков, архитекторы В. Л. Лапин и Ю. В. Стеблюк, фотограф В. А. Родькин, аспирант Л. М. Левина, студент-практикант С. В. Припоров; в 1960 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник Р. Л. Садоков, научно-технический сотрудник А. М. Хазанов, архитектор М. С. Лапирев-Скобко, студент-практикант И. И. Иванов, шоферы экспед. автобазы И. И. Кузнецов и Н. П. Колев; в 1961 г.: начальник отряда Е. Е. Неразик, научный сотрудник О. А. Вишневецкая, научно-технический сотрудник С. А. Оленич, шофер экспед. автобазы Б. В. Прокофьев.

матских курганов прохоровской стадии этой культуры, уточняют датировку памятника, ограничивая ее IV—II вв. до н. э. Находки дают основание предполагать далекие торговые связи местных жителей, так как оказалось, что шкатулка сделана из слоновой кости индийского происхождения. Оттуда же, видимо, вывезен и найденный здесь морской жемчуг. Описанное помещение входило, как показали раскопки 1961 г., в богатый жилой комплекс, включавший помимо него комнаты, украшенные цветной штукатуркой, к сожалению, очень плохой сохранности.

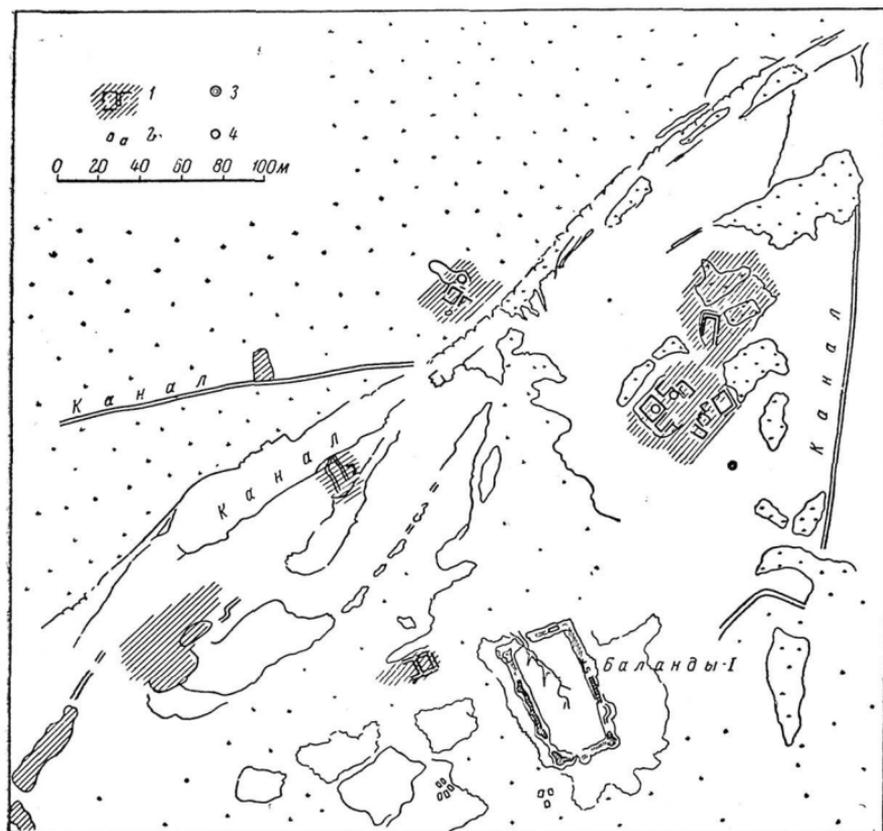

Рис. 32. Городище Баланды 1 с окрестностями. План.

1 — следы планировок; 2 — могилы; 3 — хум; 4 — очаг

С севера и северо-запада к крепости примыкает поселение, состоящее из отдельных домов, которые сохранились в виде бугров, усыпанных фрагментами керамики и обломками кварцита. Между домами видны следы оград и арки, бравшие начало от небольшого канала, огибавшего поселение с северной и северо-западной стороны, ширина канала не превышает 10 м. На крепости, кроме керамики бабшмуллинского типа, встречаются бронзовые наконечники стрел IV—II вв. до н. э., изделия из кварцита, подвески, бусы из стекла и сердолика.

Однако наибольший интерес представляет погребальное здание Баланды 2 (рис. 34), имевшее купольное перекрытие до сих пор для античных памятников Средней Азии неизвестное. Это круглое в плане сооружение диаметром около 16 м, стены его возвышаются над современным уровнем такыров на 4,5 м. Внешние памятник представляет собой низкий

цилиндр, обработанный 25 выступающими треугольными лопатками, образующими грани. Это явно декоративный прием. Вход в здание расположен в южной его части и оформлен в виде намечающегося портала с арочным проемом. Центральную часть здания занимает круглое помещение диаметром 5,5 м, перекрытое куполом, вершина которого обрушилась. На сохранившейся высоте купол является ложным, так как образован папуском верхних рядов кирпичей по отношению к нижним. Он опирается на кирпичные стены, построенные со значительным уклоном, у основания толщина их равна 1,60—1,65 м, а на высоте 1,5 м от пола,

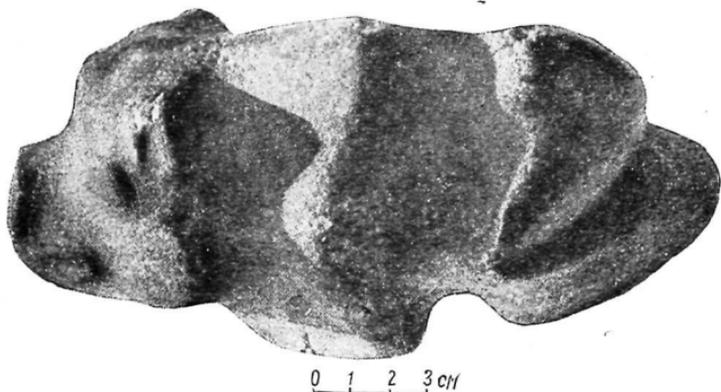

Рис. 33. Баланды I. Фигурка фантастического зверя

там, где начинается купол, она уменьшается до 1,25 м. Стены, как и купол, покрыты слоем саманной обмазки. Пол круглого зала земляной, в центре его отмечена просадка на участке площадью примерно $2,5 \times 2$ м. Внешняя кольцевая стена здания отстоит от внутренней (стены круглого зала) на 2,3 м. Расположенные между ними семь помещений, разделенные радиальными стенками друг от друга, сообщались между собой посредством проходов (рис. 35). Сквозного прохода по всему кольцу комнат не было — глухая радиальная стена, расположенная на противоположной от входа стороне, делила обходный коридор на две, примерно равные, половины. Одно из помещений, прилегающее к входу, играло роль вестибюля. Все четыре его стены имели арочные дверные проемы: в южной находился вход в здание, в северной — вход в центральный купольный зал, в восточной и западной — входы в соседние комнаты кольца помещений, опоясывающих зал.

В одном из углов вестибюля сохранились следы белого алебастра, которым были, видимо, покрыты когда-то его стены. Стены остальных кольцевых помещений покрыты глиняной обмазкой с саманом. Перекрытия этих помещений сводчатые. Высота пят сводов над уровнем пола — 1,56 м. Кладка сводов отличается от хорезмийской. Так, например, переход от различных участков округлых стен, на которые опирается свод, делается здесь при помощи особых форм клинчатого трапециевидного кирпича, совершенно неизвестного в Хорезме. Для расклинки сводов употреблялась тонкостенная, красноангобированная керамика. Это осколки кувшинообразных сосудов, чаш и небольших хумчей тех же форм, что и посуда Бабиш-Муллы, датирующихся IV—II вв. до н. э.

Здание было разграблено еще в древности, однако совершенно очевидно, что в некоторых кольцевых помещениях находились захоронения. На полу устанавливались сделанные из дощечек и брусьев гробы или

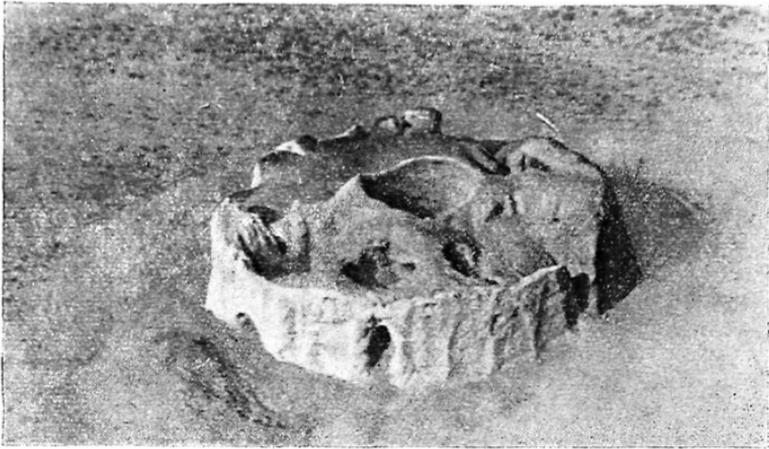

Рис. 34. Баланды

носилки, конструкцию которых, возможно, удастся восстановить после реставрации. Сходные деревянные детали были найдены при раскопках Бабиш-Мулла 2 (см. выше).

В центральном зале следов погребения не найдено. Возможно, что здесь было наиболее богатое захоронение, которое полностью расхищено, может быть, здесь было святилище, связанное с каким-то погребальным культом. Из находок отметим рукоятку из резной кости, по технике обработки очень близкую к костяным поделкам с городища Баланды 1, обрывки кожаного изделия, украшенного золотом, железный нож и фрагменты тонких хлопчатобумажных тканей простого плетения. Ткани окрашены в красный и желтый цвет и расписаны черными, синими и темно-красными полосами.

Анализ конструкций Баланды 2, в особенности его купола, приводит к интересным результатам. Характер кривой заставляет предполагать, что замковая часть купола была сведена в виде настоящего купола, если только в центре не было отверстия. Если подтвердится первое решение, то купол Баланды 2 будет первым историческим примером такого типа сооружений. Как известно, первые археологические памятники этого типа встречались до сих пор лишь в Риме во второй половине I в. до н. э. на рубеже поздней республики и ранней империи.

Первое описание настоящего купола мы находим у Витрувия, жившего в это время¹¹². Встает вопрос о происхождении этой, не имеющей никаких корней в предшествующей культуре классического Средиземноморья, архитектурной формы. Правда, в архаической Греции и в других районах Средиземноморья того же периода имеются погребальные сооружения, перекрытые ложным куполом (достаточно упомянуть знаменитую гробницу в Микенах), однако в дальнейшем развитии классической архитектуры Средиземноморья эта форма исчезает бесследно, и ее появление в позднем Риме требует своего объяснения.

Возникает гипотеза, что Рим мог заимствовать эту архитектурную форму из Парфии, так как с ней у него были не только военные столкновения, о чем много говорится в источниках, но и тесные культурные связи. Очень возможно, что куполом, а не деревянной шатровой конст-

¹¹² Витрувий. Об архитектуре. Десять книг, перевод, редакция и введение А. В. Мишулина. М., 1936, кн. IV, гл. VIII.

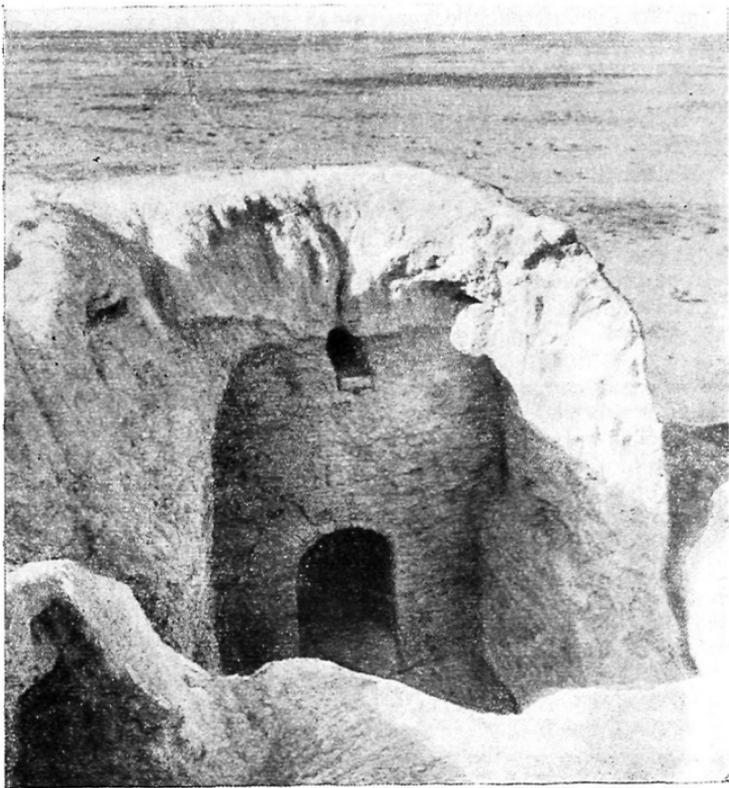

Рис. 35. Баланды 2. Одно из кольцевых помещений

рукцией, как полагает Г. А. Пугаченкова¹¹³, был перекрыт «круглый зал» во дворце парфянских царей в Нисе (I—II вв. н. э.). Парфяне же в свою очередь могли заимствовать эту форму у скифских племен Средней Азии, к которым некогда принадлежали и их предки и у которых, если верно наше предположение, эта форма датируется гораздо более ранним временем — IV в. до н. э. Как бы то ни было, совершенно бесспорно, что купол из сырцового кирпича появляется в Хорезме лишь в раннем средневековье, где ложные купола в различных формах широко представлены в замках VII—VIII вв. — Кум-Баскан-кала, Беркут-кала, замок № 36 и др.¹¹⁴ Это еще один вклад древних степных племен в раннесредневековую культуру Хорезма. Надо еще иметь в виду, что купольные гробницы характерны для степных племен на протяжении всего средневековья и сохраняются у них почти до наших дней. Есть все основания предполагать, что эта форма, имитирующая формы древнего переносного жилища степняков, и зародилась здесь, в центре степного мира.

Третий памятник урочища Баланды — Баланды 3 так же, как и находящиеся неподалеку развалины, известные под именем Асар, оказались погребальными сооружениями знакомого нам типа «крестовин», к

¹¹³ Г. А. Пугаченкова. Пути архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и эллинизма. Труды ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 101.

¹¹⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. стр. 145—148; его же. По следам..., стр. 198; В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, 1952, стр. 98—99.

которым относятся также развалины Чагырлы 2, Чирик-Рабат 2¹¹⁵, Бельтам 1 и др. Это очень распространенный вид погребальных сооружений в бассейне Жаны-Дарьи, на территории апасиаков. Все они небольшие, круглые в плане, сложены из сырцового кирпича, имеют крестовидную планировку внутренних помещений.

Баланды 3 возвышается над такыром на 2,8 м; внутренний диаметр здания — 6,6 м, внешний — 8,6 м. Сохранились лишь остатки внешней стены, однако совершенно ясно, что стены были поставлены на полутораметровый паховый цоколь. Внутри сооружение делилось пополам стеной в 80 см толщиной, имеющей направление север-юг. В ней был проход шириною 1,1 м. Перпендикулярно первой стене была поставлена вторая стена, которая почти не сохранилась, однако, перед нами, несомненно, крестовидная планировка. На утоптанной поверхности цоколя обнаружены человеческие кости — фрагменты трех черепов, пять нижних челюстей, фрагмент тазовой кости и др. Все кости обгорелые. Там же, в северо-восточном секторе сооружения, оказались два красноглиняных круговых сосуда. Пол и обмазка стен здесь были покрашены обожженым. Судя по всему, тут происходил обряд трупосожжения. Следов перекрытия не обнаружено, возможно, здание было открытым.

Судя по керамике, Баланды 3 можно датировать последними веками до н. э.

Раскопанные в 1961 г. сооружения Чирик 2 и Асар дают ту же конструкцию. Это круглые погребальные сооружения на высоком цоколе, кольцевая стена которого сложена из паховых блоков и кирпича, а изнутри он забутован комками глины. В одном случае на этом цоколе было сооружено двухкамерное помещение (Асар), в другом — трехкамерное (Чирик 2). Любопытно, что в последнем случае с юга в камеры вел пандус, т. е. планировка несколько напоминает мавзолеев 2 на Тагискене (см. выше). В Чирик 2, как и в Баланды 3, был совершен обряд трупосожжения, в мавзолее Асар — трупоположение того же типа, что и в Баланды 2. При раскопках Асара были обнаружены остатки двадцати человеческих скелетов и деревянные обломки, возможно, от погребальных носилок, обломки деревянных сосудов, остатки плетеных корзинок, костяные бусы, два бронзовых наконечника стрел IV—III вв. до н. э. На сооружении Чирик 2 была найдена керамика, датирующаяся примерно этим же временем.

В непосредственной близости от урочища Баланды был открыт и раскопан групповой могильник Баланды 4, где были, очевидно, похоронены рядовые жители одного из находящихся поблизости апасиаковских поселений. На левом береговом валу Инкар-Дарьи расположена могильная яма овальных очертаний (длина осей 5 и 3 м), глубина которой сейчас не превышает 40 см. Здесь было обнаружено семь скелетов, лежавших на спине и ориентированных головой на юго-восток. При погребенных найдено 11 сосудов, железные ножи и кинжалы, бронзовые втульчатые наконечники стрел IV—II вв. до н. э., а также различные украшения — спиралевидное кольцо, стеклянные подвески и бусы и т. д.

7

Многочисленные погребальные памятники, открытые нами в междуречье Аму- и Сыр-Дарьи, позволяют сделать целый ряд заключений.

Прежде всего изучение памятников материальной культуры среднеазиатских саков, равно как и европейских скифов и сарматов, особенно их погребальных сооружений и погребального ритуала, показало, что в основе культуры этих племен лежит культура степных племен позднего бронзового века. Так, например, К. Ф. Смирнов убедительно показал, что

¹¹⁵ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 60—61.

культура савроматов в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье сложилась на базе срубной и андроновской культур эпохи бронзы¹¹⁶.

Данные, собранные Хорезмской экспедицией на Нижней Сыр-Дарье, подтверждают этот тезис и на среднеазиатском материале. Могильник позднебронзового века (IX—VIII вв. до н. э.) Тагискен (Инкар-Дарья) дает нам погребальные сооружения из сырцового кирпича, в основе планировки которых лежит круг, искусно разделенный на кольцевые коридоры системой кирпичных колонн, соединенных между собой каркасной или кирпичной стенкой. Однако, помимо этих колонн, существовала еще система столбовых ям, видимо, коширующая ту, которая применялась при строительстве жилых домов.

Эту же каркасную конструкцию мы встречаем в сакских погребальных сооружениях IV в. до н. э. (Чирик-Рабат), причем планировка их пная, но самый прием продолжает сохраняться, являясь чисто традиционным. В сакских курганных погребениях VI—V вв. до н. э. (Уйгарак) мы встречаем ту же кольцевую систему столбовых ям, так же свидетельствующих о сохранении традиций бронзового века. К этой же категории явлений относится камышовая прокладка между рядами кирпичей в погребальных сооружениях Чирик-Рабата (IV—II вв. до н. э.), слой камыша над погребальной камерой кургана на Чирик-Рабате (V—IV вв. до н. э.) и, наконец, камышовая прокладка, положенная на материковом грунте в основании кладки кирпичных стен погребальной камеры мавзолея 6 на Тагискене (VIII—VII вв. до н. э.).

Примечательно применение при строительстве сакских погребальных сооружений (IV—II вв. до н. э.), наряду с характерным для культурных центров Средней Азии этого времени античным квадратным кирпичом, кирпичей прямоугольных стандартов, которые на данной территории впервые были применены при строительстве Тагискенских мавзолеев.

Важным моментом в системе наших рассуждений является то, что на данной территории очень устойчиво сохраняется обряд трупосожжения, который корнями своими уходит, несомненно, в эпоху поздней бронзы (Тагискен).

Удивительная устойчивость наблюдается и в планировке погребальных сооружений, дающей непрерывную линию развития, исходным пунктом которой являются мавзолеи Тагискена. Сначала это древнейшие мавзолеи типа 5а (IX в. до н. э.), имеющие в основе своего плана круг, вписанный в квадрат внешних стен. Позднее они этот квадратный внешний контур теряют и остается только круг с вписанной в него прямоугольной камерой (погребальное сооружение 5в, VIII в. до н. э.) или (уже на следующем этапе) круг, окруженный еще и кольцевой стеной (мавзолей 6, VIII—VII вв. до н. э.). Несомненно к античному времени относится мавзолей 2 (Тагискен), где планировка походит на предыдущую, но внутренняя площадь круга разделена двумя перекрещивающимися стенами на четыре камеры. Такую же планировку, но без внешнего кольца стен, дает нам цилиндрическое здание на Чирик-Рабате (рубеж III и II вв. до н. э.), вариантом ее являются, видимо, «шлаковые» курганы, окруженные в основании насыпи кольцом гончарных шлаков так же, как в сооружении типа мавзолея 2 на Тагискене; в то же время «шлаковый» курган знатного лица — Сенгир-там имел еще и внешнюю кольцевую стену. Последним этапом в этой цепи являются «крестовины» (III—II вв. до н. э.), которые являют собой простейшие двух-трех или четырехкамерные сооружения, по-прежнему вписанные в круг. Большинство этих сооружений было связано с обрядом трупосожжения.

Параллельно этому обряду в низовьях Сыр-Дарьи существовал обряд

¹¹⁶ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

трупоположения, уходящий своими корнями также в эпоху бронзы и известный нам по материалам тазабагыяского могильника Кокча 3, а также по андроновским погребениям степей Казахстана.

Эти две самостоятельные традиции сосуществовали в низовьях Сыр-Дарьи по крайней мере в течение всего I тысячелетия до н. э.

С VI в. до н. э. параллельно сырцовым погребальным сооружениям появляются захоронения под курганными насыпями на дневной поверхности (в этом случае встречается неполное трупосожжение) и захоронения в грунтовых ямах с дромосом (в богатых курганах) и без него. Для последних характерно трупоположение и целый ряд особенностей ритуала и предметов погребального инвентаря, сближающих их со скифо-сарматскими погребениями Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Однако в IV—II вв. до н. э., наряду с курганными захоронениями и обрядом трупоположения, мы встречаем связанные с этим же обрядом погребальные сооружения с четырехкамерной планировкой (Бабиш-Мулла 2) и с круглой (мавзолей Баланды 2). Видимо, здесь для погребения знатных лиц была заимствована традиционная для этой территории планировка погребальных сооружений. К этому же типу памятников может быть отнесен и мавзолей Асар.

Отметим, что процесс взаимопроникновения элементов культуры апаснаков и сакараваков начался уже довольно рано. По-видимому, в области материальной культуры возобладали апаснакские элементы. В непосредственном соседстве с поселениями культуры «шлаковых курганов» появляются поселения, видимо, оставленные тем же народом, но дающие характерную для Бабиш-Муллы и других апаснакских памятников материалы. Напротив, в области погребального обряда и, вероятно, вообще в области духовной культуры преобладание получили сакаравакские традиции. Первым, несомненно апаснакским, памятником, сочетающим характерные черты других апаснакских погребальных сооружений, в которых еще продолжают традиции обряда ингумации, с чисто сакаравакским обрядом кремации, является цилиндрическое здание Чприк-Рабата. Завершение этого процесса мы наблюдаем на примере «крестовиш», расположенных на апаснакской территории, но являющихся памятниками коллективного трупосожжения.

Накопленные экспедицией материалы позволяют по-новому поставить вопрос об уровне социального развития сакских племен исследуемого района. Это тем более важно, что вопрос об общественном строе степных племен Средней Азии и Казахстана в античный период до сих пор является дискуссионным¹¹⁷. Сейчас не остается сомнений в том, что перед нами общество, далеко продвинувшееся вперед в своем развитии и имеющее, помимо скотоводческого хозяйства, своеобразные, но по-своему высоко развитые формы ирригационного земледелия и высоко развитое ремесло (гончарство и металлургия железа, меди, золота и серебра). Это был народ, живший прочным оседлым бытом, сочетавшимся, однако, в сложном единстве с кочевым бытом пастухов и связанной с ним легкой подвижностью всего населения в случае, если того требовала необходимость. Эта подвижность вырабатывалась веками и определялась прежде всего характером ирригационного земледелия районов дельты Сыр-Дарьи, русла которой часто меняли свое направление, вынуждая земледельцев покидать свои поля и насиженные места обитания в поисках новых мест, где бы они могли опять строить каналы, создавать деревни и города¹¹⁸.

¹¹⁷ Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 136—146.

¹¹⁸ С. П. Толстов Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102; Т. А. Жданко. Патриархально-феодалыые отношения у полуседлого населения Средней Азии. Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте, 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 628—638; е е же. Проблема полуседлого

Характер апасиакского вооружения свидетельствует о высоком развитии военного искусства и соответственно военной организации. Об этом же говорят дальние походы присырдарьинских саков во II в. до н. э., завоевавших Бактрию, а затем и значительную часть Индии. Грандиозные оборонительные и погребальные сооружения, как и все вышеупомянутое, несовместимы с первобытнообщинным строем в его классической форме и могли быть созданы только силами общества, разделенного на классы. Для этой эпохи могло быть только рабовладельческое общество. Однако оно несло на себе следы предшествующего, первобытнообщинного строя, наиболее ярким материальным свидетельством которых является наличие кварцитовых орудий на всем протяжении истории апасиакских племен. Сохранение многочисленных племенных названий сакских племен у античных авторов подтверждается археологическими данными и позволяет говорить о наличии у них племенной организации в период всей античной эпохи. Все это дает возможность отметить специфические черты рабовладельческого строя у приаральских саков и свидетельствует об архаическом характере этого строя, который может быть охарактеризован как патриархально-рабовладельческий. Антропологический материал — черепа с Чирик-Рабата (кроме черепов из насыпи кургана), Бабиш-Мулла и могильника Баланды 4 на Инкар-Дарье показывает, что в основе антропологического типа местного населения в античную эпоху лежит андроновский тип, характерный для андроновской и тазабагыябской культур бронзового века, однако подвергшийся грацилизации и брахикефализации. В целом наши памятники дают антропологический тип, занимающий промежуточное положение между андроновским и современным типом Среднеазиатского Междуречья¹¹⁹. Любопытно, что на некоторых черепах прослеживается уже монголоидная примесь — факт впервые зарегистрированный для столь раннего времени. Мы не можем обойти молчанием вопрос о тесных культурных связях, существовавших между населением интересующих нас областей и Хорезмом. В пользу этого свидетельствует прежде всего материал по апасиакской фортификации и градостроительству. На апасиакских памятниках мы можем наблюдать известную «варваризацию» приемов хорезмийских фортификаторов IV—II вв. до н. э., а иногда и непонимание назначения тех или иных конструкций, механически воспроизводимых строителями апасиакских крепостей. Стены Чирик-Рабата с внутренней стрелковой галереей, открывающейся наружу многочисленными стреловидными бойницами, полностью повторяют характерную для классического Хорезма планировку и конструкцию. Стена, как и в Хорезме, оборонялась расположенными на расстоянии 25 м друг от друга подпрямоугольными выступающими башнями с бойницами того же типа и расположенными по хорезмийскому образцу. Об удивительном сходстве некоторых апасиакских крепостей с хорезмийскими мы уже писали, приводя в качестве примера апасиакскую Кабул-калу и хорезмийскую Джанбас-калу¹²⁰. Еще более интересна система обороны цитадели Бабиш-Мулла. Здесь мы имеем широкое использование характерной для Джанбас-кала системы тройных бойниц. Однако, если в Джанбас-кала эти тройные бойницы обслуживались одним стрелком и использовались для флангового и фронтального поражения противника, располагаясь лишь на ответственных участках обороны, соответствующих местоположению башен на других крепостях, то здесь тройные бойницы тянутся вдоль всех стен, что сильно сокращает количество бойниц, предназначенных для фронтального поражения неприятеля на дальних и ближних подступах к

населения в истории Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

¹¹⁹ Подробно об этом см. статью Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике.

¹²⁰ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 15—16

крепости. Аналогичное отступление от хорезмийских фортификационных приемов мы имеем и в системе пристенных башен всех крепостей, кроме Чирик-Рабата. Как пристенные, так и угловые «башни» Бабиш-Муллы и Баланды — это просто массивные выступы стен, не имеющие внутренних помещений и обслуживаемые стрелками, находящимися в той же галерее, что и стрелки обслуживающие обычные бойницы. Такие башни являются не только бессмысленными, но и нецелесообразными, так как они значительно увеличивают длину бойниц, а соответственно сильно сокращают поле поражения каждой такой бойницы.

Вместе с тем апасиакские влияния на Хорезм также несомненны.

В 1961 г. на Тагискене был раскопан мавзолей 1. Это цилиндрическое здание диаметром 16,3 м. Основой его являлся цоколь высотой 0,9 м, который, вероятно, так же, как и цоколь мавзолея 2, состоял из кирпичной кольцевой стены, забутованной изнутри. На цоколе были возведены стены погребальных помещений, причем полы и стены их были обмазаны глиной с саманом и покрыты слоем алебаstra.

Центральное помещение 1 проходило по оси северо-восток-юго-запад и имело в длину 10,8 м при ширине 1,6 м. К нему с юго-востока и северо-запада примыкали помещения (№ 2 и № 3), каждое площадью 3,2×2,6 м. Помещения были перекрыты сводами, причем в качестве расклинки использовалась керамика. В помещении № 2 находилось, видимо, основное погребение, причем покойник захоронен в подобии кирпичного саркофага. Последний был разрушен грабительской ямой, пробившей пол и ушедшей на глубину 1,8 м в цоколь. Находок почти нет, если не считать фрагментов керамики из расклинки, которые датируются IV—II вв. до н. э., поделками из кости и разбросанных в помещении № 1 детских костей.

Таким образом, в основе плана этого сооружения — крест, вписанный в круг. Принцип планировки чрезвычайно походит на принцип планировки более крупного сооружения этого типа в Хорезме — Кой-Крылган-кала. Правда, здесь, видимо, отсутствует внешняя стена, окружавшая такие здания.

К этой же категории явлений относится и появление среди керамики этого памятника форм, явно ведущих свое происхождение с северо-востока. Многие приемы апасиакских зодчих проявляются в хорезмийской архитектуре значительно позже. Сюда относится комбинированная кладка из чередующихся слоев пахсы и кирпича, сооружение «донжонов» — ранне-средневековых «жилых башен» Хорезма, прототипом которых является донжон Бабиш-Муллы и т. д.

Возвращаясь к культуре апасиаков, можно предположить, что и строительство крепостей и городов, и изготовление ремесленной посуды, свидетельствующей о значительном развитии общественного разделения труда, могло производиться не столько руками апасиаков, сколько руками рабов иноплемennного происхождения. Отступление от хорезмийских стандартов в архитектуре и керамическом производстве позволяет предположить, что если в их числе и были хорезмийцы, то в очень незначительном количестве. Рабы — мастера в своей основной массе, видимо, происходили из южных областей Средней Азии. Напомним, что Полибий рассказывает о набегах апасиаков на области Гиркании и Парфии¹²¹. Однако предметами подражания для апасиакской знати служили хорезмийские образцы — образцы культуры могущественного народа, с которым апасиаки находились в тесном союзе¹²².

То, что рабы-мастера вынуждены были подражать образцам культуры им чуждой, и объясняет не только упрощение и огрубение хорезмийских образцов, но и применение мастерами их собственных приемов.

¹²¹ Полибий, XI, 34.

¹²² О вхождении Хорезма в конфедерацию массагетских племен см., например, W. W. Tarn. *Greeks in Bactria and India*, L., 1938, стр. 80—81.

Остается вкратце остановиться на дальнейшей истории племен, оставшихся исследованные нами памятники.

Как мы уже писали, жизнь в области расселения апасиакских и сакаравакских племен в середине II в. до н. э. почти полностью прекращается. Это, видимо, связано с широким наступательным движением сакских племен на юг против Греко-Бактрийского царства. Какая-то часть апасиакско-сакаравакских племен проникает и в Хорезм, о чем свидетельствует, в частности, известная варваризация керамики позднекангюйского периода, начинающегося в середине II в. до н. э. Движение саков на юг не было вызвано стихийными причинами или перенаселением, оно определялось глубоким политическим кризисом государства греко-македонских завоевателей и стремлением народных масс этого государства получить помощь в борьбе с завоевателями со стороны северных племен, с которыми на протяжении веков они были тесно связаны. Не все сакское население ушло из сырдарьинских районов. На всей территории осталась, очевидно, большая часть куандарьинских тохаров и приаральских аугасиев. Однако большинство сакараваков и апасиаков действительно переместилось на юг. Некоторая их часть, объединившись, осталась в бассейне Жаны-Дарьи, но их было так мало, что они не смогли поддерживать ирригационное земледелие. Возможно, что с этим связан поворот вод Жаны-Дарьи по более северным руслам, так как человек ее уже больше не контролировал. Оставшиеся апасиаки перешли к кочевому скотоводческому образу жизни (материал периода позднего загустения Бабиш-Муллы). Часть апасиаков создала новые поселения на стыке Акча-Дарьи и Жаны-Дарьи, к числу которых относится исследованный нами комплекс Барак-там¹²³, датируемый уже IV—V вв. н. э.

8

В эпоху средневековья Жаны-Дарья периодами пересыхала вовсе или частично, не достигая моря и обводняя лишь прилегающие к ее верхнему течению районы. Во всяком случае у нас есть серьезные основания предполагать, что в раннем средневековье произошло длительное прекращение течения вод по руслу Жаны-Дарьи. Напомним слова создателя первой научной истории Аму-Дарьи — ал-Бируни о том, что древнейшее из северных русел Аму-Дарьи — русло Фахми («русло стоячих вод») шло по направлению к Фарабу, т. е. к району современной Кызыл-Орды. Другими словами, Бируни под этим названием явно подразумевал самое восточное из древних русел Аму-Дарьи — Акча-Дарью и смыкающееся с ней в 100 км от Арала русло Жаны-Дарьи.

Жаны-Дарья не имела постоянного течения, но часто затоплялась паводками Сыр-Дарьи. Вероятно, именно отсутствие постоянно текущих вод привело Бируни к ошибочному заключению, что Жаны-Дарья — древнее русло Аму-Дарьи. Однако, видимо, уже тогда, в XI в., произошел новый длительный прорыв вод по Жаны-Дарье. На ее берегах сохранились многочисленные памятники городских и сельских поселений XII—XIV вв., в том числе развалины большого города Дженда (современная Джан-кала и ее более ранний пригород Кум-кала, см. ниже), хорошо известного из средневековых письменных источников как крупнейший центр огузского племенного союза и как пункт, связанный с одним из эпизодов героической

¹²³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1945 г. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 1, стр. 83—86; его же. По следам... стр. 21, 53 и сл.; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 127—130; М. А. Орлов. Барак-там (новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). «Труды ХЭ», т. 1, М., 1952, стр. 135—152; Е. Е. Перазик и М. С. Ланиров-Скобло. Раскопки Барак-там 1 в 1956 г. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 81—95.

борьбы полководца Хорезмшаха Тимур-Мелика с монгольскими захватчиками. Течение воды по Пра-Куван-Дарье, очевидно, прекратилось значительно раньше. Памятники джеты-асарской культуры не заходят позднее VIII в. н. э. Что же касается Инкар-Дарьи, то, по последним археологическим данным, она была частично обводнена в IX—XII вв.: нами обнаружено множество памятников — ирригация, сельские поселения, крепости и погребальные сооружения, принадлежавшие судя по всему полукочевым племенам огузов, жившим здесь в раннем средневековье до хорезмшахского времени, т. е. в период, когда берега пересохшей Жаны-Дарьи были почти пустынным.

Есть все основания предполагать, что окончательное формирование современного русла нижней Сыр-Дарьи может быть датировано временем около XV в., когда снова прекращается течение воды по руслу Жаны-Дарьи. Однако и после того как сформировалось современное русло Сыр-Дарьи, течение воды по древним южным протокам ее дельты периодически возобновляется, особенно в XVIII — начале XIX в., когда весь обширный и ставший к тому времени пустынным район бассейнов Куван-Дарьи и Жаны-Дарьи заселяется трудолюбивым народом полусоседлых ирригаторов пустынных дельтовых областей — каракалпаками. Следы своеобразных каракалпакских ирригационных сооружений, их поселения, крепости и мазары являются последними по времени массовыми памятниками этого района.

О том, что жизнь человека на обширной территории между дельтами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи полностью не прекращалась ни в эпоху поздней античности, ни в раннем средневековье, свидетельствует преемственность культуры древних и средневековых племен этих областей, выявленная нами на основании археологических данных, чего не могло бы быть при полной смене населения.

Одним из авторов этой статьи в ряде работ была уже обоснована связь этногенеза туркмен и каракалпаков с древним и средневековым населением Приаралья¹²⁴. Потомки древнего населения низовий Сыр-Дарьи продолжали играть значительную роль в этнической истории Приаралья. В конце античности и в раннем средневековье культура сакских племен подвергается все большему влиянию восточных, сначала гуннских, а затем тюркских племен. В раннем средневековье, после арабского завоевания и исламизации Средней Азии на территории апаснаков, в частности, появляется уже тюркское племя печенегов, имя которых восходит через ряд переходных форм к имени апаснаков. Как известно, огузы, имя которых восходит к древнему этнониму аугаснев, обитавших в низовьях Пра-Куван-Дарьи, составили основное ядро в этногенезе туркмен. Наконец, печенеги, вместе с частью огузов, влились в состав сформировавшегося в Приаралье каракалпакского народа.

Археологическое исследование памятников аугаснев-огузов было начато Хорезмской экспедицией еще в 1946 г. на городищах янгикентской группы и развалинах Джанкента (Янгикента), названных нами в совокупности «болотными городищами»; все они расположены недалеко от Казалинска на плоской, низменной, влажной равнине треугольного полуострова или точнее острова, ограниченного на севере Сыр-Дарьей, на западе — Аральским морем и на востоке — полосой болот и камышовых плавней, в которую впадает староречье Куван-Дарьи. Это — исконный район обитания огузов. Ряд исторических источников свидетельствует, что расположенный в низовьях Сыр-Дарьи город Янгикент был в X—XI вв. резиденцией «царя гузов».

¹²⁴ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. КСИЭ, вып. II, 1947, стр. 69—75; его же. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102; его же. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), СЭ, 1950, № 4, стр. 49—54.

В 1959 и 1960 гг. в бассейне Инкар-Дарьи была открыта и обследована еще одна группа огузских памятников, ранее совершенно неизвестная. Исследование которой значительно расширило круг наших представлений о хозяйстве, культуре и быте этого народа. Центром расселения этой южной группы огузов, видимо, пришедших в IX—XI вв. с севера на Инкар-Дарью, в связи с ее обводнением в этот период, была область восточного участка русла; на западных участках его, изучавшихся нами в 1958 и 1959 гг., господствующее место занимают памятники первобытности и античного времени, хотя и там были встречены следы деятельности средневекового населения. Восточнее, где наблюдается разветвление русла Инкар-Дарьи на северный и южный участки, средневековые археологические памятники становятся уже господствующими. Здесь много средневековых каналов, причем ирригация сохраняет примитивный характер, типичный для неустойчивого земледелия полусоседлых дельтовых районов; встречаются переуглубленные древние каналы, системы водосмов-бассейнов, плотины из ветвей и глины; по берегам Инкар-Дарьи на ее северном отрезке обнаружено множество развалин крестьянских усадеб, сохранившихся в виде квадратных или круглых планировок. Примером может служить квадратная планировка (поиск 15), площадью 60×60 м, стены которой сохранились в виде валов шириной около 2 м. Северная стена непосредственно примыкает к руслу, в него же упираются концы внешней ограды, имеющей очертания неправильного круга, обрамляющего квадратную планировку с трех сторон. Внутри квадратной планировки к ее стенам, видимо, примыкали жилые помещения — на валах много фрагментов средневековой керамики, лепной и ремесленной, и обломки печины; на других подобных же планировках обнаружены и развалины жилых помещений, расположенных по периметру стен. По всей вероятности, эти жилища бытовали одновременно с юртами, установленными во внутреннем дворе, теперь густо заросшем травой и кустарником. Внешний двор, примыкающий к жилому комплексу квадратной планировки, очевидно, служил загонем для скота. Неподалеку от таких укрепленных усадеб сельского типа, как правило, находятся каналы, отведенные из Инкар-Дарьи. Другой тип укрепленных сельских усадеб этого района имеет в основе очертания не квадрата, а круга, диаметром около 100 м; жилые помещения в круглых усадьбах также примыкают задней стеной к ограде (поиск 17), оставляя свободной внутреннюю часть огороженной площади.

В 1961 г. изучение памятников этого типа было продолжено. Во время маршрута были открыты укрепленные поселения Ходжа-Казган 2 и Ходжа-Казган 3. Оба они расположены на большом, хорошо сохранившемся средневековом магистральном канале, входящем в ирригационную систему северного отрезка Инкар-Дарьи в его восточной части. На одном из участков этого канала был обнаружен большой ирригационный узел с бассейнами и чигирными ямами.

Поселение Ходжа-Казган 2 сохранилось плохо, лучше сохранилось поселение Ходжа-Казган 3. Его прямоугольная площадь размером 60×60 м находится примерно в 40 м от восточного берега канала, внешняя стена обрамляет городище неправильным полукольцом, вытянутым с севера на юг, упираясь на северо-западе и юго-западе в русло канала, который таким образом на протяжении около 200 м входит в систему обороны поселения. Высота валов цитадели — около 1,5 м, толщина их у основания 8—9 м. Центральная часть площадки цитадели заглублена, заросла саксаулом и тамариском, планировка незаметна; на стенах местами россыпи печины. Внешний вал сохранился на высоту 0,75—1 м, ширина его — около 5 м.

Керамики на городище много, особенно около цитадели и к югу от нее. Еще обильнее россыпи керамики за внешней стеной, к юго-западу от городища — там, очевидно, было обширное поселение. Преобладает лепная посуда, наряду с ней фрагменты круговой раннесредневековой (светло-

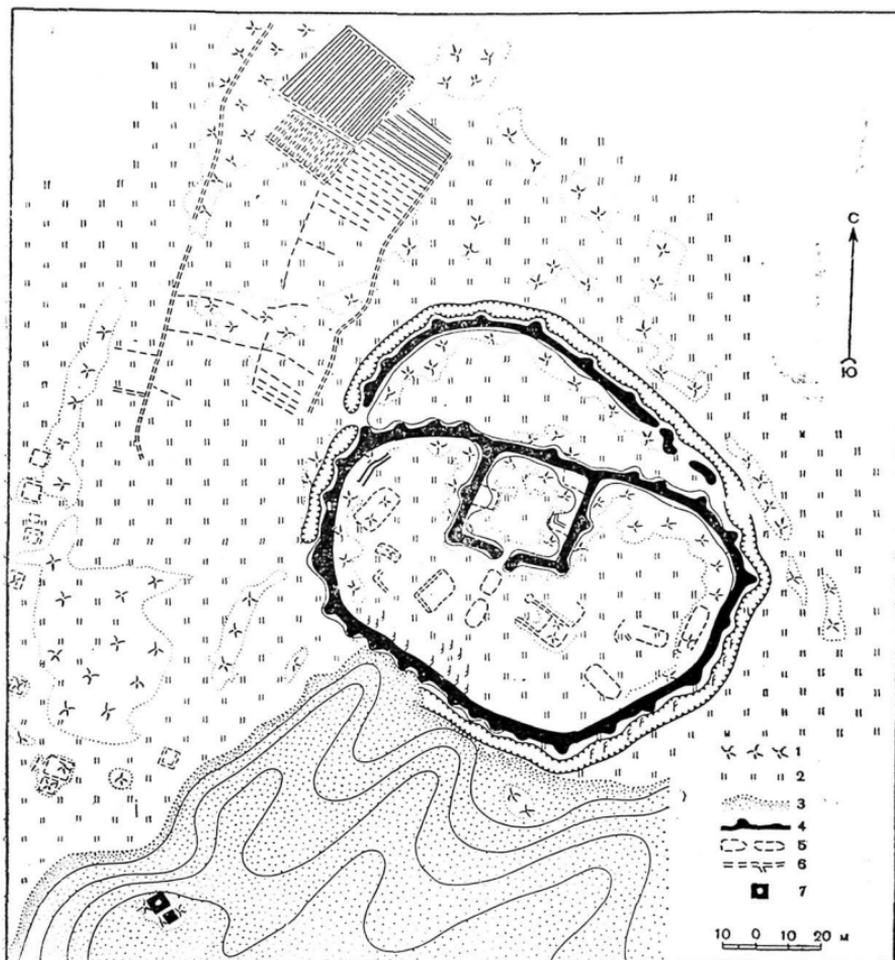

Рис. 36. Городище Сарлы-там-кала.

1 — тапчыры; 2 — тапчыры, поросшие биюргуном; 3 — песчаные гряды; 4 — стены городища; 5 — остатки зданий; 6 — следы мельной оросительной сети; 7 — мазар

тесто, прочерченный волнистый и линейный орнамент). Среди лепных сосудов — крышки с резным орнаментом, очень много сосудов черного геста с пальцевыми защипами под венчиком.

Помимо этих небольших усадеб в районе между северным и южным руслами Инкар-Дарьи, в урочище Сарлы-там и близ бугра Зангар-тюбе открыты два крупных отузских городища, названные нами Сарлы-там-кала и Зангар-кала.

Комплекс памятников урочища Сарлы-там включает крепость, прилегающее к ней поселение и мазар, стоящий на высоком песчаном бугре близ крепости. Городище Сарлы-там-кала (рис. 36) имеет в плане неправильную округлую форму, диаметром около 250 м. В северной части его находится квадратная цитадель, обращенная входом на юг; городская стена окружает ее с трех сторон, примыкая двумя концами к северной стене цитадели. Площадь цитадели — 70×70 м; стены ее укреплены башнями, две из них обрамляют вход, четыре располагаются по углам и,

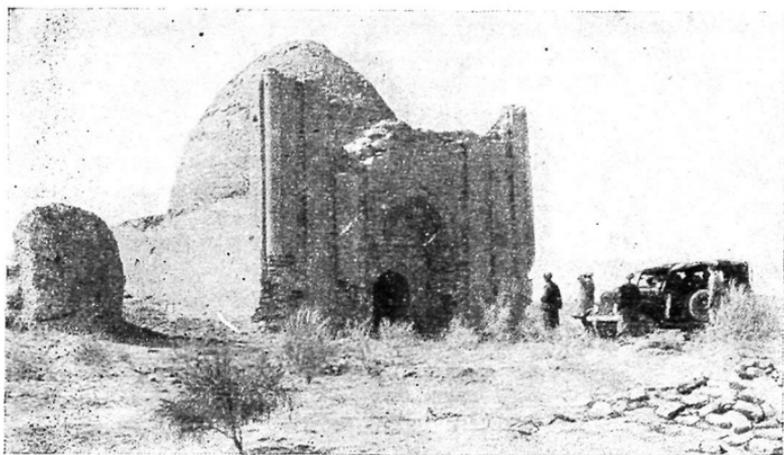

Рис. 37. Мазар Сарлы-там (Инкардарьинский)

кроме того, по одной башне находится в середине каждой из остальных трех стен. Башня в северной стене цитадели против ворот выделяется своей величиной — ее высота 5 м. В цитадели прослеживается планировка трех зданий. Городская стена имеет вид большого вала, сохранившегося на высоту в среднем до трех метров, в ней 26 башен; в юго-западной части стены находились ворота — сохранились остатки предвратного сооружения. Внутри городища, как и в цитадели, прослеживаются остатки строений с густыми россыпями керамики. С севера к крепости непосредственно примыкает пригород, также обнесенный стеной с семью башнями. По контурам пригород приближается к полукругу. Стены его примыкают к северной стене города не вплотную, образуя здесь широкие проходы со следами конструкций ворот.

За пределами стен городища, к западу от него, расположено поселение, площадь которого около 300×400 м. Многочисленные бугры усыпаны керамикой. Помимо остатков домов, здесь различаются следы разных ремесленных производств: гончарных печей, печей для обжига кирпича; много шлаков, обломков криц. На окраине поселения сохранились развалины нескольких небольших мазаров. С восточной стороны городища хорошо видны участки полей с поливными бороздами.

В 250 м к юго-западу от крепости возвышается мазар Сарлы-там (рис. 37). Это чрезвычайно изящное архитектурное сооружение; хорошо сохранился высокий портал, украшенный резными терракотовыми плитами. Этот тип декора, как известно, характерен для караханидского времени (XI—XII вв.). В плане здание мазара имеет квадратное очертание, длина сторон его около 10 м. Стены сложены из жженого кирпича размером $27 \times 27 \times 4,5$ см и $23,5 \times 12,5 \times 4,5$ см; перекрытие — купольное. По углам мазара выложены из кирпича круглые пилястры, диаметром около 40 см. Внутри мазара ведет вход со стрельчатой аркой; в стенах находятся ниши, на ганчевой штукатурке — следы росписей. Девять могил расположены в два ряда на полу мазара.

Сарлы-там-кала и прилегающее к ней поселение датируются по находкам керамики XI—XII вв. Наиболее распространены горшки с шейкой, украшенной напленным валиком с защипами. Гончарные изделия ремесленного изготовления датируются преимущественно X—XII вв. Более поздняя керамика, например серые кувшины с высокой округлого сечения ручкой, датируемые в Хорезме XII—XIII вв., видимо, относятся

здесь к более раннему времени; весьма вероятно, что эта форма изделий пришла в Хорезм из северо-восточных степей и была заимствована местными ремесленниками, как и некоторые другие формы материальной культуры и искусства, у соседних степенных племен. Поливной керамики на Сырлы-там-кале найдено мало и датируется она тем же периодом.

Городище Зангар-кала находится всего в трех километрах северо-восточнее Сарлы-тама и относится к тому же историческому периоду. В планировке его много черт, сходных с Сарлы-там-калой: квадратная цитадель, округлые очертания городища, диаметр которого достигает 300 м, пригород, примыкающий к северной стене цитадели. Однако здесь есть вторая внешняя стена, охватывающая обширное пространство окружающей местности, с орошенными полями и строениями. Все стены Зангар-калы сильно размыты; подъемный керамический материал идентичен сарлытамскому по соотношению лепной и ремесленной неполивной керамики. Найденные фрагменты поливных сосудов датируются X—XI вв.

Третьим памятником этого типа является крепость Ходжа-Казган 1, расположенная на правом берегу Жаны-Дарьи в ее верхнем течении. Памятник представляет собой квадратную в плане цитадель, обрамленную внешней стеной, имеющей в плане форму прямоугольника. Крепость ориентирована почти строго по странам света. Цитадель довольно обширна — размер ее 120 × 120 м (по внешней линии стен). Стены, имеющие вид огромных валов, с очень крутыми скатами сохранились на высоту до 4 м. На стенах следы восьми башен, сильно размытых. Под стенами находился ров, шириной 8—9 м, глубиной до одного метра от уровня такыра. Ров зарос саксаулом. Внутренняя часть цитадели также заросла саксаулом, на ней выделяется большой бугор, расположенный асимметрично, ближе к восточной стене, видимо, это остатки центрального здания. Вход в цитадель находился в южной стене, он обозначается выступом с пандусом. Керамики внутри цитадели мало, возможно, что культурный слой почти не размыт. Внешняя стена, обрамляющая цитадель, находится от последней на расстоянии 50—70 м. Прямо на юг, на протяжении около 100 м, вплоть до самого русла Жаны-Дарьи, тянулось поселение. Здесь между редкими кустами саксаула располагаются бугры — остатки домов, густо усыпанные фрагментами керамики; много гончарного шлака, кирпичи. На берегу русла сохранились фундаменты мазаров из жженного кирпича.

Средневековая керамика, лепная и ремесленная, встречается примерно в равном соотношении. Среди ремесленной керамики найдены фрагменты чигирей. Фрагменты поливной посуды (с голубой поливой) — единичны. Среди лепной керамики очень много сосудов, сделанных из темного теста с пальцевыми защипами под горлом. Из других находок можно назвать целое бронзовое кольцо, две бусины, обломки монеты.

По своему архитектурному облику и характеру подъемного материала Ходжа-Казган-кала входит в круг раннесредневековых «огузских» городищ бассейна Инкар-Дарьи, имея много общих черт с Сарлы-там-калой, Зангар-калой и резкой отличаясь от более поздних, расположенных ниже по Жаны-Дарье, средневековых городищ (Кум-кала и пр.).

Анализ планировки раннесредневековых огузских городищ, открытых нами в 1960—1961 гг. на верхнем и среднем течении Инкар-Дарьи, приводит к выводу, что она восходит к планировке античных «болотных городищ» низовьев Пра-Куван-Дарьи — важный новый аргумент в пользу нашего вывода об исторической преемственности культуры аугасиев и огузов.

В эпоху Великих хорезмшахов, государство которых простиралось далеко на северо-восток от центральных областей Хорезма, охватывая частично и правобережье средней Сыр-Дарьи с такими крупными городами как Сыгнак, Отрар и др., ожили прилегающие к Жаны-Дарье районы. Поселения хорезмшахского времени зарегистрированы вдоль ее русла по

всему среднему течению и в верховьях; немало здесь памятников монгольского времени и более поздних, датируемых XV—XVII вв.

Полоса средневековых культурных оазисов вдоль Жаны-Дарьи, пересекающая мертвые пески пустыни Кызыл-Кум, имела большое историческое значение, соединяя и сближая две обширные культурные области низовий великих среднеазиатских рек. Примером местного типа сельского поселения хорезмшахского времени может служить открытое в 1958 г. отрядом под руководством Б. В. Андрианова поселение близ колодца Мурзалы. Оно расположено у большого естественного русла, ширина которого достигала 60 м. Русло это использовалось в качестве магистрального канала, его берега были укреплены дамбами, а по дну был проложен арык. Поселение состояло из главного, вытянутого вдоль канала, жилого массива площадью 70×50 м и отдельных усадеб, состоящих из основного здания и расположенной рядом капгар-ханы — сооружения, как известно, чрезвычайно характерного для хорезмшахского времени¹²⁵.

Главный жилой массив поселения сохранил следы внутренней планировки, на развалинах здания собрано множество фрагментов серой, поливной и неполивной керамики XII—XIII вв., сходной с хорезмийской. Но в то же время лепные сосуды украшены под шейкой разнообразными налепами (часто в виде рогов), характерными лишь для этих мест.

Другое сельское поселение, датируемое XII—XIV вв., было открыто экспедицией в 6 км к юго-востоку от колодца Иркиябай.

Это отдельные постройки и усадьбы, расположенные вдоль большого арыка. Стены домов сложены из квадратного сырцового кирпича размером $27 \times 27 \times 9$ см и в ряде случаев сохранились на высоту до 1—1,2 м. Кое-где видны следы оград, окружавших усадьбы. В этом поселении, наряду с поливной керамикой хорезмшахского и золотоордынского времени, встречается лепная грубая варварского кочевнического типа керамика с рельефным лепным и резным узором, изготовленная, видимо, местными сельскими мастерами. Среди других находок можно отметить бусы, монеты, поделки из золота.

В урочище Ак-Мамбет и к югу от мазара Зангар также были обнаружены группы средневековых поселений, датирующиеся XII—XIV вв.

В урочище Ак-Мамбет на развалинах средневекового городища сохранились бугры — остатки построек, причём в одном случае удалось проследить типичную для средневекового хорезмского дома планировку: коридор делит здание на две половины, по обеим сторонам коридора расположены комнаты. В окрестностях селения — поля с густой оросительной сетью, питавшиеся водами Жаны-Дарьи. На развалинах и полях обильны находки керамики, в том числе глазурованной, с бирюзовой и белой с синим поливой, с черной подглазурной росписью.

Одним из наиболее интересных и своеобразных средневековых поселений в бассейне Жаны-Дарьи является открытое и обследованное экспедицией в 1959 г. большое поселение, расположенное в 6 км к югу от бугра Уйгарак. Поселение Уйгарак (рис. 38) занимает площадь около 500×400 м и расположено на большом канале, подходящем к нему с запада. На поселении прослеживаются ряды строений, располагающихся вдоль русла и отходящих от него каналов. Наиболее крупные из них имеют вид бугров, поднимающихся над современной поверхностью на 1,5—2 м, остальные дома, от которых остались лишь основания, судя по следам планировки поселка, составляли почти сплошную застройку, тесную и беспорядочную. Более свободно стояли дома на окраинах. Поселение Уйгарак можно отнести к типу ремесленных полугородских центров. Здесь существовали развитые производства: железоделательное, гончарное и др., на что указывают обнаруженные на поселении

¹²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 161, рис. 98.

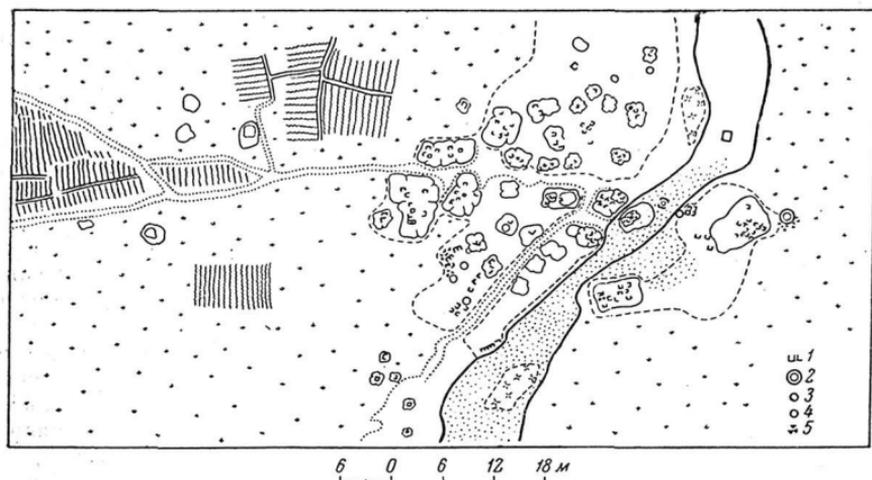

Рис. 38. Поселение Уйгарак.

1 — следы планировки; 2 — раскопанная печь; 3 — печь; 4 — тандыр; 5 — шлаки

остатки гончарных печей и многочисленные находки медных и керамических шлаков, железных криц. Керамические сосуды встречаются здесь как высококачественного ремесленного изготовления, так и грубые, лепные. Ремесленные схожи с хорезмийскими сосудами хорезмшахского и золотоордынского времени. Лепные очень оригинальны, они богато украшены разнообразными налпами, пальцевыми вдавлениями, защипами; аналогичная керамика найдена на поселениях у колодцев Мурзалы и Иркибай. Один из светильников имеет ручку в виде фигурки животного, похожего на медведя. В одном из кувшинов, найденных в целом виде, сохранились семена дыни. Кроме керамики, на поселении найдены железные предметы — серп, обломки железных ножей, а также бронзовые зеркала с рельефным узором на обратной стороне, различные ювелирные украшения — каменные и стеклянные бусы, кольца, браслеты из стеклянной пасты. Найдено также много медных монет, в основном датированных XIV в. Большой материал с поселения позволяет датировать его XII—XIV вв. — эпохой монгольского завоевания и несколько более поздним периодом. Наиболее интересной особенностью поселения Уйгарак является, однако, то, что к нему непосредственно примыкают прекрасно орошенные поля, на которых видны следы усадеб полуоседлого типа, состоявших из юрт (сохранились круги их земляной обвалки), полуземлянок и небольших хозяйственных помещений, непосредственно примыкающих к жилью и, видимо, состоявших из загонов и землянок для домашнего скота. Эти жилые комплексы, расположенные на окраинах отдельных тщательно обработанных участков (как можно судить по следам планировки и оросительной сети полей), принадлежали, видимо, населению другого этнического происхождения, чем жители ремесленных кварталов городка. Вероятнее всего предположить, что городское население было хорезмийским, а полуоседлые скотоводы-земледельцы, составлявшие основной массив населения его окрестностей, были огузами, входившими в состав Джендского владения; огузские племена, как известно, издавна населяли этот район; до перенесения в XI в. ставки огузских правителей — ябгу в Янгикент административным центром огузов был Дженд, от которого селение Угайрак находится лишь в 150 км к юго-западу. Не исключено, однако, что жители окрестностей Уйгарака принадлежали к одной из групп печенежских племен.

Мы полагаем, что сочетание здесь хорезмийских форм ремесленной керамики со стенными можно объяснить именно этими особенностями этнического состава населения Уйгарака, так как многие типы сосудов могли выполняться ремесленниками по заказам кочевого и полукочевого населения окружающих степей и поэтому, естественно, соответствовали традиционным формам и вкусу степняков.

Характеристика сельских поселений бассейна Жаны-Дары хорезмшахского и золотоордынского времени может быть значительно дополнена после обследования расположенных к востоку от крепости Кум-Кала двух групп развалин — восточной, или второй Кум-калы и Мартык-калы. Восточная Кум-кала — крупная, но не укрепленная феодальная усадьба с примыкающим к ней селением. Усадьба состоит из большого жилого комплекса, представляющего в плане прямоугольник размером 200×155 м, с развалинами жилого дома, в котором сохранились комнаты и коридоры, расползающиеся в ряд; с севера к дому примыкали айваны, а с юга — двор. Конструкция стен, окружающих двор, как и самого дома, низкокачественная: это перемежающиеся слои сырцового кирпича нестандартных размеров и битой глины.

К северу от жилого комплекса усадьбы раскинулся большой участок внешнего двора или сада, огороженный глиняной стеной типа дувала без каких бы то ни было следов фортификации; ворота были в северной стене. Близ восточной стены в саду находилась постройка размером около 35×22 м, от которой сохранился лишь продолговатый бугор в 1,5 м высоты. Вероятно, это был дом для приема гостей, возможно, каптар-хана; прямо перед ним, в центре сада, располагался небольшой квадратный водоем — хауз.

С юга и юго-запада к усадьбе феодала, видимо, владельца здешней округи, примыкают остатки кварталов большого поселения. На многих участках найдены шлаки и кирпичи — следы ремесленного производства. В этом же районе встречаются круглые бугры, высотой около 2 м, диаметром до 12 м, служившие, очевидно, площадками для установки юрт. Они очень напоминают аналогичные бугры на полях близ Уйгарака и, возможно, также являются остатками жилья местного полукочевого населения. За поселением располагались поля, сады, окруженные оградой, многочисленные пригационные каналы.

Обильная керамика с Восточной Кум-калы имеет общие черты с уйгаракской; здесь много глазурованной посуды, датированной по аналогии с хорезмийской керамикой XII—XIV вв.; среди неполивной керамики есть и лепные изделия — разнообразные котлы, орнаментированные крышки, ульвидные очажки, светильники.

В двух километрах к северу от Восточной Кум-калы находятся развалины Мартык-калы — поселения из маленьких, компактно расположенных домов-усадоб, среди которых выделяется своими размерами (18×18 м) и хорошей сохранностью дом, принадлежавший, видимо, владельцу селения. Планировка дома очень любопытна: в нем было девять помещений, в том числе центральный квадратный «зал» с четырьмя узкими проходами-коридорчиками по углам, ведущими в «вестибули», выходящие на северный и южный фасады здания, возможно, они были открытыми, типа айванов. Кладка стен здесь аналогична типу кладки Восточной Кум-калы. Керамика преимущественно ремесленная, сходная и синхронная восточно-кумкалинской, и относящаяся, в основном к XII—XIV вв. Мартык-кала, представляющая собой развалины небольшого селения с домом мелкого помещика-феодала, по своему социальному содержанию памятник того же типа, что и Восточная Кум-кала, по и миниатюре.

Найденная керамика очень разнообразна: сероглиняная, красноватая, светложелтая без поливы, поливная керамика также нескольких видов.

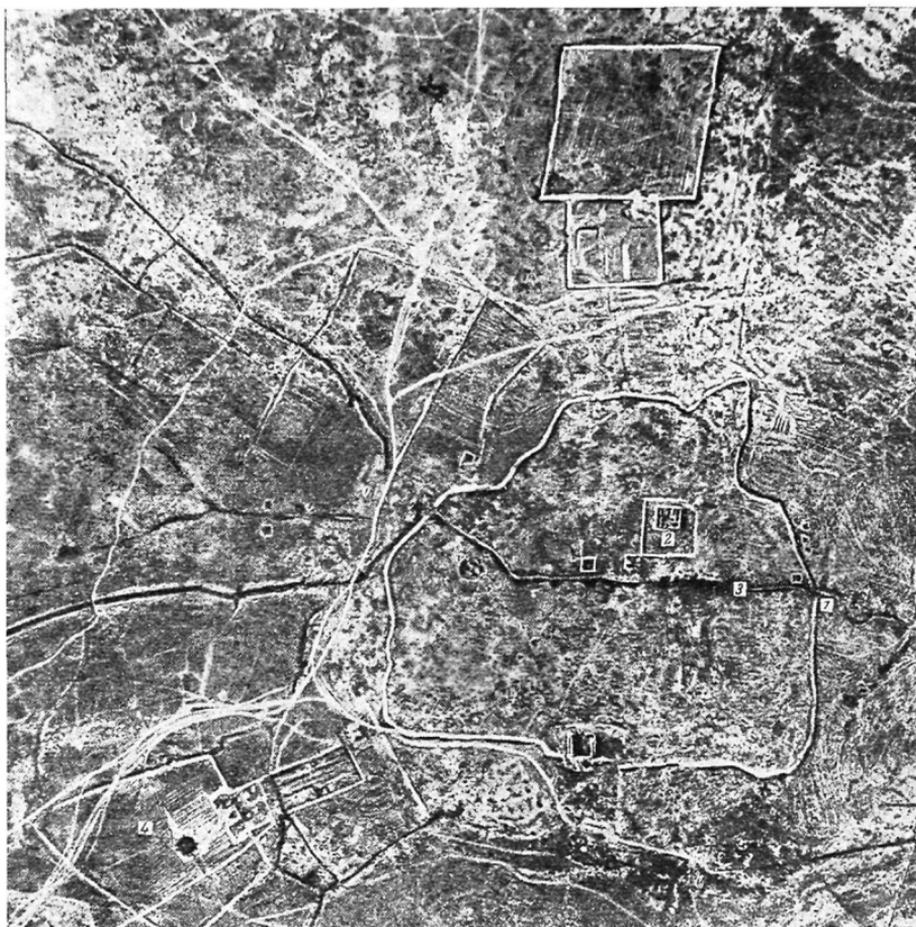

Рис. 39. Городище Джаи-кала — древний Дженд
1 — стена и ров; 2 — цитадель; 3 — канал; 4 — садово-парковый комплекс

Основная масса керамики датирует крепость XII—XIII вв., но встречаются и фрагменты монгольского времени. Интересен тип лепной посуды с рельефным и резным узором. Много бус с голубой поливой из пасты, с инкрустацией. Очень много металла, стекла, встречаются фрагменты каменных сосудов, характерных для хорезмшахского времени в Хорезме, и обломки сфероконусов. Много криц, гончарных шлаков.

Из городских средневековых поселений на Жаны-Дарье наиболее крупными являются Бештам-кала¹²⁶ и Джан-кала (средневековый Дженд).

В 1946 г. Хорезмская экспедиция обследовала развалины большого средневекового города Джан-калы (рис. 39), в результате чего была установлена тождественность этого памятника с известным по письменным источникам Джендом¹²⁷, крайним восточным форпостом средневе-

¹²⁶ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 16—20.

¹²⁷ С. П. Толстов. По следам..., стр. 60—61.

кового Хорезма до его превращения в мировую державу в конце XII—начале XIII в. В 1958 г. один из отрядов экспедиции под руководством Б. В. Андрианова вторично был в Дженде. Это центр обширного района, густо заселенного в XII—XIII вв. Следы средневековой ирригации, усадеб, укрепленных тынцуются отсюда вдоль южного берега Жалы-Дарьи почти до края современной, прилегающей к Сыр-Дарье, культурной полосы, на 40—50 км к востоку. В этом большом оазисе Джан-кала (Дженд) — самый крупный и наиболее интересный памятник. Дженд упоминается многими средневековыми авторами¹²⁸, значение его с XI в. до монгольского нашествия было так велико, что даже Аральское море называли Джендским¹²⁹. В 1220 г. монголы захватили Дженд, в нем долго находилась ставка Джучи, который лишь на следующий год отправился отсюда на осаду Ургенча. Во второй половине XIII в. Дженд посетил среднеазиатский ученый Джемал Карши, который сообщает об упадке этого прежде очень богатого города, ставшего, по его словам, «ничтожным»; однако в Дженде и в ту пору «оставался оживленный базар и купцы продолжали туда ездить с расчетом на прибыль»¹³⁰.

Дженд находится в 115 км к западу-юго-западу от Кзыл-Орды, на правом берегу Жалы-Дарьи, в четырех километрах от основного русла на ее древнем боковом протоке, в густом сакасуловом лесу.

Развалины, сохранившиеся на территории Дженда, разновременны, здесь даже можно видеть остатки каракалпакских поселений (залыпленные землянки, крупные основания и зацлитные валики от юрт, загон для скота). К этому времени относятся также центральная цитадель с одинокой сторожевой башней и городская стена, сохранившаяся в виде насыпного двухметрового вала с буграми на нем (видимо, остатками башен), за стеной — глубокий ров. Здание цитадели сложено из сырцового кирпича и разделено коридором на две половины, каждая из которых состоит из 8—10 помещений. Башня, восьмиугольная в плане, сохранилась на высоту около 7 м, она построена из пахсы и сырцового кирпича. Стена имеет неправильную конфигурацию. Окруженная ею часть городища вытянута с северо-востока на юго-запад и имеет площадь примерно 600 × 500 м. В это укрепление включены развалины средневекового здания (площадью 20 × 30 м), построенного из обожженного кирпича размером 28 × 28 × 4,5 см. Обильные средневековые постройки примыкают главным образом к большому каналу, пересекающему центральную часть городища, и представляют собою или большие бугры, усеянные керамикой, или основания стен из жженого кирпича. К западу от основной части городища располагается эффектный садово-парковый комплекс с пращевидной в плане оградой¹³¹. Это, очевидно, развалины загородного дворца правителя Дженда. Здание было поставлено на возвышенной прямоугольной площадке из сырцового кирпича.

Керамика с городища относится к нескольким историческим периодам. Большую группу составляют изделия типологически близкие к бытовавшим в Хорезме в XIII—XIV вв. Это кувшины серого обжига с ручкой округлого сечения, узкогорлые кувшины с плечами, украшенными орнаментом, и поливные каменные сосуды нескольких видов: с бирюзовой глазурью и черной росписью, с двуцветной, синей и темно-серой или зеленоватой росписью по белому фону и др.¹³² Кроме этих, известных в Хорезме типов керамики, обнаружены изделия, не встречающиеся там,

¹²⁸ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 150 и сл.

¹²⁹ Там же, стр. 150.

¹³⁰ Там же, стр. 153.

¹³¹ М. А. Орлов. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма. «Труды ХЭ», т. 1, стр. 166—171.

¹³² П. И. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма. «Труды ХЭ», т. IV, 1960, стр. 300—328.

например серые горшки ремесленного производства с массивными горизонтальными ручками, поливные открытые чаши с глазурованной облицовкой на неангобированной красноватой поверхности, иногда украшенные росписью. Эта керамика еще не датируется достоверно, но имеет аналоги среди материалов с хорезмшахского поселения у колодцев Мурзалы. Третья группа керамики близко напоминает позднесредневековые изделия Хорезма; это — толстостенные сосуды светло-серого обжига, украшенные прочерченным линейным узором, и поливная керамика с низкокачественной бирюзовой поливой, покрывающей внутреннюю сторону сосудов. Наконец, на городище найдены образцы хорошо известных люстровых сосудов XV—XVI вв., селадоновых и фарфоровых чаш (типа кобальт) XVI—XVII вв., импортировавшихся в Среднюю Азию из Ирана и Китая.

Кум-кала, расположенная в 12 км от Дженда, на самом берегу (левом) Жаны-Дарьи, русло которой делает здесь крутой меандр и заполнено сбросовой сырдарьинской водой, живописно возвышается над голубой рекой, ее мощные, хорошо сохранившиеся стены с массивными башнями образуют неправильный прямоугольник и окружены глубоким рвом; внутри территория крепости густо заросла высокими кустами саксаула, мешающими восстановить во всех деталях планировку зданий и улиц. Общие размеры городища 300×400 м. На стенах крепости, в ее северо-восточном углу воздвигнут мазар, более позднего времени, чем крепость. Памятник, впервые обследованный Хорезмской экспедицией в 1946 г., хорошо датируется обильным подъемным материалом, относящимся преимущественно к XII—XIII вв. Наиболее значительные скопления керамики были обнаружены в северной части крепости.

Из культовых памятников средневековой в бассейне Жаны-Дарьи наибольший интерес представляет мазар Сарлы-там (Жаныдарьинский)¹³³.

В 1961 г. маршрутный отряд обследовал расположенное в верховьях Инкар-Дарьи средневековое городище Асанас (Ашанас), давно заинтересовавшее нас своей планировкой во время визуальных наблюдений с самолета. Сведения о нем имеются в источниках, описывающих монгольское завоевание. Город Ашанас, по Джувейни («Тарихи Джахангуша»), был взят в 1219 г. Джучи, на пути из разрушенного им Сыгнака в Дженд¹³⁴. Бартольд соглашается с исследователями, отождествляющими развалины Асанас со средневековым городом «Ашанас», или «Эшнас»¹³⁵. Городище расположено к северо-востоку от бугра Кок-Сенгир, в 20 км от современного русла Сыр-Дарьи, вблизи от культурной полосы, прилегающей к ее левому берегу (в 48 км к юго-востоку от Кызыл-Орды).

Городище Ашанас представляет собой развалины большого укрепленного средневекового города, окруженного мощной стеной с башнями; примерные размеры городища 480×450 м (по длинной оси около 530 м). В плане городище неправильной овальной формы. Стена сохранилась в виде огромного вала высотой до 5 м, ширина ее достигает у основания 15 м. В трех местах на стене удалось проследить следы фундаментов более поздних мазаров. Ворота, укрепленные предвратным сооружением, находятся в северной, восточной и западной стенах, кроме того, имеется вход и с юга, но не столь укрепленный. Снаружи городище опоясывает большой ров. В восточной части городища возвышается цитадель, в виде бугра с круглыми склонами, площадью 40×50 м. Остальная площадь городища заросла саксаулом, но между кустарником прослеживается множество бугров, усыпанных фрагментами керамики. Заросли

¹³³ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Указ. соч., стр. 20—22.

¹³⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 446.

¹³⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 150—151.

мешают проследить планировку города, однако в восточной его части близ цитадели, застройка была, видимо, более плотной и компактной.

К западной части городища примыкает кладбище, давно заброшенное. На нем выделяются два мазара: один — без портала, с хорошо сохранившимся сферическим куполом, второй — с порталом, типа близкого к Инкардарьинскому Сарлы-таму, но со следами разрушения и позднейшего ремонта.

К восточной стене городища снаружи примыкают землянки и загоны, очевидно, построенные уже в новое время скаковыми казаками или каракалпаками.

Среди находок преобладает ремесленная керамика, но много и лепной, формы которой нам известны по огузским раннесредневековым городищам полуседлого типа. Это — венчики сосудов, украшенные пальцевыми зажимами или валиками с ногтевыми вдавлениями и косыми насечками, котлы с орнаментированными ручками, крышки с резным прочерченным рисунком.

Среди ремесленной керамики много поливной, преобладает поздняя, XIV—XVI вв. Из других находок — бусины, конические пряслица, много фрагментов стеклянных сосудов.

Обследование городища Ашанас убедительно показало, что жителями этого города были не согдийцы, а местное огузское население, связанное корнями своей культуры (архитектура, керамика) с окружающим коренным населением присырдарьинских районов и бассейна Инкар-Дарьи, обводненной частично в домонгольский период.

Близ Ашанаса было обследовано еще несколько средневековых городищ, в том числе укрепленное двумя рядами валов и рвов большое поселение на берегу Ашанас-узьяка.

Археологическое исследование средневековых памятников, расположенных на руслах древней сырдарьинской дельты, продолжается. Обилие и своеобразие этих памятников является залогом того, что в ближайшие годы появится возможность пополнить многими новыми данными сложный исторический процесс, протекавший в этой обширной области с разнородным населением, образ жизни, хозяйство, культура и быт которого в значительной степени обусловливались неустойчивым режимом водных источников — обводненностью или пересыханием основных русел и дельтовых протоков великой среднеазиатской реки — средневекового Сейхуна.

Новый комплекс археологических памятников XVIII — первой половины XIX в. был открыт экспедицией в 1961 г. в бассейне Майли-Узьяка — меридианального протока, соединившего русла Жапы-Дарьи и Куван-Дарьи и широко использовавшегося для ирригации. На правом берегу Майли-Узьяка, в 30 км к северу от Джан-калы были обследованы интересные развалины Бузук-кала — крепости, построенной по типу хорошо уже нам известных каракалпакских крепостей западной части бассейна Жапы-Дарьи. Ниже по течению Майли-Узьяка, в местности, пересеченной бесчисленными каналами и остатками аулов полуседлого типа (с кругами от обваловки юрт), расположенных среди полей, оказался целый комплекс крепостей, носящих общее название Хатын-кала. Наибольший интерес представляет крупнейшая из этих крепостей Хатын-кала 1, занимающая площадь около 6 га. Крепость имела прямоугольную цитадель, в центре которой находилось массивное высокое укрепленное здание, мощные стены которого достигают и сейчас 4 м высоты и 7 м толщины. Городище находится на самом берегу Майли-Узьяка и внешняя стена его так же, как на раннесредневековых городищах

Инкар-Дарьи, образует неправильный круг, примыкающий двумя концами к руслу.

Очень сложна система обороны западного угла цитадели, где находился большой выступ — бастион, господствовавший над подходом к крепости со стороны реки и входивший в систему обороны ворот цитадели. Интересно, что близ этого бастиона найдено несколько небольших железных ядер, видимо, от фальконета — вещественные следы вражеского штурма. Сопоставляя локализацию Хатын-калы с данными ряда карт низовий Сыр-Дарьи, составленных в первой половине и середине XIX в., мы имеем все основания отождествлять эти развалины с хивинской крепостью Ходжа-Нияз, о которой имеются сведения в исторических источниках. В связи с распространением в начале XIX в. кокандского влияния на казахское население района, расположенного между Куван-Дарьей и Сыр-Дарьей, издавна находившегося под суверенитетом Хивинского ханства, и постройкой ряда кокандских крепостей на средней Сыр-Дарье, правительство Алла-Кули-хана хивинского решило возвести несколько укреплений на берегу Куван-Дарьи для противодействия кокандцам. Одним из этих укреплений, самым крупным, была Ходжа-Нияз-кала, основанная в 30-х годах XIX в. Около 1840 г. эту крепость после длительной борьбы захватили кокандцы, но в результате дипломатических переговоров вскоре возвратили Хиве. И только после взятия русскими войсками Ак-мечети в 1853 г. и оттеснения ими кокандцев от Сыр-Дарьи хивинские войска покинули крепости на Куван-Дарье, в том числе (в 1856 г.) и Ходжа-Нияз-калу.

Детальное обследование Хатын-калы 1 (Ходжа-Нияз-калы) позволяет нам внести существенное дополнение в скудные сведения исторических источников.

По-видимому, первоначально на этом месте существовала более старая крепость, построенная местными раннесредневековыми племенами. Средневековая крепость существовала, вероятно, в виде хорошо сохранившихся развалин или даже функционировала в XVIII в., когда бассейн Куван-Дарьи был заселен и освоен каракалпаками, занимавшимися здесь, как известно, земледелием и скотоводством. Когда же возникла необходимость срочно построить в этом районе хивинские укрепления, естественно, что для них целесообразно было использовать местные старые крепости, в значительной степени сохранившие свои фортификационные сооружения — стены, рвы и пр. Так что есть все основания предполагать, что Ходжа-Нияз-кала, игравшая такую интересную роль в истории кокандско-хивинских отношений, была построена на месте традиционного для присырдарьинских районов раннесредневекового укрепления, повторяя его конфигурацию.

* * *

Таковы итоги работ Хорезмской экспедиции за отчетные четыре полевых сезона, охватывающие весьма большой хронологический период и весьма значительный круг проблем.

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	3 сн.	Т. Б. Гладкова	Т. Б. Глазкова
17	4 сн.	кушанскому	кангюйскому
44	подпись под рис. 18	из мавзолеев	из мавзолея 6
55	подпись под рис. 24	выпускными	впускными
57	26 св.	агата	гагата
70	подпись под рис. 34	Баланды	Баланды 2
95	подпись под рис. 4	5 — Бала-Ишим 8	5 — Бала-Ишем 8
137	5 сн.	(рис. 6, 8—13;	(рис. 6, 8, 13;
137	4 сн.	(рис. 5, 2; рис. 4, 4)	(рис. 4, 1; рис. 3, 4)
162	подпись под рис. 3	заальный	завальный
178	подпись под рис. 13	раскопа VI	раскопа VIII
197	24 сн.	VII и IX вв.	VIII и IX вв.
201	9 св.	притоков	протоков
202	7 сн.	полные	полые
250	1 сн.	II—III вв. до н. э.	III—II вв. до н. э.
269	5 св.	Вийрюк	Бийрюк
	Оглавление	Б. А. Лоховиц	В. А. Лоховиц

Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 6
Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг.